

ИШПОКРЕНА,
ИЛИ
УТЪХИ ЛЮБОСЛОВЕЯ,

НА 1800 ГОДЪ.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

5176

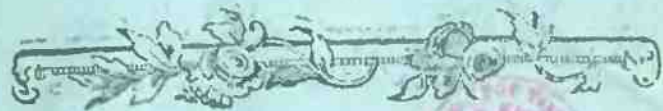
36

Съ дозволенія Московской Цензуры.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи
у Ридгера и Клаудія.

ПЕРВОЕ

1.

НЕПОДРАЖАЕМЫЙ ГИМНЪ:

Къ четверть времени Гола.

Сии обращающіяся времена, Всемо-
гущій Отец! не иное что
суть, какъ переменяющееся Боже-
ство. Весь кающійся годъ испол-
ненъ побѣдою. Въ прелестной веснѣ
Твоя краса; Твоя пѣжностъ и
любовь шепчуютъ. Повсюду багря-
ютъ поля; благодаренный воз-
духъ тогда цѣлуетъ; гулъ бѣ-
гаетъ вокругъ горъ; роши обкла-
няются; великій смыслъ и всякое
сердце преисполнено веселіемъ. По томъ
слава Твоя исходитъ въ мѣсяцахъ
лѣта; блестящая свѣтомъ и зноемъ.
Тогда солнце Твое изливаетъ пол-
ное совершенство въ надмывающійся
годъ; часто гласъ Твой глаголетъ

отпавиѣннѣе возгласеніе слышимо
издалече, вы, которые попрясаше
изумленной міръ! возсылайте къ
небесамъ спремительную пѣснь, и
изреките, кто вамъ даетъ яроснь? —
наспройте гласъ хвалы Его вы, про-
токи, вы дрожащія ручьи! пустьъ
востигнуся симъ, когда бываю углу-
бленъ въ долгія размышленія! вы,
быспряя и глубокия, ницъ падающія
спремнины водъ! вы, тихія рѣки,
ведущія влажную излучину по удо-
ліямъ, и вы, величественное море,
шаннѣе въ самомъ себѣ міръ чудесъ!
возгремите ему недоумѣваемую хвалу,
Ему, Котораго величайшій гласъ
или повелѣваетъ вамъ ревѣть, или
повелѣваетъ умолкнуть вашему реву;
вы, травы, плоды и цвѣты! тихо
восклубайте куреніе свое смѣшан-
ными облаками предъ Нимъ, Котора-
го солнце васъ возвышаетъ, Котора-
го дуновение облагоухаетъ васъ, и
Котораго вѣснь живодушеетъ. Вы,
дубравы! поклонитесь: вы, жащвы!
волнуитесь предъ Нимъ; вдохните
кромку свою пѣснь въ сердце жне-
ца тогда, какъ онъ возвращается въ

домъ при сіяніи веселаго мѣсяца; вы,
которые пріемлете спражу на небе-
сахъ въ то время, какъ усиленная
земля покоится невѣдома, вы, со-
звѣздія! изливайте крошчайшіе свои
лучи, между шѣмъ какъ Ангели
ваши, посреда многозвѣздной шверди
ударяющъ въ серебряныя лиры. О ве-
ликій источникъ дня! наилучшій здѣ
долу образъ Зиждипеля, изливающій
непреспанно всюду съ міра на міръ
живоносный океанъ! начертай каж-
дымъ лучемъ въестественъ хвалу Его! —
Громъ катится; безмолвствуй, по-
верженный міръ! се облакъ облаку
(взаимно) повпоряетъ шоржесивен-
ный гимнъ! вы, холмы! начините
вновь блеяніе свое! вы, мшистыя
скалы, удержите звуки! вы, долины,
кликните ошесюду къ опзывающимъ
мися холмамъ! Се Великій Пас-
пырь владычествуетъ, и Его неши-
спупное царствіе пріндеетъ; пробу-
дипесь, всѣ лѣсныя страны! про-
изникай безпредѣльная пѣснь изъ
рощей! Когда же, по скончаніи многои-
тежнаго дня поющій міръ ляжетъ
усыленъ: тогда — добротгласнѣйшая

и въ пилицѣ, сладкоисенная фило-
мела! ты очаровывай всемогущія ше-
бѣ шѣни, и научи поць восхваляти
Его! Но наче вы, ради коихъ осла-
блешетъ цѣлое швореніе, вы, будучи
всему и глава и сердце и языкъ,
увѣщайше великій гимнъ! вы, живу-
щіе вкунѣ въ шоллящихъ обшир-
ныхъ градахъ! присоедините свое про-
пѣванное, пѣніе къ громозвучнымъ
органамъ, часно пресѣкая свѣшлые
глазы чрезъ напрягаемый ревъ глау-
боглазій съ шоржесивенными пере-
межками; и когда единый племень
сбѣшшаваетъ умножаетъ другой, тог-
да возвысьте съ соединеннымъ жа-
ромъ къ горнимъ небесамъ! Но еспѣ-
ли вы избираете наче сельскія шѣ-
ни, и во всякой священной дубравѣ
сбѣшшаваете священище: то пусть
цѣнница наспыря, пѣснь юной дѣвы
и припѣвающей Серафимъ и лира
Пѣсношворца всегда славословяшъ Бо-
жесиво колотрающащихся временъ
года.

Что же до меня: — то ежели
забуду любимый предметъ тогда,
какъ цѣпы произникающъ, или лу-

чи лѣша румляниѣ поля, или сло-
жающая Осень багрѣшъ, или Зима
воспашетъ на шускиѣоцемѣ востокѣ:
то пусть языкъ онѣмѣшъ, пусть
воображеніе потеряетъ силу начер-
паванъ, и пусть сердце мое окаме-
нитъ (умершее) противъ всякаго
радованія: во вѣки забудетъ свое
біеніе!

Повелитъ ли мнѣ Судьба, да
восною невѣдомыя рѣки въ отдален-
нѣйшемъ краю зеленѣющей земли,
въ далекихъ варварскихъ странахъ,
гдѣ первые лучи солнца позлащаютъ
Индійскія горы, или вечернее сіяніе
воспламеняетъ Атлантическіе оспра-
та; все едино для меня, когда Богъ
вездѣсущъ, вездѣ оцунителенъ,
какъ въ пространной пустышѣ,
такъ и въ плодородномъ градѣ; гдѣ
Жизнодатель ни дышетъ, всюду
будетъ радость. Наконецъ когда сни-
детъ шоржесивенный часъ, и вос-
крылитъ шанисивенное мое пареніе
къ будущимъ мірамъ: я съ охотою
покорюся; шамо съ новыми силами
буду воспѣвать возникающія чудеса;
не возможно мнѣ шесшествовать шуда,

здѣ же ослабленіея вссообщая любовь,
поддерживающая всѣ оныя шары со
всѣми ихъ солидами, всегда извле-
кающая изъ кажущагося зла благо, а
изъ сего пакы *лучше* и еще *лучше*
въ безконечномъ послѣдствіи. Но я
уже самъ перяюсь въ *цель*, — въ
нензлаголанномъ свѣтѣ. Ты,
изразительное безмолвіе, углубись
Его пѣснохваление!

Голосъ.

2.

Г И М Н Ъ

Целителью.

Красуйся, кроткое, благопріятное
удединіе! спутникъ мудраго и
добродѣшельнаго, коего священныхъ
и прозорливыхъ очесъ далече бѣжипѣ
полчище безумцовъ и злодѣевъ!

О! koliko возлюбилъ я шестиво-
вань съ тобою, и вниманіе непо-
пливой бесѣды твоей, внушаемой не-
винностью и нешпнкою, и умягчаю-
щей непокоривыя сердца!

Тысяцу образовъ тѣхъ пріемлень
на себя въ шпшнѣ, и въ каждомъ
здѣ всегда кривиться. Иногда, обле-
ченъ въ ибкую павншвенную дремо-
ну, показуешься нусншвиному любо-
мудрцу, а иногда съ живосншо преле-
наешь съ холма въ юдоль; иногда
же воспаряешь къ свообразной швер-
ди; иногда, какъ наснухъ привина-
ешь на лугахъ, и свиряешь
на шросншоной своей шнцали;
иногда же, какъ лжбозникъ, вмѣщаешь
въ лицѣ своемъ всѣ пріяшности сла-
достной шраснш; и иногда съ ибж-
носншо друшбы пріемлень на себя
цѣлнѣ миловидной *Гарфорды*, когда
она съ своею *Мушдорою*, *Мушдорою* —
шрасншоною къ шевѣ шзредѣ уштра-
ненной вдали долины пробуждаешь
созвнующаго соловья.

Твое еснш врачевное дыханіе уштра,
въ которое раждаются роза, зтибаю-

щаяся подъ бисерной росой; когда же кипитъ полуденный зной: и вонъ сушь безмолвныя убъжница въ дѣбряхъ; но иначе, когда вечерняя зрѣлица закрывается, и ослабѣвающей видъ окресности ускользаетъ, и вонъ есмь сомнѣвательное и тихое склоненіе дня, и вонъ есмь наилучшій часъ размышленія.

Исходящія Ангели ублажаютъ сопутствующія тебѣ добродѣтели мудрото и шестыри; воспомянная невинность, облеченная въ бѣлую ризу, возноситъ предъ ибодю небоязненную главу свою; лучи религіи сіяютъ окрестъ тебя, и оживляютъ мраки твоеи Божественнымъ свѣтомъ; сладостная свобода ликуетъ вокругъ тебя, а восхищенная *Уранія* тебѣ воспѣваетъ ирси.

Ахъ! пусть проникну въ сокровенную твою обитель! пусть водворюся въ глубокіхъ твоихъ убъжницахъ! можетъ быть съ дубравнато холма *Норудя*, гдѣ размышленіе обрѣтаетъ свое удовольствіе, безпечные мои взоры поскользнулся шуда,

гдѣ возникающъ остро-высѣщенный банши *Лондоа*, и я буду помышлять о его преслушеніяхъ, о его забобахъ и о его мученіяхъ; тогда ты укрой меня какъ въ роуцахъ!

Томсонъ.

3.

ЕДИНОВЕСѢДОВАНИЕ;

Сот. Евлисаветы Росс.

Пусть на горящихъ пескахъ *Либн* и непроходимыхъ снѣгахъ, или на ледовитыхъ краяхъ *Новой Земли* буду я повержена! на хладномъ ли брегѣ какомъ, или въ уединенной пещерѣ, гдѣ ни малой не видно снѣзи и благовиднаго искусства челоука! пусть обиталище мое будетъ печально и мрачно! но только бы тамъ сохранилась въ моемъ образѣ улыбка; самое дикое ущеліе для меня будетъ раемъ, небесною долиною и блаженною дубравой. При моемъ сладостномъ присущеніи всякой гибельный

ужасъ, уединеніе и унылая ночь
воспримувшъ оцъ меня свой подлѣшъ.
Красота во всемъ своемъ благообра-
зи, любовь, и тѣснація ушѣхи
сопровождаятъ меня. Повсюду, гдѣ
пожмо ны присутствуюешь, раждаешъ
безмерная жизнь, и вдругъ
просіяваетъ день небесный. Ты —
луна! въ, звѣзды! и ны, прекрасное
солнце! прощай на вѣки. Я уже не
пребую болѣе созерцать твоихъ во-
сходящихъ лучей; ибо нынѣ Боже-
ственнымъ сіяніемъ, ахъ! — самый
свѣтъ озаряешъ меня, и присутствую-
щій день Господень теперь уже мой:

4.

СТИХИ

Въ гестѣ Голсона.

Доколѣ дѣвственная весна при Эдем-
скихъ поляхъ разверзаетъ нѣж-
ную свою зеленую мантію, или укра-
шаетъ дерны въ своемъ равномъ уку-
сѣ, или возмашаетъ *Золотые*
пѣни;

Доколѣ *лето* съ матеріею благо-
стію удаляется въ прохладныя шѣни
Драйбурга, хотя не рѣдко красуется
забываетъ достигнуть зрѣлости въ
колосистыхъ нивахъ и прозябеніяхъ;

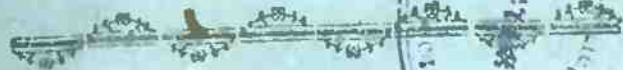
Доколѣ *осень*, щедрая благодѣтели-
ница, возноситъ шаржающую главу
свою при *Твидѣ*, и само-одобряю-
щимъ духомъ эришъ, что всяка
плоть насыщается ея благотвѣніемъ;

Доколѣ обитующая *зима* сир-
ѣтствуетъ на тѣхъ холмахъ, от-

куда нишекая постепенный *Арроз* возбужденъ ревъ въ водомутныхъ пропотокахъ, или пропоргаенъ дикую пушчаню сибговъ;

Дополъ — о любезный Сладкопъ-вецъ года! — буденъ процвѣщать пошъ лавръ, которий ты приобрѣаь себъ; а между шѣмъ Шопландя еъ радостными слезами буденъ пропо-вѣдывать, что *Тохсонъ* былъ ея сынъ.

Корроз.

ВСЕОБЩАЯ МОЛИТВА

Воспоайшему Богу.

Отче вселческихъ! покланяемый во венкомъ возрастъ, во всякой силѣ, дикимъ и мудрымъ, Іегова, Юва, или Господи!

Ты еси вселя первоначальная Причина, непоснижимая, ограничившая мой смыслъ познаниемъ шокмо шого, что Ты еси благъ, а я слѣбъ.

Дажь мнѣ въ семъ шемнемъ вѣкѣ различани благо отъ зла! Послику же естесивно находишя во узѣхъ судьбы, шю остави человецескую волю свободною.

Чтоо содѣнъ велишъ, или чтоо воспренденъ шворишъ, шому шучи меня прежде, нежели избѣганъ преисподней; шому прежде, нежели пошѣивать къ небесамъ!!

Часть VII. Но. 71.

Естьли Твоя щедрота даруетъ какое благословеніе, не оприши меня; ибо когда человекъ приемлетъ, Богъ тогда получаетъ уже плату; наслаждайся — еси повиновайся.

Но Твоя благосыныя да не попустишь мнѣ ограничиваться иъвсвою покоемъ надію земли, или почитаніемъ Тебя Господомъ единого лишь человека, когда окреститъ Тебя тысячи міровъ канниша!

Не допусти сей немощной и невѣжесивенной рукѣ дерзнуть на опшійіе Твоихъ претрадъ! и да не окружатъ вселенную великое Твое проклятіе! Я во всякомъ сужду врага Твоего.

Спаси мя наождѣ ошъ буйственной гордости, или нечесиваго неудовольствія, когда премудрость Твоя отказываетъ мнѣ въ чемъ, или щедрота низпосылаетъ чинодибо!

Научи меня оцущанъ вопли ближняго, и сносишь преснупление зримое мною, да покажу я милость другимъ, да покажешь и Ты мнѣ милость.

Хотя я и не споль уничтоженъ сѣ того времени, какъ спалъ оживлецъ Твоимъ дуновеніемъ; но ахъ!

Ты поведи меня всюду, гдѣ я ни хожу; симъ бо днемъ или жизнь, или смерть.

Днесь да будетъ моею долею хлѣбъ и покой! иное все подъ солнцемъ Тебѣ извѣстно, въ лучшемъ ли ово состоянии, или ишъ; и да будетъ Твоя воля!

Тебѣ, Ему же храмъ все просипранство, Ему же ошаръ земля, море и небеса, да соснавишь всяка плоть единый ликъ, и да възденитъ къ Тебѣ всесоуженіе иъблага естесива!

Поне.

М Е С С И Я,

Священная Эклога, писанная въ подражаніе Виргиліеву Поллону.

Нимфы Салима! начните пѣснохваленіе! превыспренніе гласы принадлежатъ небеснымъ предметамъ. Уже не дозвѣютъ нѣмъ мнѣшныя испочки и прохладныя пѣни дубрей, мечущія Пинда и дщери Беоидіи. — О Ты, коснувшийся священныхъ усещъ Исайи! наставь меня въ слово-словіи.

Проникнувший грядущія времена Пѣснопѣецъ тако началъ: Се Дѣва зачнешъ! се Дѣва родитъ Сына! се пѣ корене Иссеова прозябаешъ жезлъ, его же священный цѣпѣвъ исполняетъ небеса благоуханіемъ! — зѣрныя Духи движущая на лиснейхъ Его и

паниспвенный голубъ низходящъ на вершину Его. О небеса! низпустише свыше некиарную росу, и испочипше въ крошкѣмъ безмолвіи животворныя канал! врачевное быліе удрученному и немощному будешъ помощію, опѣ бурь убѣжищемъ, и опѣ зноя пѣнию. Всякое грѣхонаденіе преспауетъ, древняя прелесць попребишся, и воззванное правосудіе воздвигнетъ въсы свои; миръ проспретъ надъ вселенною маслячную свою вѣшвъ, и Невинностьъ въ бѣлой ризѣ спидетъ съ горныхъ седей. Прелетайше быспро, годы! наступай, возделѣнное унро! Облагенное Онроча! изыди на свѣтъ и родися! се Природа поспѣшаетъ принесеши Тебѣ ранніе свои вѣтки со вѣтми вѣнами дыпущей весны! се великолѣпный Анданъ вознеситъ свою главу! се дремучія роци скачутъ на горахъ! се ароматныя облака подвемлются опѣ низкаго шароца, и многоцѣпная вершина Кармея облагоухаетъ небеса. — Се... радостный гласъ утѣшаетъ печальную нуспыню: *уготовайте путь! Богъ, Богъ грядетъ; — Богъ, Богъ! холмы велелла-*

сло повиоряюиѣ, и горы каменныя
провожданаюиѣ и приближающеся
Божество.

Се земля возпріемлетъ Его съ
наклоненныхъ небесѣ! Извѣдите
горы, и въздыше доли! въздыше
кедры Ему подобающее, преклонше
главы ваши! — узенишеся сиропоп-
ныя скалы! и вы, бысприя рѣки,
опвержене пупь! Спасише въ грядеиѣ
прореченный древними Бардами!
услышите Его, глухіе, и вы, слѣпые
прозрите! Онъ очистиѣ лучъ зрѣ-
нія оиѣ густой пелвы, и ваеиѣ
день въ пускляю зѣницу ока. Онъ
откроетъ затражденныя пупи звука,
и новой мусикіею произведеиѣ очаро-
ваніе иѣ опвершеномъ слухѣ; иѣмьи
будетъ воспѣваніе; хромьи оставиѣ
жезѣ, и восприпушии будетъ ска-
каніе подобно прыгающей сериѣ; не
услышиѣиѣ тогда вселенная ни воз-
дыханія, ниже ронота; Онъ со вся-
каго лица опретъ каждую слезу;
смерть заключена будетъ въ адаман-
товьи заклены, и свирѣиѣиѣ пираніе
преисподней обласни будетъ ощу-
щаніе вѣчныя на себѣ шрамы.

Какъ добрый пастырь печется
о своемъ стадѣ, ищетъ свѣжей па-
вѣи и чищеиѣшаго воздуха, извѣ-
дываетъ о погибшихъ овцахъ и соби-
раетъ заблуднише, днѣиѣ нази-
раетъ ихъ, а новію охранетъ;
иѣжнато агнца въземлетъ на свои
рамена, ииплетъ изъ собешвенной
руки и согрѣваетъ на своемъ лонѣ:
иѣко обѣпованый Опецъ будущаго
вѣка восприиметъ челоѣчешво подѣ
еднѣ покрова своего. Языкъ не будетъ
уже воснаванъ на языкъ, ни пла-
менюиѣе воинели срѣшанъ съ не-
нависниыми очесами; уже поля не
будутъ покрыванъ блесняцимъ
оружіемъ, ниже иѣдныи трубы не
будутъ воспаляиѣиѣ яроспи; всеу бу-
дущѣ успремаяиѣиѣ копия на Ски-
оовѣ; широкій мѣнь прешворетъ бу-
детъ въ орало; тогда въздвигнутъ
черпоти; радоснииѣиѣ сынъ совершиѣиѣ
начаное его праотцемъ вмаѣ
скаичавнииѣиѣ; винограды ихъ усну-
пятъ иѣиѣ своимъ опраслямъ, и
иѣже рука, кошорая сѣяла, должен-
ешъуенъ пожинаѣиѣ поля. Пасиухъ
въ недоумѣиѣиѣиѣиѣиѣиѣ на безплод-

ныхъ пустыняхъ; возникающія диліи
и внезапно изходящій зракъ, вдругъ
устремляя слухъ свой посредъ жаг-
душихъ сердецъ къ новому надеію
водъ, шумящихъ въ утеса его; уже
разсѣдшихся скалахъ, гдѣ находящи-
ся извѣданныи гифздилица драконовъ,
колеблемая златиный каминъ, и помя-
шешъ просиникъ. Обширные песча-
ныя доды, исполненные нѣкогда шер-
нѣмъ, украшающія остроголавыми
сдами и дѣловиднымъ букомъ много-
цѣвныя пальмы баснуваніи мѣсно
безлиственныихъ кусаринковъ, а благо-
воиный мирисъ мѣсно плетворныхъ
дикераслей. Агнцы будишъ вкупѣ съ
волками прыгають на зеленомъ лугу,
а опроки снагунъ во многоцѣвныихъ
перевязяхъ водить пугровъ; плецъ
и левъ будишъ ниходнишь подъ од-
нимъ кровомъ, и безвредный змій по-
лижешъ стопы пуншесивенника;
ослабляющійся младенецъ взимають
будешъ на руки шлемоноснато васи-
диска и цѣлго полва; взирая самъ
со удовольствіемъ на зеленый свѣтъ
чешун, будешъ невиннымъ образомъ
играшъ съ развилиспымихъ лвыкомъ.

Воспани, свѣтомъ убивчанный,
воспани, царсивенный Салимъ! воз-
высь вънце-башенную главу свою, и
возведи очеса швои! се продолжителъ-
ныя племена украшають просира-
ныя двори швои! се будуще сѣни и
дщери, еще нерожденныя, свѣщенны-
ми рядами воспаяють со свѣхъ шприи,
прѣбуя живоица, и порѣваясь къ небе-
самъ! се дикіе грубые народы ожи-
дають при швоихъ вранахъ, ходяшъ
къ швомъ свѣишъ, и покланяются
въ швомъ храмѣ! се швои свѣщозар-
ныя жерншеники окружены низвер-
женными Царями, и наподисы про-
изведеніи Савскихъ источникоевъ!
къ тебѣ вѣишъ прино-душисшя
рощи Идумей, и горяшъ сѣмена зла-
на на горахъ Офирскихъ! Се небо,
разверзая всюду лучезарныя своды, низ-
рѣвается на тебѣ въ свѣтломъ при-
либѣдня! Не столько восходящее соли-
це будешъ озлацашъ утро, или ве-
чернягъ Циноеи наполнишь серебряныя
свои рога, сколько единый прилибъ
славы, единый безоблачный свѣтъ
огня, шеряясь и расшопляясь въ шво-
ихъ прѣвѣреннихъ лучахъ, обшешъ

твои обиталища; самъ Свѣтъ откровенный возсіяетъ, и вѣчный Божій день будетъ твой! моря повсюду изсушатся, дымящаяся твердь погаснетъ, скалы низадуишь въ прахъ, и горы разлетаются; но Его непреложное слово, Его спасительная сила осеняетъ вожди, твое же царствіе пребываетъ вѣчно, и твой собственный Мессія владычествуетъ.

7.

О Д А,

Писанная 1688 года, вмѣсто упражненія въ Камбриджеской Коллегіи Св. Іоанна.

Изъ ессы еже ессы:

Изх. гл. III. ст. 14.

I.

Человѣкъ! безумный человѣкъ! едва ли ты познаешь, какимъ образомъ самъ зачался; едва ли только можешь доказатьъ надлежащимъ образомъ свое быніе — а ты уже, нанищаясь ученою оплеугою, держашь про-

спирать ослабленный взоръ неосновательнаго разума своего въ шатливую глубину необъемлемой бездѣльности: что же ты тамъ разсмотришь? и что оиподѣ сообщишь? Суевѣрный несчастливецъ! сокрой гордыню знанія своего: умерши ученое свое похотибіе; понемногу помысли твое, когда ты самъ ничто, какъ персть земли.

II.

Пусть освоуміе дастъ парусы, мудрость веслы, а благоуханнейшій омынь управитъ кормиломъ; но не уповай! твоя крапивоременная ладья будетъ обуреваться въ непреклонной пучинѣ увеличивающейся судьбы. — Что жъ? чѣмъ даѣе она простирается, тѣмъ даѣе оиѣ ея краю, и въ пѣдрахъ безпредѣльнаго моря всегда должна ощущать свое заблужденіе, которое продолжается вмѣстѣ съ ея пушемъ.

III.

Съ омерзкою кичливостію и неистовымъ удовольствіемъ твое сомнѣніе держашь хвалиться, что иуды твои уже увѣнчаны; и твоей

Богъ Ейрика (ЕУРКА) ей! непостижимъ и безконеченъ. Но такъ ли? — суебный изыскатель! ибѣ; пусть какое несовершенное опредѣленіе покажетъ, что ты, слабый опредѣлитель, ничего не знаешь.

IV.

Скажи, почему совокупившійся океанъ себя содержитъ внутри самого себя? почему иногда онъ въдряется въ свои пещеры, и со уладительнымъ безмолвіемъ спитъ на любимомъ донѣ оптической своей глубины? почему и мѣчисленные воды сползаютъ въ приятномъ благоустройствѣ и прелестномъ усиройствѣ, доколь въспры и приливы не будутъ исполнять высшего своего велѣнія? почему встающие валы, скорые и топовые къ повиновенію, распространяютъ открытые ряды свои на покорной главѣ земли, шествуя по различнымъ степямъ до различныхъ урочищъ?

V.

Почему непреодолимое солнце измѣрительными шагами претпекаетъ свѣтлозарное свое поприще? почему повелѣваетъ оно дневнымъ часамъ оснать

лишь единую спрану вселенная, и восходить на нашей? почему пробуждаетъ оно соотвѣтственную лулу, и наполняетъ жаждущую лампаду ея жидкимъ свѣтомъ, повелевая съ обыкновенною властію ей украшать вселенную, и ублажать шемноту ночи? почему каждая одушевленная звѣзда любитъ правильные предѣлы собственной сферы? почему всѣ согласные знаки съ благоразумной гармоніей соединяются въ оборотномъ движеніи, и показуются попеременно для препоясанія шара земнаго, и во обладаніе года?

VI.

Человекъ съ патубнымъ любопытствомъ изслѣдываетъ сіи неизмѣримыя чудеса; онъ, ограничивая вещь-ство и движеніе въ вымышленныхъ правилахъ и произвольныхъ законахъ, назначаетъ изобрѣшенныя черпы и выдуманые крути; но шомъ съ мысленною превъспренностію духа царствуетъ онъ, яко владыка новаго умоклоченія. Онъ царствуетъ; — сколько долго? — пока испанетъ другой какой нибудь прешоло-хитц-

якъ; и сей, въ большей степени умнивающий; въ большей степени мудреющий, изобрѣшаетъ новыя черты и вышнляетъ новыя круги. Сколько же познаній происпекаетъ изъ сего послѣдняго пруда? Можетъ быть столько же, сколько достигали и всѣ по его увѣренію правила его предшественника, кои были только пустыя *те мѣрки*; все было только школьное *сусловіе*; а онъ воздвигаетъ свой престолъ на развалинахъ другаго, и показуя ошибки своего друга, утверждаетъ между пѣмъ собственныя свои.

VII.

На землѣ, въ воздухѣ, посредѣ морей и пшверди воспавонѣ бугристыя громады чудесъ, коихъ возвышающаяся сила никогда не покорится бойницамъ разума, или подконамъ понкомысля: но человекъ, всегда испытуя, всегда погрѣшаетъ; каждой часъ отражается, и каждой часъ съ дерзновеніемъ наспунаетъ, и ученой бѣдикъ, цѣля на Божественно блуждающее свое гаданіе (сіе дряхлое уменьшенной его брани знамя, руководствующее сомнѣнія его и проши-

ящееся его опчальности), можетъ дань законы своему Создателю, можетъ принудить сію Природу, и предписать пу Волю, коей плодонворное Слово преисполнило каждый океанъ! можетъ извѣстить намъ, ошкѣлъ всѣ существа, и какъ они движутся и живутъ. Безумный человекъ! сіе плодонворное Слово проникало каждый океанъ; шамѣ введенная привлекла каждую пылинку, море призывало каждую каплю, и небо каждую звезду.

VIII.

Дя сокровенѣ ухвиренная земля многоплодная свои чудеса, и возведенѣ шокмо колеблющейся швой умѣна пренецивающую вершину *любнаго звѣста*: шамѣ шуснѣ погдумишся швое познаніе, шуснѣ смѣшешся швол кичливостѣ, и извѣстнѣ, какимъ образомъ Совершеннѣо претернѣло шпраннѣ. Всемогущій изнемогъ, и Вѣчный умеръ! какимъ образомъ побѣдншесльннѣ, смернѣ, чрезъ своего Шпрандальца умершвенѣна, и земля, оскверненнѣя убншнѣомъ Неловнннѣаго, спнѣла благословенною. Тамо ннѣцъ пади съ шщеславными швошнѣи свнннѣами, шамѣ ннѣцъ пади! но

покмо соблюди священное единство! за-
снать непокоривое нивое познаніе прекло-
нишься со уничиженіемъ и благоговѣй-
нымъ раболѣніемъ! пролей слезы изъ
мысленныхъ и шѣлесныхъ очей! низ-
ложи все то, что ны превозносилъ!
будь слѣпъ ко всему дольнему, дабы
созерцать горня!

IX.

Тамо вѣра на мѣсто мерцающаго
свѣта разума откроешь безмерную
свою дальность (перспективу),
а присущіе Благодати возмра-
диль урожай естества; шамъ живо-
творенная душа Твоя узнаетъ, что
вѣд книги любомудрїа со вѣми сво-
ими толкованїями никогда не могли
изобрѣсти символъ хипроснато
орудїа, дабы достигнуть небеса не-
бесъ, высокое обшадше, гдѣ *Моисей*
полагаетъ своего шанненнаго Бога;
достигнуть какова была ша древяя дѣ-
сница, копорую дрезалъ *Іаковъ* воздвиг-
нулъ, когда Божественный свѣтъ оза-
рдалъ челоѣческую шьму, и когда его
разширенныя понанїа приобрѣли шупь,
копорой шѣра провозвѣщала, и Ангели
прохождали. — *Ирїарг.*

8

ВЪНОКЪ.

Все, что лучшаго ни имѣютъ роши,
все я собралъ: нарвалъ благо-
вонныхъ фіалокъ, прекрасныхъ ли-
лей, неспрыхъ гвоздикъ, и алымъ
розъ, дабы украсить ими власы пре-
красной моея *Хлои*.

Нынѣ поупру дѣвушка сія позво-
лила мнѣ увѣчашъ чело свое разно-
цѣбною перевязью, хоня цѣпны
были и не споль пригожи, какъ ея
лице, и запахъ ихъ не споль при-
яшенъ, какъ ея шихое дыханіе.

Она во весь день носила цѣпки;
вѣ Нимфы и пашупи за вѣрное
ушверждали, что они приятнѣ бли-
спали на власахъ ея, нежели горѣ-
ли въ природныхъ ложахъ своихъ.

Какъ же скоро пришелъ вечеръ,
и она примѣшила, что цѣпки уже
Часть VII. No. 72. 3

поперяли погда свой знахъ, и кра- ска на нихъ поблекла: погда она раздѣвшись перемѣнила взглядъ, и бросивъ на землю вѣнокъ, устремивъ глаза на него.

Сии глаза покрылись такою чи- стною и ошмѣнною влагою, какую только языкъ Музы можетъ изобразить; и погда изъ за рѣсницъ ея выбѣжала перловая слеза, и покапывалась по прекраснымъ ея ланинамъ.

Я погда пришеюся въ шомъ, о чемъ уже совершенно вѣдалъ, спросилъ ее: милая моя! жизнь моя! изъясни мнѣ сію перемѣну въ чувстввахъ твоихъ! прошу располковать: сии слезы капающія . . . что значатъ?

Она вздохнула! усмѣхнулась указала на цвѣтки, и подобно любезной какой нравоучительницѣ начала говорить: посмотри, мой другъ, во сколько коронкихъ часовъ! посмотри, вонъ тамъ — какая здѣлалась перемѣна!

Ахъ! цвѣтущее великолѣпіе Мая, и пріятности дѣвчей красоты, весьма походивъ другъ на друга; по- учуру и то и другое показывается

цвѣтнвъ блестящій и веселой, но въ вечеру уже вянетъ, блѣднѣетъ и исчезаетъ.

Бѣдная *Стелла* упреннее время проводила въ пляскахъ и цѣнии, а влюбленный юнона съ богопвореніемъ преклонялся предъ нею; но часъ пришелъ ночи, роковой ея колоколъ звукинулъ; я сама ее видѣла, и уже цѣловала ее въ смернномъ покрывалѣ.

Такова, какъ она, скончалась сего дня; и такова, какъ я, увы! . . . должна умереть завтра. Поди, *Далонъ!* и скажи Музѣ твоей, чинобъ она исполнивала справедливую причину горести твоей *Хлон.*

Пріора.

С Ъ В Е Р Ъ .

Всѣ народы идущіе съ сѣвера на югъ, или вѣвая склонность, видимо начертанная въ Исторіи. Сѣверъ покоряетъ всегда югъ; жаркой поясъ, располагая душу къ покою, къ нѣгѣ, къ нуждѣ сладоспасашия, ослабляетъ охоту къ работѣ; шѣло расслаблено, и воображеніе наполняется видорами и пустошю: полу-денные народы послѣ перваго со-противленія способны наче повино-ваться, нежели сражаться.

На сѣверѣ холодъ укрѣпляетъ фи-бры, даетъ имъ степень напряже-нія, производящую крѣпость души; тамъ надобно предаваться упражне-ніямъ, развивающимъ шѣлесныя силы, удаляющимъ бредни зловердныя празднаго человѣку, коимъ все-гда спремится къ своей порчѣ; тамъ

умѣютъ владѣть оружіемъ, гоняще-ся за лѣсными живошными; браки тамъ многочисленнѣе, плодовитѣе и цѣломудреннѣе; самыя здоровыя понятія зараждаются въ сихъ голо-вахъ, каковыхъ не возжигаетъ огонь развращающаго воображенія (*).

Не люблю народовъ, коимъ печенъ полуденное солнце; въ сихъ странахъ, въ коимъ пламеню-щее свѣтило не сходитъ съ горизон-та, кажется что возжигаетъ кровь человѣческую и производитъ въ пей жестокость; тамъ животныя имѣ-ющіе спашной ядъ, и языку ихъ надобно прикладываться въ крови; тамъ любовь упончается и спановишя судорожною спашкою, обращающею-ся въ бѣшенство; тамъ произво-дитъ она всѣ ужасныя сцены драго-мщенія и резниваго несповства. Югъ есть пребываніе злодѣшства, и же-спокія спашни не обращаются шунъ въ пользу отечества; въ сихъ полу-денныхъ странахъ кажется что

(*) Жаль, что и въ сихъ странахъ шѣ худшаго воспитанія перераждаются харак-теръ! — Изд.

человѣка мучитъ собственное бытіе
его; памѣ онъ скорѣ нападашь на
жизнь другаго. —

Изъ Мерсе. М.в. Гапищевъ.

С К О Р Ь Ъ .

Взойди, луна, подруга ночи!
И озари лучемъ меня
Сквозь вѣтви мрачной, тихой рощи,
Гдѣ я брожу одинъ снѣга.

Свѣщи въ мерцаніи прекрасномъ
Слегка шѣней разсѣяшь мракъ;
И шествуя на сводѣ ясномъ,
Яви въ водахъ швой свѣтлый зракъ.

Свѣщи — и шинуу къ Природѣ
Возстанови въ сей ночи часъ,
Да соловья лишь на свободѣ
Внизаю тихій, вѣжрый гласъ.

Люблю я при швомъ сіянии
Бродить, и въ сердцѣ скорѣ питать;
Среди всѣхъ сладостныхъ мечтаній
Въ слезахъ несчастіе облегчать.

Капись, капись, слеза священна,
Сердечныхъ чувствъ вѣрѣйшій другъ!
Ты Богу жертва умиленна,
Бальзамъ онъ всѣхъ земныхъ недугъ.

Едва вступилъ въ сей свѣтъ обширный,
Какъ люный рокъ меня сразилъ;
Тогда мой вѣкъ исчезнулъ мирный,
И я пошоки слезъ пролилъ.

Пролилъ, и спадъ надеждой льстившися,
Что шѣмъ смягчу мой люный рокъ;
Что миръ подъ грудью водаринся,
Пріянныхъ дней увижу шокъ.

Но, ахъ! надежда шо пустая;
Мой жребій шомъ, чтобы шрадать;
Какъ гибнетъ воскъ, онъ жару шая,
Такъ доласнъ я свой вѣкъ скончать.

Жестокихъ бѣдъ стрѣлой пронзенный,
 Грѣшимъ онъ юныхъ лишь судьбой,
 Бѣгу въ мѣста уединены,
 Числоу сердца боль смягчить слезой.

Бѣгу, и въ семъ уединенѣ
 Единнымъ предаюсь мечтамъ;
 И въ вихру скорби мое мученье
 Склоняется къ опрадѣ намъ.

Мнѣ скорбь мила и пищей стала!
 Въ ней вилку друга своего;
 Она меня лишь утѣшала,
 Когда я былъ лишенъ всего.

Привыкъ со скорбью жить одною;
 Она мнѣ дѣлаетъ милая.
 Не ищу себя мечтой златою;
 Мечта есть шельмъ — и мнѣ дѣлаетъ въ ней.

Иной въ чертогахъ обитаетъ
 Среди обитая своего;
 Забавы, расканъ вымышляетъ,
 Но скука все гнететъ его.

Иной богатство собираетъ,
 Надъ нимъ и ночь и день сидитъ;
 Людей и Бога забываетъ,
 И вѣчный страхъ его казнитъ;

Иной за почестями летаетъ,
 И кровно дѣлаетъ его обантъ;
 Ось грады, домы сокрушаетъ;
 Но пуля въ грудь — и онъ забытъ.

Или проклятіе исходитъ
 Изъ устъ семей, сибиренныхъ имъ;
 Меновеной славы звукъ проходитъ,
 И блески умолкаютъ съ нимъ.

Вопъ все, что намъ опъ дѣлаетъ можно
 Во время жизни ожидать;
 И вопъ, какъ насъ блещанье должно
 Легко здѣсь моленью ослабляетъ.

Но пусть предъ симъ златымъ кумиромъ
 Колѣна преклоняетъ свѣтъ!
 И взоры ошариваю съ миромъ,
 Познавъ, что въ немъ блаженства итъ.

Желая другимъ я оставляю
Короны, лавра и вѣнца;
Но щасня дѣйствию я знаю
На человѣчески сердца.

Не нужны вѣки опдалсины,
Ни Силлы, Марія примѣрь:
Не въ времена ли просвѣщенны
Марапѣ возникнулъ, Роберспьеръ?

Вкругъ лѣсницы, ведущей къ храму,
Гдѣ зрю Фортуны я престолъ,
Какую вижу бѣдснвѣй яму!
Какой соборъ всѣхъ адскихъ золъ!..

О Музы! взоръ мой отвратише
Отъ зрѣлища шолнкихъ бѣдъ;
И въ край меня тошѣ пренесите,
Гдѣ смертнаго не виденъ слѣдъ.

Да тамъ, въ покоѣ заблуждаясь,
Не буду заобы дѣйснвѣй зрѣшь;
И шнхой скорбюю нишаясь,
Вамъ въ честь я спану гимны пѣшь,

Что показали въ низкой долѣ
Красы прямыя жизни сей;
А что всего для смертныхъ болѣ,
Любишь Творца, любишь людей;

Что научили бышь послушну
Закоу совѣсти моей,
И бышь ко блеску равнодушну
Высокихъ шншлами людей.

Не вы ли часто миѣ внушали,
Что смертные едваль когда
Честней великихъ досягали,
Не здѣлавъ ближнему вреда?

Что камней дорогихъ стѣнѣ,
Въ коморыхъ грудь ихъ вся горитъ,
Приводишь въ мысли шѣхъ стѣнанье,
Коморыхъ въ нихъ и кровь блестящъ;

Что лучше вѣчно бышь забвенну,
И руки чистыя имѣшь,
Чѣмъ злукомъ наполняшь вселенну,
Покоря въ кругъ себя не зрѣшь.

Меня такъ, Музы! научая,
 Прямой открыли къ часной путь;
 И сердце бьёмъ потрясая,
 Вы вижу скорбь вливали въ грудь.

Чтобъ чувства, мысли и мечтания
 Черезъ скорбь уныи вновь нашли,
 И украсивъ свой лучъ блеснанья,
 Къ уныню сладкому прешли.

Чтобъ огонь спрассей лишь прорывался
 Слегка сквозь шомныя черны,
 И видъ задумчивый являлся,
 Когда бы вдался умъ въ мечны.

Такъ ваятель изображаетъ
 Во мраморъ прилоснивъ соборъ,
 Когда онъ флеромъ покрываетъ
 Изображенья кронкй взоръ.

Журчанью томиу водъ подобно
 Въ задумчивосн насъ скорбь влечетъ;
 Въ сн минуны - по удобно
 Надъ сердцемъ власть она беретъ.

Къ жадно чувствва наслаженъ,
 И пламень лещъ любви прямой;
 И вздохъ невольно испорченъ,
 И снопъ лишь коресни одной,

„Что шинны не видни въ свѣтѣ,
 „Что люди во враждѣ живутъ;
 „Какъ будто бы Богъ въ своемъ завѣтѣ
 „Изрекъ: да люди кровь лютъ!

„Да въ злобѣ шигровъ кривыная,
 „Другъ друга въ ярости разитъ;
 „Въ шомъ верхъ блаженства пошавая,
 „Тутъ мщеню конда не явитъ. „

О Благость, Благость всевящая!
 Почто на оларъ Твоемъ
 Тутъ смернный шимамъ снгая,
 Шейденъ Твоимъ прямымъ пушемъ?

Бышь могутъ ли прѣшны жерны
 Ошду враждующихъ дѣней?
 Вражды а, корысть, шѣла ли мерны
 Согласны съ благостью Твоей?

О! сколь священнѣ шокъ слезный,
 Что смертный въ даръ Тебѣ спрушитъ,
 Когда въ часъ скорби, въ часъ небесный,
 Къ Тебѣ онъ мыслію паритъ!

Души покойной сладка нища,
 О Скорбь! сколь ны пріятна мнѣ!
 Не ны ли утѣшаетъ нища
 И мудреца на единѣ?

Сердца холодныя не знаютъ
 Всей сладости твоихъ минушъ;
 Но мы, что сами грустятъ и плачутъ,
 Легко — легко меня поймутъ.

Въ твои мгновенья-шо священны
 Я радъ все смертному простить;
 Я радъ въ объятія растворенны
 Его, какъ бранна, заключить.

И къ благу общу пламенѣя,
 Готовъ всегда слезу пролить
 На грудь и самого злодѣя,
 И тѣмъ еще его смягчить,

Чтобъ онъ къ разсудку обратился,
 И чтобъ поухала злоба въ немъ;
 Чтобъ съ совѣстью онъ примирился,
 Съ людьми, Природой и Творцемъ;

Чтобъ въ кругъ вступилъ ему подобный,
 Которыхъ сколько оскорбилъ;
 И наконецъ по дѣйствахъ злобныхъ
 Пріятность жизни ощутилъ.

Враговъ любя, проснимъ злодѣю,
 Коль онъ предсталъ предъ насъ съ слезой.
 Что онъ пошелъ распушенный спезею,
 Увы! не мыль еще виной?

Ахъ! съ чѣмъ сравню сіи мгновенья,
 Когда я скорби слезы лью,
 На донъ нишаго заблещя
 Себя съ людьми я въ мирѣ зрю;

Когда я въ мысляхъ созерцаю
 Единъ смертныхъ красота,
 Восторгъ восторгомъ умножаю,
 Не зная сердца пустошю?

О естли бы я, скорбь ниная,
Всю жизнь въ мечтаньяхъ проводалъ!
Тезенья дней не ощущая,
Я смерти бѣ надъ собой не зналъ.

*

Съ себя лишь кору шайну скинувъ,
Въ немилую, вѣну бѣ жизнь вснупилъ,
И сей земной бы рай покинувъ,
Въ небесный рай тогда бѣ спышилъ.

Но коль веселій безконечныхъ
Творедъ шумъ не дааъ и Царю,
Такъ и за часъ ушыхъ сердечныхъ
Тебя, о Скорбь! благодарю.

Сло Низъ.

11

С Е Р Е И А ,

Иравоуцительная Повесть.

Серена, родившись совершенною красавицею, едва лишь достигла семнадцати лѣтъ, какъ несчастное приключение пресѣкло спокойные дни ея. Причиною сего былъ Юкастъ, можетъ быть самой распутивѣйшій въ развращенномъ свѣтѣ юноша. Распутавшая дѣвицы, обманутыя и похищенная вдовы, цѣлыя семейства овлаживали позориме профети сего безчестнаго побѣдителя. Но въ глазахъ Гарникаса, Серенина отца, богатство его изгладило весь ужасъ порока и свѣтъ добродѣтели. Представленія матери ея, сколько же вѣрной, сколько и вѣжной, не больше имѣли вліянія надъ сердцемъ оболоченнымъ корыстною, какъ и усиленные моальбы,

Часть VII. No. 73.

4

Слезы и опечаленіе дочери. Тщесныя Серена падала на колѣни предъ отцемъ своимъ, и пребыла смертны, яко послѣдней надежды; она учинилась жертвою самолюбія и скупости, сихъ добродѣтелей большаго сына, кои рази всякая добродѣтельная душа оплакиваетъ.

Юкастѣ едва только сорвалъ цѣпны ея оль невинной и любезно дѣвцы, какъ уже и почувствовалъ къ ней такое омерзѣніе, каковое только распушныя и необузданныя души должны повсюду испытывать. Нарушивъ правила должности и благопріятности, онъ описавъ искалъ обличій Фрины, которая продавала ему всегда за дорогую цѣну идъ сладострастія. Юная супруга его старалась его исправить усильными прозвѣтами, примѣромъ и лобзаніями. Прелесть, которая въ другой мѣсяцъ бы очаровала его и онелечь онъ знала, не имѣла нимадаго дѣйствія надъ такимъ сердцемъ, которое было нечувствительно ко всему тому, чѣмъ онъ гладѣлъ.

Серена продолжала время веселія и удовольствія въ пролипін горькихъ слезъ. Дни льна ея были не что иное, какъ непрестанная буря. Уединеніе соснавало единственную ея утѣху. Гордость ея весьма была велика, чипобъ открытъ шу горестъ, которая раздирала сердце ея; она никакой не имѣла чувствительности къ своему, другу, коимой бы могъ умягчить или облегчить бремя ея злополучія.

Между тѣмъ, какъ оплакивала она суровую судьбу свою, Ариспѣ, имѣвшій землю по соседству съ Юкастовой, возвратился въ домъ изъ своего путешествія. Онъ былъ юноша, одаренной красою, добродѣтельно и благомыслиемъ, чшо рѣдко природа вмѣстѣ совокупляетъ. Юкастѣ, будучи съ нимъ знакомъ еще съ дѣтскихъ лѣтъ, пригласилъ его тогда къ себѣ ужинать, дабы возобновить прежнее свое знакомство. Тогда и въ первой разъ увидѣлъ онъ Серену во образѣ спраждущей добродѣтели. Томность очей ея, помраченныхъ слезами горести, весьма способна была восна-

лишь несчастную Серену? Увы! всё мои слезы и оправданія можетъ снѣсть-ся только лишь бы ожесточили суровость ея судьбы. Ахъ, Серена! проливаешь ли ты теперь хотя единую каплю слезъ за меня, за того злощаснаго, консорой, есльди бы только Небо сообразовало, даменблв бы къ тебѣ числѣншею и священнѣншею любовію; удаленъ онъ твоего образа, лишенъ твоего присутствія, я могу облегчить свое злополучіе. Какъ! я могу облегчить его? Нѣтъ не по крайней мѣрѣ могу умереть онъ того. —

Такимъ образомъ онъ успокоилъ сильное волненіе души своей; но не могъ быть равнодушенъ, когда только опять видѣлся съ тѣмъ предметомъ, консорой непрестанно обращался въ его сердца; всегда взиралъ на него съ большимъ уваженіемъ и съ большимъ безпокойствіемъ. Столь нѣжная Серена спавновилась еще несчастливѣе. Проспавна и онокровенность ея не позволяли ей припривориваться; потупленные очи, и шпаккіе вздохи измѣняли ея молчанію; на

справствѣ Ариспова была споль тонка, что не позволила ему искать слѣдовъ сожалѣншеія въ глазахъ Серены.

Векорѣ послѣ сего она уже начала терять каждой день свое здоровье. Суровые и сконскіе поступки мужа ея, соучастіе друга, прежніи несчастія и ужасъ будущаго, могущій онокрыть справныя минуны для ея добродѣтели, обременяли душу ея, и послѣдвали упадкомъ ея прелестней.

Ариснѣ видя, что ея красота чувствительна измѣнялась, усугубляя свое сожалѣніе къ ея судьбѣ, по мѣрѣ какъ ея прелести увядали. Онъ часто намѣревался утѣшить ее, забывая собственное злощасіе. Возможно ли ему поднестъ горячайшему мученію? Онъ призывалъ къ себѣ въ помощь мудрость и разумъ, и думая, что довольно уже снабдилъ твердостью, покушался говорить; но десевшій во всѣхъ сожалѣвахъ прененъ, подобно льду, сжималъ губы его, когда только онъ видѣлся съ Сереною. Спреленъ потемняла всё тѣ небесная пошпція, консорья долженствовали

производить пищину, облегчая ужасное прискорбие его. Онъ уклоняется отъ очей полупрослезившейся Серены, но ее образъ слѣдуетъ за нимъ подобно тѣни.

Въ одинъ вечеръ Ариетъ пошелъ въ близкую рощу, принадлежащую Локасту, дабы предасться задумчивости. Луна сіяла ясно; пищцы уже окончили пріимное свое щелканье; все вокругъ молчало; самое журчаніе пошочковъ пригласило къ успокоенію. Ночная пищина прерываема была только шептаніемъ шихихъ ѣшперковъ, а сіе печальный любовникъ пріемлетъ за дыханіе природы, соспрадающей его прискорбію.

Ариетъ, скипаясь при ужасныхъ страданіяхъ души, приходитъ подъ навѣсъ покрытой сверху ясминами и лианами. Тамъ онъ примѣтивъ любовную Серену полускрываемую въ темнотѣ листьевъ. Рука, прелестнѣйшая нежели вечерняя звѣзда, подпирала главу ея, наклоненную небрежно къ груди. Ея вздохи проникали сквозь цѣпиущіе кусты, служившіе убѣжищемъ ея горести.

Ариетъ сперва опешупилъ въ величайшемъ пренебъ; но поначасъ спрятившись оспановиая, дабы вниманъ свободно жалобному гласу, пріеходящему изъ за деревъ:

„Такъ не ужъ ли я для того, говорила она, имѣю душу, чинобы спрдасть? Увы! какую жизнь я влеку! Природа скончалась для меня; дни мои гораздо печальнѣе почей, а ночи длиннѣе годовъ проходящъ въ слезахъ и безъ сна. Ахъ, кратчайшія минуны шихато и спокойнато младенчества! куда вы дѣлались? Скорѣе весенята упря прошекаетъ, и уже никогда не возвращаетъ. Нещастія всегда распределяютъ сладчайшее наше чаніе. Милосердый Боже! Ты благъ безъ извѣненія; мои бѣдныя не могутъ еще уравнишь съ степеню благости Твоей. О бѣное Провидѣніе! прости мою горестъ. Но почю соверилъ Ты сіе сердце только ибжное и исполненное чувствительности? почю вложилъ въ него сіи возвышенныя чувствія любви и добродѣтели? Должно ли оно бытъ добычею звѣрешу жестокосердато

невѣрнаго мужа? должно ли оно разлучиться навѣки съ нѣмъ, коюрой, кажепся, рожденъ для меня? Злощасная Серена! сколь часно я испытывала сладоснѣйшія движенія, когда въ мысляхъ своихъ предпавляла любезнаго супруга, коюрато починала я назначеннымъ себѣ опѣ Неба! Я примѣчала въ образѣ его величественно добродѣтели, важныя черпы Благоравія и мудрость умгчаемую любовью; я снцаралась чрезъ безгородное ревнованіе учинить саму себя достойною такого сердца, о коюромъ цѣлаи вселенная споритъ о мною. Съ какимъ рвеніемъ я готовляла душу свою къ улюбхамъ любви посредствомъ сладосни дружества! Сколь блаженны были нѣ минушы невняносни, коюрыя послѣдуемы были предвкушеніемъ неба! Въ какомъ очарованіи я находилась, взирая издали на нщя дни, сопровождаемыя удовольствіями, пронеканюще безъ порока и злощасія, и наконецъ погружаемыя въ блаженной вѣтноспи! Но, узы! я здѣсь испощила все свое благополучіе въ единой надеждѣ. Сце-

лѣннѣ похитило у меня все съ собою, подобно щаснливцу, возведенному на престолъ на крыльяхъ сна, коюрый по своемъ пробужденіи находилъ себя пакн въ низкой и бѣдной хижинѣ, или можетъ быть видѣть себя еще скованнымъ въ темницѣ. Тщешно добродѣтель сперегла каждое движеніе моего сердца, дабы учинить оное даромъ, достоиннымъ никакого человека, коюрой заслуживалъ оное.

„Великодушный другъ! ты, коюрый споль подобенъ тому, коего мое воображеніе начерпавашъ въ мысляхъ! не оскорбайся болѣе. Небо свидѣтель, колико протаснъ меня твое состраданіе; и колико бы я желала для учиненія тебя щаснливымъ пренерѣпить, еспди можно, гораздо болѣе, нежели сколько я теперь чувствую! Священныя узы, связующія меня! вы никогда не разрушаешесь опѣ толь чистнато желанія. Не заслуживашъ ли опѣ участи менѣе спрашивай? Его языкъ никогда не открывалъ сердечнаго шперзанія; очи его никогда не показывали плакото бле-

ску, которой бы не соприкоснулся алмаз
чистоты его души. Ахъ! какъ бы онъ
любилъ меня! . . . Но судьба опъем-
ленъ у меня всякое ушщненіе, даже
и сія сладостныя свиданія, сія лож-
ныя мечты, когорыя заперцаенъ
добродѣтели. Такъ; — оплачайте
опъ меня всѣ грѣзы юности моей!
проходите мимо образы благополучія,
кого щещино я ожидала! вы щоль-
ко усугубленіе мое бѣденіе. Вѣр-
нѣйшее упованіе начиненъ облегчать
мои спраданія. Изчерпанная душа моя
предвиденъ уже сквозь сія безмѣр-
ныя муки свое освобожденіе съ при-
липнымъ ибкнмъ ужасомъ. Она
ощещуетъ уже по блаженнымъ спра-
намъ покой. Я ощущаю приближеніе
смерти; спускай ко мнѣ, другини
заощастныхъ, послѣдняя надежда
тѣхъ, у коихъ всякое иное упованіе
сблщенъ къ концу своему! приближь-
ся, и закрой очи сія, пощещенія
опъ слезъ! поведи меня въ вѣчное
жилище невѣности и мира! . . . Ка-
кое ушщненіе чувствую!

„Вся совокупность бѣдствій мо-
ихъ терпелся въ небесныхъ востор-

гахъ! Прощайте, дребеса, прощайте!
журчащія ручьи, свидѣтели дѣт-
скихъ моихъ забавъ и долговремен-
ныхъ несчастій! А вы, достойный
другъ! прими послѣднія мои возды-
ханія: прими съ моею душою сію щещи-
ну, щещинуемую щеперь мною! Го-
ресни моя уже совершились; и щещу
свѣплую сію будущности, и мы —
будемъ вѣчно щещо блаженны. . . .

Такимъ образомъ Серена окон-
чивъ сердечныя свои жалобы, уходилъ
и ощущаленъ несчастнаго Ариста
въ добычу всѣмъ щещмъ мушечамъ,
каковыми сердце сто тогда распер-
щещалось.

Она не долго жила по щещмъ по-
слѣднемъ прощанію; ея душа въ при-
липномъ невозженіи пощещла прямо
въ оброщія смерти, и въ щещмъ небе-
сныя спраны, въ разсужденіи коихъ
сія жизнь ещещ только щещмъ. Поло-
женіе Ариста, при щещаніи на без-
душныя ощущенія Серены, не можно
ощещивать словами. Обрещенный
всѣми ужасами смерти, опъ при-
щещл въ ослабленіе, и сокращенъ щещмъ
ко для щещо, щещмъ оплакиванъ без-

цѣнную пашерю свою даже до послѣднихъ минутъ своей жизни, озабоченъ коей проводилъ онъ въ уединеніи, удаляясь онъ всякаго человѣческаго общества.

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ

Изъ Милстоновой Поемки:

И refero.

Милая птица, убѣгающая шуму безумія, сладкогласнѣйшая, задумчивѣйшая! — тебя, пѣвица! можно часто посреда рощей слышать въ черную твою пѣнь; не находя же тебя, я никѣмъ незримъ прохаживаюсь по сухой, гладкой, и выкошенной зелени, дабы созерцать шестивые дыны, приближающейся къ высокому своему подудию, подобно заблудившему страннику, чрезъ про-

странный и непроходимый путь небесъ, и часто шакъ, какъ будто бы она склоняла свою главу, проикая сквозь серебро-рунное облако.

Тогда пусть пѣкое дивное и таинственное свидѣніе, плава на крыльяхъ по воздушнымъ стременинамъ, представивъ мнѣ веселый образъ, и испустивъ его крошко на мои зѣнцы; козь же скоро пробужусь, но пусть на сладостная пѣсь опываешься надо мною, въ окрестности, или внизу, которая происходивъ онъ Духовъ въ утѣшеніе смертныхъ, или онъ невидимаго Гени дубравы!

Милстоновъ.

ВЕЛИКОДУШНАЯ ДѢВИЦА,

или

ЛЮБОВЬ И СУМѢНІЕ.

Содержаніе.

Одна молодая дѣвица, пробужденная любовью отъ сна, воспылавши прежде еще изсинуленія зари въ одну долину, и ожидая тамъ прибытія своего любезнаго, которой обѣщался видѣться съ нею предъ восходомъ солнца. Ея душа, возвышаясь надеждою приближающагося благополучія, позволявши себѣ между тѣмъ наслаждаться созерцаніемъ красоты естественна и восходящаго свѣтила, которое должно сплести въ предмѣстїи ея вѣжностіи. — И такимъ образомъ она бесѣдуетъ сама съ собою :

(Смотри въ началѣ слѣдующаго листка : *Единобесѣдованіе.*)

ЕДИНОБЕСѢДОВАНІЕ.

Солнце позлащася уже вершины сихъ сиротливыхъ дубовъ, и волны сихъ сиротливыхъ понокъ, текущихъ между каменными скалами, и текущихъ отъ себя искры свѣта; же я примѣчаю вершины сихъ одинокихъ горъ, гдѣ уединенный испухъ обитаетъ, бывъ удаленъ отъ шумнаго міра и всѣхъ суестьихъ веселій его.

Ночь свиваетъ свою заѣсу. Вы, прекраснѣе огня, обманывающіе заблуждающагося сиротлика! удалитесь въ влажныя глубины и болонистыя зыбля; и ты, Фебъ, обладатель небесъ, наполняющій воздухъ живою теплою, сыплющій перлы росы до цвѣтамъ сихъ луговъ, и озаряющій различныя красоты естественна!

Частъ VII. №. 74.

прими первую мою поцелуй, и поспитай во свое поприще! Твое изнеспивие провозглашаешь скорое прибытие моего любезнаго.

Да будешь цвѣлая Природа учащицею въ моемъ веселіи! да благословишь всяка плоть сей благознамениный кругъ, освѣщающій насъ! — А вы, цвѣпы, сохраняющіе въ пѣтрахъ своихъ благоуханіе, которое шамэзгущаешь ночь! разверзайте свои лепесточки, и наполняйте воздухъ своею врачбною сладостию!

Не знаю я, не приятное ли какое восхищеніе, обладающее душою моею, испещряешь зримое мною. Ручей, извилюющийся по долину сей, не меньше ошарываешь меня журчаніемъ, какъ и приятностию вида. Зефиры лобызаятъ меня своимъ пѣжкимъ дуновеніемъ. Благовонныя растенія, попираемая моими ногами, сообщаютъ чувствамъ моимъ приятные свои запахи. Ахъ! ежели блаженство исходитъ когда поспитишь жилище смертныхъ, то безъ сомнѣнія оно избираетъ сія пѣни для своего пребыванія.

Но какое тайное смитеніе превозитъ меня? Теряешь ли ты надежду уже ядъ свой съ сладостию надежды моей; сія долина уже начиняетъ шерсть свои вязы. Уже ли веселіе споль скорочею? — Съ таковою ли удобностию возицаешь у насъ оно, съ каковою легкой пухъ сихъ дѣворасей испоржешь бываешь дыханіемъ зефировъ?

Тяжело я пребываю къ ласкательной надеждѣ! каждая минуна умножаетъ тоску мою!... онъ еще неидетъ. — Кто ошимаешь его у меня? — Какъ еще должность священіе той, которая унимаешь безпокойства любви?

Что я говорю! — Спупай! подзрѣнія ревности оскорбительны върности его, и оглашаютъ пѣжкостъ во мнѣ. Ежели ревности рождаешь со спороны любви, то она и испребляетъ ее, когда не будетъ испоргнуша съ самымъ корнемъ. Она подобна плону, который давлываетъ дубъ въ зеленыхъ объятіяхъ своихъ, а наконецъ — задушаетъ и

сушитъ то древо, кое подкрѣпляетъ его. Я довольно вѣдаю о моемъ любовномъ, и не сомнѣваюсь о его нужности. Онъ оспаривалъ всю придворную пышность, и искалъ спокойствія въ тихихъ долинахъ. Простота сердца моего, и дѣвическія черты лица его. Тщесно сладострастныя мои соперницы вызывали его проливъ своихъ оружій. Моженъ ли быть онъ обвиненъ коварствомъ ложной привлекательности, которая только потемняетъ дѣла дѣвической непорочности, потубляетъ розмыскромнаго цѣломудрія, и прикрашаетъ ихъ бѣлизною хитрости и краскою наглыхъ непристойностей?

Увы! презрѣніе его къ волокитству моженъ быть служено для меня сѣнью прегнанія. Не избыли ли мнѣ чувствительность, и по лукавство, какое употреблено мучина для нашего обольщенія? Если они воспылаются въ пренебреженіи цѣломудрія, то не мы, а они находясь въ томъ любимое удовольствіе свое. Сколь они жестокосерды, когда въ счетъ добродѣтелей помѣ-

щаютъ варварское услажденіе мужесства, а вѣрность посвящаютъ за бездѣлку! Они безъ угрызенія совѣсти употребляютъ во зло невинность, и часно ради своего тщеславія починаютъ за удовольствіе взирашь на нашу поску и воздыханіе.

Но успокойся, мое сердце! — прочь, ненавистныя мысли! мой любовной придетъ вѣрно. Коль скоро я вижу его: но — тысячу разъ уже начинала это — мой воспривоженная душа спокойна; и я часно забываю самую ну правильную причину, которая заставляла меня жаловаться; ибо съ нимъ единственно могу ощущать свое благополучіе. Но если онъ измѣняетъ мнѣ; если — — — въ ну самую минуту, когда моя любовь извѣняетъ его, совершаетъ онъ пагубный пропускъ неврности въ обѣщаніяхъ какой нибудь лукавой и ложной прелестницы: по пусть ополчипся вся Природа въ опмщеніе за меня! — пусть онъ . . . —

Чего потребуешь теперь грудь моя? — О стихіи! будьте нечувствитель-

пелены къ симъ поплямъ моимъ! А
ны, земля! не разверзай еще глубо-
кихъ пропастей своихъ; — пусть
извергъ сей скипается въ урочное
свое время по явсей усмѣхающейся
поверхности; пускай еще содѣлаешь
онъ нозыя ужаснѣйшія преступле-
нія; пускай еще испортитъ слезы
жалобы изъ легковѣрныхъ дѣвицъ!
Естьли же праведныя Небеса и бу-
дутъ опмещать ему за оныя: то
по крайней мѣрѣ да будетъ сіе по
мольбѣ другой какой нибудь злоца-
спнѣйшей женщины!

Но онъ идетъ! — мой Демонъ
идетъ! войтъ онъ!... я еще буду ща-
слива въ обьявленіяхъ его, и поза-
буду все мои помышленія, что онъ
не сохранилъ ко мнѣ слова своего.

Б Е Д Л А М Ъ,
Ядлинской Анскдошъ.

Въ Лондонѣ *Бедламъ* есть одна
изъ любопытныхъ вещей, копто-
рыя и кажутся пушешественни-
камъ. Тамъ пооблѣгаю, недосройно-
му всякаго просвѣщеннаго народа,
для всѣхъ праздныхъ, которые мо-
гутъ зацѣлать нѣсколько денегъ,
предназначаютъ каршину величайша-
го бѣдствія, какимъ шокмо пораже-
но человѣчество. Здѣсь держатъ
безъ разбору всякихъ особъ въ ка-
комъ нибудь родѣ сумасшедшій.

Между безумными — что боль-
ше всего меня пронуло — была одна
нещасливая, которую содержали особо.
Во наружномъ видѣ своей имѣла она
благородство, и съ ней казалось
больше унипрѣбляли попеченія, неже-
ли о злополучныхъ ея подругахъ.
Лице ея, увидясе отъ горести, но
еще сохраняющее какую-то величе-
ственность, являло шрогашельное

умыние, располагающее къ жалости, не причиняя ужаса. Всѣхъ взоры на нее обратились; вожаной это при-
мѣнилъ. „Вотъ, сказалъ онъ, моло-
дая Лада, которая рождена была
въ томъ сословіи, чинѣ Фздинъ
цугомъ. Ея исторію рассказываютъ
такъ: — Ее любилъ молодой человекъ
сноль же знатнаго происхожденія,
какъ и она; но не такъ богатъ. Лю-
бовь, говорящъ, все равняетъ. Она
любила его такъ же страстно, какъ
и онъ любилъ ее. Видно по всему,
что отецъ ея не хотѣлъ и слышать
о семъ супружествѣ. Онъ грозилъ
дочери, выгнать ее изъ отцовскаго
дому, еслили она будетъ продол-
жать видѣться съ своимъ любез-
нымъ. Такія угрозы побудили моло-
даго человека отправиться на ко-
раблѣ на острова; онъ надѣялся по-
лучить себѣ тамъ сноль знатное
именіе, что ему наконецъ дана бу-
детъ рука его любезной. Но при
выходѣ на берегъ, его постигла
лихорадка, сноль общая въ
сихъ сноронахъ, и черезъ нѣсколько
дней онъ умеръ, къ сожалѣнію всѣхъ

его знакомыхъ. Всѣмъ о томъ до-
шла до его любезной. Это было въ
тотъ самую минуту, какъ отецъ хо-
тѣлъ ее принудить выйти за бо-
гатаго купца, такъ стараго, что
онъ могъ быть ей дѣдушкою. При-
ключеніе сей кончины не могло смит-
чить безчеловѣчнаго отца; онъ еще
сильнѣе принуждалъ дочь вступить
въ бракъ, который онъ назначилъ.
Нещасная дочь его, смященная вмѣ-
стѣ отчаяніемъ о потерѣ своего лю-
безнаго, и отчаяніемъ къ назначен-
ному себѣ супругу, дошла до того
сосновія, въ какомъ вы теперь ее
видите. Но наказаніе Небесъ пости-
гло жестокость сего отца: дѣла
его распались, и онъ умеръ въ
крайней бѣдности.

Повѣсть сія, хотя она рассказа-
на грубымъ человекомъ, живо про-
нула мою чувствительность къ зло-
получной Ладѣ, которая во все это
время оснабалась какъ бы погружена
въ самое себя, устремля глаза на
кольцо, которое носила на пальцѣ.
Тутъ оборотилась ко мнѣ: „Ахъ!
вскричала она: „Били, любезнаго

„ моего Билли нѣшѣ ужѣ болѣе на
 „ свѣтѣ! Вы конечно плачете о мо-
 „ емъ Билли? Вотъ пусть благосло-
 „ витъ ваши слезы. Я хотѣлабъ
 „ такъ же плакать, да не могу: у меня
 „ мозоли засоохъ и не дають слезъ.
 „ Огъ горѣшѣ! горѣшѣ! горѣшѣ! „ — Она
 „ подошла ближе ко мнѣ. „ Умиришесь,
 „ несчастная Лэдди! сказааъ я ей:
 „ вашѣ Билли теперь въ небесахъ.
 „ — „ Въ небесахъ! правда ли это?
 „ найдемъ ли мы тамъ его? Одна-
 „ кожѣ по крайней мѣрѣ я тамъ не
 „ увижу этого спрашнаго человека,
 „ примолвила она, указывая на во-
 „ жакаго. Ахъ! я здѣсь спала жен-
 „ щина безъ всякой Христіанской
 „ вѣры. Я почти забыла думать о
 „ небесахъ. Однакожѣ иногда возсы-
 „ лаю къ нимъ молитву. Когда голо-
 „ ва у меня свободна, то я молюсь.
 „ Иногда и пою . . . чѣмъ грустнѣе
 „ мнѣ, тѣмъ больше я пою. Волнѣ
 „ послушай, я запою:

*Дражайшій Билли мой!
 Чужа, сыра земля,
 гдѣ ты нашель покой,
 Будь легка для тебя!*

*Пусть надъ могилою взрастетъ цвѣтокъ свѣ-
 нокъ,
 Хотя ихъ не ороситъ моихъ слезъ горькихъ токъ.*

Эта пѣсня ни чушь не была му-
 зыкальна; это были одни только
 ноты горесинные, и безъ всякаго
 искусства; однакожѣ не лъзя было
 слушать ихъ, не распротавишсь. И
 по шему-то, кромѣ одного лишь
 вожакаго, всѣ вокругъ этой неща-
 сной утирали свои глаза.

„ Чшо! вы еще плачете? сказала
 „ она. Охъ! больно мнѣ, чшо я васъ
 „ огорчаю. Вы мнѣ приводите на
 „ память Билли. Билли очень на васъ
 „ похожѣ. Такъ шочно онъ смол-
 „ рѣаъ на меня, какъ давааъ мнѣ
 „ это кольцо. Вѣдней Билли! Охъ!
 „ въ этошѣ день я въ послѣдній
 „ разѣ шебя видѣла — — —
 „ Какъ море бурное корабль твой уносило. „
 Шакспиръ.

„ Какъ я люблю, чшо вы похожи
 „ на Билли! Но никого ужѣ въ свѣ-
 „ тѣ не буду такъ любить, какъ я
 „ его любила. „ Она подала мнѣ руку.
 Я оросилъ ее слезами и пожалъ въ

своихъ рукахъ. „Нѣтъ, сказала она,
 „ вамъ не лѣзя имѣшь этого кольца.
 „ Это подарокъ Билли. Возьми себѣ.
 „ Я забыла другое изъ золотыхъ
 „ нишечекъ съ кусочкомъ шифру,
 „ пусть это будетъ вамъ въ на-
 „ мѣнь обо мнѣ. Я вамъ кажусь
 „ спранныю двушкою; но сердце
 „ мое невинно. Охъ! скоро горюшь
 „ его задущишь. Чу! какъ оно бьен-
 „ ся! „ — Она схватила мою руку,
 „ прижала къ своей груди, и накле-
 „ нила сама голову, прислушиваясь
 „ внимательно. „ Чу! какъ бьется,
 „ разъ, два, три . . . Бѣдное серд-
 „ цинко! оно перескачетъ башен.
 „ Дивно ужъ сердце у моего Билли
 „ не бьется. . . О! да и вишь и за-
 „ была объ кольцо! „ — — Она взды-
 „ ла мнѣ его на палецъ. „ Прощай-
 „ те . . . пора ужъ мнѣ съ вами раз-
 „ спашься. „ — Она отнимала свою
 „ руку, но я поднесъ ее къ губамъ.
 „ Нѣтъ! нѣтъ! и не могу долбе съ
 „ вами оставаться. Охъ горести я
 „ чувствую въ голодъ замѣшательство.
 „ Прощайте! прощайте! „ . . . Она быстро
 „ удалилась въ ближнюю свою комнату.

Я остался въ ужасномъ смятеніи; весь
 пораженъ былъ изумленіемъ и жало-
 сию. Друзья мои дали нѣсколько
 денегъ пожатному; а я осматривалъ
 неподвиженъ, устремля глаза на
 кольцо. Наконецъ далъ двѣ гинек
 этому человеку, проговори ему:
 „ Имѣй уваженіе къ несчастной! „
 и бросился прочь, весь въ слезахъ
 разливаясь. — —

16

КЪ.

В° В° Н А Д — С К О Й.

Въ Слѣгородкѣ.

Щасливѣ, сию кратъ щасливѣ, кто
 всену находить,
 И не вѣряется уже кодамъ суенъ!
 Но жизни сей корабль зоранъ въ приканъ
 вводитъ,
 Гдѣ лучи не мрачатъ прекрасный солида
 свѣтъ;

Гдѣ паруса зефирѣ взвѣзены,
И гдѣ покойно смертный зрѣнъ,
Какъ море въ скалы ударяетъ,
И волны въ яроспи двоятъ!

Щасливѣ, кто уклоняе подлѣ стѣ
удлиненъя

Тамъ спрѣнъ жизнь къ покою своему;
Кто въ горестяхъ своихъ тамъ виднѣ
облегченъя

Находитъ пищу тамъ и сердцу и уму;
Кто въ томъ свое блаженство спитъ
вишъ

Что въ мирѣ съ ближними всегда
Что ихъ неправдою не давитъ,
И оми него имъ нѣтъ вреда!

Щасливѣ, вѣщаю я, кто жизнь изъ
бранъ такую,

Ненарушимый въ душѣ хранитъ покой;
Въ Природѣ зрѣнъ Того десницу всеблагую,
Кто виденъ и хранитъ все Творческой
рукой;

Кто, промѣлу Его ввѣряетъ,
Въ немъ Бога милосерда чинитъ,
И вѣрно воздаменяетъ,
Надеждою свой духъ крѣпитъ.

Щасливѣ, какъ смертный поитъ, рав-
но и ны щаслива,
Что путь надеждивнѣй въ сей жизни изъ-
брака!

Свершай его! — своя надежда спрѣдана;
И въ самыхъ горестяхъ ны бѣдствамъ край
манал.

Когда шагоу вѣнъ прѣмѣра,
Чтобъ нѣдкимъ щаснѣемъ кино вѣзъ-
дѣлѣ;

То духъ покойный — шенла вѣнъ,
Блаженству смертныхъ семь прѣ-
дѣлѣ.

Оставляя блескъ палатъ, пустыню по-
любилъ,

Въ удлиненн дни желя проводаниъ;
И воприде уму обширное открьелъ,
Чтобъ мотъ сквозь знавѣсь суенъ земныхъ
взираниъ

На шо блаженство бесконечно,
Конорое не вилитъ поитъ,
Кто два въ мѣснахъ проводитъ
вѣчно,
Среди вѣхъ суенныхъ забомъ.

Свещей сей путь, и здѣсь его усны
 цвѣтнями,
 Конорие сорвать покоя на пути,
 И измѣняя Природы красноты,
 Свою пустыню ны въ храмъ Влуса
 обуани,
 Да днми шакую провожля,
 Къ намъ въ здравьи возвратившея
 ны,
 Когда, днми змнмъ устуна,
 Пройдушь днми змнмъ красноты.

Село Ннб.

ЖАЛОБНОЕ СѢТОВАНИЕ

А п б и ц а.

Проняла холодная зима, и явилась
 юная весна, украшающая смѣю-
 щіеся луга пріятною зеленью; уже
 не слышны больше хладные вѣтры
 и шумные дожди; уже сѣдые иней
 не обезображиваютъ плодоносныхъ по-
 лей; рѣки, заключающіяся въ сред-
 ныхъ себѣ брегахъ, свободно сплыва-
 ютъ оупъ дыханій Зефира; древа
 зелены, цвѣтки появились, и сладко-
 пѣсенныя птицы провозглашаютъ
 наступающій годъ: но я среди сего
 пріятнаго зрѣлища не нахожу радо-
 сти; переменныя времена года не
 могутъ переменить моя души; сіе
 могло бы доставить покой обыкно-
 веннаго года.

Часть VII. No. 75.

венной горести; но безнадежной любви
извѣстна покломо непрестанная зима.

Пріянное устро, украшенное пур-
пуровымъ свѣтомъ, разсѣваетъ пу-
склыя тѣни мрачной ночи; солнце
вскорѣ слѣдуетъ за нимъ съ запы-
ми своими лучами, и оживляетъ зе-
ленѣющей землѣ враша дня. Какія
красы блистаютъ теперь на орошен-
номъ полѣ! какую гармонию издаютъ
рощи и долины! Тщепно они сна-
раются успокоить сминенную мою
душу; ни цвѣтоносные луга, ни
щебетливыя птицы не могутъ быть
мнѣ пріяны. Когда палящія лучи
солнца спрепятъ на землю, тогда
я иду среди рощей густыхъ тѣ-
ней, или при рѣкѣ тихошекущей
на мшистомъ берегу иду себѣ по-
кою: но все напрасно; ибо въ тѣ-
нистой рощѣ пошворскую своей
поскѣ и безнадежной любви, а усы-
пительное журчаніе ключа не мо-
жетъ ни успокоить страсѣнной души
моей, ни дославить хотя одной
пріянной минушы.

Когда солнце западаетъ и начи-
нается прохладный сумракъ: тогда

ламенѣтъ мое нѣдро, хотя и про-
вѣвается пріяннымъ дыханіемъ, за-
имсплюющимъ благоволеніе отъ пе-
стрыхъ цѣтковъ, и разносящимъ
сладосный запахъ сквозь липовы
навѣсы. Коль скоро сей вѣтерокъ
попрясетъ шамо трепещущіе
листки, то они испускаютъ гласъ
воздыханія; всякой орошенной цѣ-
токъ извѣляетъ видъ горести;
капающая роса подобна падающимъ
слезамъ; все кажется сосра-
ждаетъ, все чувствуютъ мои мученія.

Солнце вступаетъ уже во свое
влажное ложе; вечерняя пшвердь
умираетъ съ блестящимъ пурпу-
ромъ; прохладный вѣтеръ улаждаетъ
крылатое совѣщеніе воасылающее съ
каждата дрова вечернюю тѣнь свою.
Теперь солнце уже закрыло славу
лица своего, и ночь, облекшись въ
черную мантію, крадется, дабы
заслупить его мѣсто. Все насла-
ждается тихимъ и пріяннымъ по-
коемъ; все безмолвствуетъ, кромѣ
ручейка журчащата, и кромѣ любе-
знаго соловья, кошорой, подобно мнѣ,

въ унылыхъ пѣсняхъ жалуется на неумолимый рокъ. Теперь, когда уже попки моихъ слезъ получили свободу свою, пусть я испускаю единые вздохи, и даю произволъ воплю моему. Я ищу изъяснить поску, терзающую мое сердце; сію мучительницу, опѣмляющую мое спокойствіе: но увы! какъ возможно изобразить печаль мою? Тѣмъ, кои сами любящъ подобно мнѣ, спятъся можетъ извѣстна моя горестъ; кои любящъ, но никогда не надѣются получить оправды. Злополучна дѣвица, ощущающая жестокою язву, которая сѣдаетъ впайнѣ расперзанное сердце ея; злополучна сѣ того времени, какъ опредѣлено слабѣйшему нашему полу обнаруживать ту спрасть, которую сѣ трудомъ мы скрываемъ!

И такъ должно мнѣ разснаться сѣ усмѣхающимся покоемъ! моя печаль и моя любовь никогда не прекращаясь; опчаяніе терзаетъ будетъ мое сердце всѣми своими муками! . . . Прощай, веселье все! — нѣтъ больше мнѣ надежды!

ПРІЯТНОЕ ПРОЩАНІЕ

Вильяма съ черноглазою Сусанной.

Уже при песчаныхъ краяхъ всѣ корабли снопятъ въ готовности, и флаги въюшъ въ воздухъ: тогда черноглазая Сусанна къ намъ подъѣзжаетъ. Ахъ! гдѣ я найду вѣрнаго моего любовника? Скажите, веселые мапросы! скажите мнѣ правду, не между вами ли мой любезной?

Вильямъ тогда работалъ въ триомъ; но какъ скоро услышалъ знакомой ему голосъ, тогда вздохнулъ и попушавъ глаза. Капавъ изъ дрожащихъ рукъ его вдругъ выпалъ, и онъ на подобіе молніи выскочилъ на палубу.

Какъ нѣжный жаворонокъ, копорой паря на воздухъ спускается прижавъ къ груди свои крылышки ешльм услышавъ крикъ подруги

его зовущий, вдругъ бросается въ ея гнѣздо. — Благороднѣйшій Канипанъ въ Британскомъ флотѣ позавидовалъ бы Вильямовымъ губамъ въ сладкомъ поцѣлудѣ.

О Сусанна! любезная моя Сусанна! мои обѣщанья вѣчно будутъ истинны; позволь мнѣ облобызать сіи текущія слезы! мы опрѣвѣжаемъ для того только, чтобъ опять веселѣ свидѣться. Перебѣдился въпрямь, еснѣли вы слышите! сердце мое будетъ вѣрнымъ компасомъ указующимъ тебѣ.

Не вѣрь, что говорящъ о мнѣ сверстники, которые искушаютъ сомнѣніями твердую твою душу; они скажутъ, что матросы на каждой пристани находятъ любовницу. Да, да; вѣрь имъ, когда они такъ говорятъ! но ты вездѣ присутствуешь, гдѣ бы я ни былъ.

Еснѣли мы пристанемъ къ прекраснымъ берегамъ Индіи; по очи твои тамъ покажутся мнѣ блестящими въ алмазахъ; дыханіе твое Африканскимъ теплымъ вѣтромъ, а шѣло твое сноль бѣлымъ, какъ

чистая слоновая космь. И такъ всякой прекрасной предметѣ, какой только увижу, возбудишь въ моей душѣ инокпорыя прелести дражайшей моей Сусанны.

Хочия война позоветъ меня опть твоихъ обѣщаній; но ты, милая Сусанна! не шуки о томъ. Хочия пушки будутъ гремѣть; но Вильямъ будетъ безопасенъ опть ударовъ, и возвратится къ своей любезной. Любовь будетъ опвращать назадъ тѣ ядра, которые снадутъ лешать вокругъ меня, дабы только не текли драгоценныя слезы изъ Сусаннинскихъ очей.

Кораблечальникъ произнеситъ странное слово; — парусы уже распускаютъ напыщенное свое шдро: Сусанна не должна шунѣ болѣе медлить; они цѣлуются; онъ воздыхаетъ, а она популяетъ голову. Спущенное для нее судно спремится противъ воли къ берегу. Просни! кричитъ она; — и бѣлая рука ея зашрепепала.

РЕВНИВАЯ ХЛОЯ.

Перестань спрашивать меня, для чего я пишу! сказала огорченная Хлоя пасиуху своему; можетъ быть плачу я о двухъ забредшихъ бѣдныхъ овецкахъ, или объ умершей своей бѣлкѣ.

Ожидала ли я того, что ны въ послѣдній разъ написалъ? Къ чему хитрые твои вопросы и опыты? Надиси и способы для наставленія женскаго остроумія, гдѣ въпреный летаетъ Купидонъ?

Къ чему загадки, предложенныя для объясненія общей силы красоты? — Жеспокой челоѣкъ! для чего жъ ты другими стихами не описывалъ прелестей Хлоина лица?

Къ чему зеркало, при образѣ Венеры посвященное съ нѣкою таинственною оскорбительностію? вѣнокъ — (да и можешь ли приписы-

вать его мнѣ?) — который показываешь, какъ юность и красота улетаетъ?

Десять тысячъ бездѣлокъ споль маловажныхъ, какъ сіи, конечно не могутъ возбудить во мнѣ ни гнѣва ни огорченія; иа, которая желала бы правиться, принуждена теперь быть въ униженіи, и которая могла бы нѣжно любить, должна поспрадать мнѣ.

Естьли мнѣ и случилось когда смотрѣться въ зеркало: но о чемъ было мнѣ просить Венеру? Всѣ тѣ прелести, которыя доставляла мнѣ любовь, должныствовали бы больше лѣннать только моего Дамоча.

Читая стихи твои я говорила: кто вѣдаетъ, гдѣсь, или тамъ летаютъ его взоры? — О! пусть останутся вѣчно свободны глаза того, котораго сердце лишь ко мнѣ всегда вѣрно!

Конечно мой цвѣтъ, — малый мой цвѣтъ красоты совсѣмъ потерялъ свое великолѣпіе; ибо онъ, будучи оплученъ емъ природнаго

цвѣтника своего, умеръ въ твоихъ горящихъ нѣдрахъ.

При всемъ томъ я и не заботилась о томъ, что могла предназначить увиданіе вѣнка, или скорое уклоненіе юности; я починала любовь сильнѣе возраста, а время скоротечнѣе вѣрности.

И такъ перестань извѣдывать, для чего я сбѣгу! Безчисленные слезы текутъ изъ очей моихъ по своему произволу. О Демонъ! вопль единственное злощасіе, которое оцѣнилъ я сокрывала еще.

Потаенная рана, иссушившая меня, должна быть перевязана на самомъ одрѣ моемъ; а эпиграммъ на твоей сомнительные стихи ты прочтешь на моемъ надгробномъ камнѣ.

Пироръ.

ОТВѢТЪ РЕВНИВОЙ ХЛОѢ.

Дражайшая Хлоя! какъ заплакано милое твое лице! щеки все въ огнѣ, а волосы твои въ безпорядкѣ. Прощу тебя, любезная! помянь эти причуды! а лучше (какъ совѣщуетъ старый Фалстафъ) поговолимъ немного съ тобой по-просту.

Не ужъ ли ты вздумала разстроить твои красы, которыя Венера ниспослала тебѣ только для збереженія? Сии взгляды опредѣлены ко вдохновенію любви и веселія; обыкновеннѣйшіе глаза въ народѣ могутъ служить ради плача.

Еслили ты огорчаешься одной или двумя бездѣлками, которыя написалъ я: то конечно твоей разсудокъ и мой спросъ причиняютъ въ семъ случаѣ тебѣ обиду; ты за самое дѣло приемаешь то, что едва почеснется можетъ шутикою; жизнь

оды! кто покаянется за срава-
дливость пѣсни?

Все то, любезная Хлоя! что я
ни говорю, что я ни пишу, показы-
ваетъ различіе между природой и
искусствомъ. Другихъ я пѣвню
въ стихахъ, а тебя люблю въ прозѣ;
и въ довольны моими мадостями, а
ты владѣешь сердцемъ моимъ.

Ты знаешь, дѣвочка! какъ наше
спикопворческое божество послѣ дне-
внато путешествія покоипся; еспь-
ли хочеть оно съ утра обращаться
надъ землею, то ночью уклоняется
на грудь Оешиды.

И потому когда я ношусь на
крылахъ разсѣяннаго дня, то подъ
вечеръ къ тебѣ, милая моя! при-
лещу; и въ нужды говорить, ка-
кихъ предесипницъ вижу на своемъ
пути; онѣ только мною посѣщаемы,
но ты всегда единое мое приспа-
нище.

Окончимъ же, милая Хлоя!
пастушескую сію побранку, и по-

миримся, такъ какъ Гораций съ Ли-
дией; хоня такая дѣвушка, какъ
ты, гораздо прекраснѣе, нежели
она; а такой пѣвецъ, какъ онъ,
гораздо превосходнѣе, нежели я.

Пріоръ.

ЕДИНОБЕСѢДОВАНИЕ.

Сог. Гж. Елисаветы Росс.

Приди, кропкая смерть! освободи
смятенную душу мою отъ пѣхъ
пягостныхъ оковъ, которыя воспя-
щаютъ ей въ полетѣ! Съ меньшимъ
жаромъ продаемый узникъ желаетъ
послѣ горестныхъ дней, проведенныхъ
имъ въ долговременномъ заключеніи,
приобрѣсти себѣ спокойствіе. Я здѣсь —
въ сей несносной юдоли подобно спран-
ницѣ провлекаю съ воздыханіемъ ме-

дланный вѣкъ мой. О! приди, вожделѣнная вѣстница мира! Не споль мно-
го щемничикъ жаждешъ свободы, и
не споль горестно пошѣ неща-
спный, который споненѣ подѣ мучи-
пельнымъ игомъ рабства, оплаки-
ваешъ бѣдность свою, какъ я. Какъ
благословлю я пошѣ блаженный часъ,
который учинитъ меня свободною,
и возвратитъ душѣ моей свойспвен-
ную ей вольность! Съ сильнѣйшею
радоспвно сказала бы я миру: *прощай!*
и съ презрѣннемъ возрѣла бы на пре-
ходящую славу его; я сомкнула бы
очи свои отъ смерспныхъ суешъ, и,
водима священною любовію, возникну-
ла бы въспрь, и въ единое мгновение
доспгла бы блаженной шверди.

ОШИБКА КУПИДОНА.

Въ одинъ лѣпшій день по полудни
Венера купалась въ ручьѣ. Ку-
пидонъ, навязавши новую шениву на
свой лукъ, и новыми стрѣлами на-
полнивши колчанъ, полетѣлъ къ
тому же мѣсту.

Выбравъ со всякимъ спараніемъ
самую оспную стрѣлу, напятилъ лукъ
изо всей мочи, прицѣлился и пуспилъ
стрѣлу: беспиро полетѣла она въ
самое сердце ирекаспной мащери его.

Гибну! умираю!... Богиня возопи-
ла. Жестпковой! ужъ ли шпы не могъ
найти кого другаго, въ комъ бы про-
извеспть шакую шоску? Ошцеубица!
шпы, подобно Нерону, потубилъ свою
мащерь.

Бѣдный Купидонъ всхлипываѣ
едва въ состояніи былъ выговорить
сѣ слова: божусь, манушка! я не узналъ
тебя: ахъ! какъ легко могла стань-
ся моя ошибка! я счелъ тебя за
Хлою, которая совершенно на тебя
похожа.

Проръ.

95

А Г Л А Я,

ИЛИ

Б Л А Г О Д Ъ Я Н І Е.

Non ignara mali miseris succurrere disco.
Virgil.

Едва румяная Аврора повлекла чер-
важную свою колесницу по до-
линамъ зѣрнымъ, какъ уже Аглая,
будучи въ сердечномъ смущеніи, ожи-
дала непорочно юната Миршида въ
одной бесѣдкѣ, сплетенной изъ жа-
смиковъ, подлѣ прозрачнаго ручья,
кающаго струи свои по бѣловид-
нымъ камышкамъ. Юная насупица
сперва ложилась подъ шпиль бесѣд-
ки, но потомъ вставши, садилась при
входѣ ея, и усиремивъ вниматель-
но взоры свои на ту рошу, изъ коей
Часть VII. No. 16. 7

долженъ былъ выннн ея любезный,
восклицаетъ громко: *Миртила!* Спу-
сия нѣсколько времени, входивъ она
онянь въ бесѣдку, повноря нѣсколько
разъ съ номъ, извѣляющимъ со-
жалѣнне, сн слова: *блдиой Тирисъ!*
блдиой Тирисъ! но номъ пробѣгающъ
изоромъ своимъ поле, и приклонивъ
номно голову къ небольшому
дереву, поддерживающему бесѣдку,
шакъ возвышаетъ мелодическн свой
голосъ:

„Какъ прекрасно играютъ лучи
„Авроры сквозь лиснн дикато сего
„шиповника! они позлацаютъ перья
„жаворонка, которнй, поддерживаемъ
„будучи зефирами, наполняютъ воз-
„духъ разнообразными своимн пѣсня-
„ми. Благотворная роса, кажешя,
„оживотворяетъ растѣнн; дуга ни-
„когда не разлизала шолкаго благо-
„уханн; пинцы на вершинахъ де-
„ревъ, а пашухи въ долинахъ, вос-
„пѣваютъ единоголасно прелести
„Природы, которая кажешя шеперь
„пробуждаешя онъ крошката сн
„своего: но все сне восхишнтельное
„зрѣлище дѣлаетъ весьма слабое впе-

„чаплѣнне въ моемъ сердцѣ. Когда
„я прежде сего, при возвращенн каж-
„даго утра, прихаживала въ сн мѣ-
„сна: но воззрѣнне на поля, укра-
„шенныя весною, извлекало у меня
„радоснныя слезы; и воспѣвала съ
„восхищеннемъ возраждающнся кра-
„сопы Природы; душа моя тогда ка-
„залась распускающеюся на подобне
„розы, когда лобзаетъ ее нѣжный
„зефиръ; а нынѣ номншнтельное со-
„спраданне удаляетъ онъ меня сн
„удовольснвн . . . Нѣнѣ, нѣнѣ! я
„до нѣхъ поръ не могу радоснно
„внимать пѣснямъ щаснн, коими
„наполняюся мѣсна сн, до нѣхъ
„поръ, пока я еще знаю, что Тир-
„исъ нещасливъ, что онъ проли-
„ваетъ слезы, что онъ ончаеваеш-
„ся. Ахъ! что шакъ долго не допу-
„скаетъ Миртила принннн ко мнѣ?
„Я хочу сообщнть ему мое намѣре-
„нне; я скажу ему: *Тирисъ те-
„перъ въ блдиости; позволъ мнѣ
„отдани ему ту хижину, кото-
„рая не далеко отъ мосн; у ме-
„ня ихъ двѣ, а мнѣ нужна только*

„одна. — Я предложу ему также
 „половину из всѣхъ собираемыхъ мною
 „плодовъ. Но, Миршилъ! ты лю-
 „бишь меня; ты часто бываешь ре-
 „внивъ; ты можешь быть почтень
 „это любовью; чю я сполько собо-
 „лбзую о молодомъ паснухъ, и
 „сполько стараюсь оказанъ ему благо-
 „дѣянiя. Тиренсѣ прекрасенъ, ска-
 „жень ты мнѣ; ты любишь, мо-
 „жешь быть . . . Ахъ, Миршилъ!
 „я люблю только одного тебя; я
 „люблю тебя болѣе, нежели Зефиръ
 „любилъ цвѣтны; болѣе, нежели пчела
 „весну. Не любовь дѣлаетъ меня чув-
 „ствительною, но добродѣтель. Зло-
 „щастiя, которiя я сама несколько
 „разъ испытала, научили меня по-
 „логанъ будсiвующимъ.»

Въ сіе время Миршилъ, чтобы
 сысканъ свою паснушку, востѣвая,
 ходилъ по лѣсу, вблизи прошивъ бе-
 сѣдки споящему. Аглая вслушиваен-
 ся въ шоны его голоса; восхищитель-
 ная радость, смѣшанная съ нѣкимъ
 тихимъ безпокойствомъ, возбуждаенъ
 препепанiя ея сердца; сладостное
 содроганiе объемлетъ члены ея. Воиъ

•нѣ въ лѣсу! воскричала она. Нѣжные
 цвѣтны! изливайше благоуханiя свои
 предъ любезнымъ, мною обожаемымъ;
 благодѣпельная Аврора! озарий его лу-
 чами своими; кронкие зефиры! навѣ-
 йше живоесть на чело его; и вы,
 цвѣтущiе кусты . . . ахъ! не задер-
 живайше его. При сихъ словахъ Аг-
 лая усмириваенъ своего любезнаго,
 изъ средины рѣнци выходящато; она
 бѣжннѣ къ нему на встрѣчу. Па-
 снухъ приближается къ ней съ па-
 кою же скоростiю. Они, соединившись
 на срединѣ луга, находящатося между
 бесѣдкой и лѣсомъ, обнимаются съ
 восторгомъ. Миршилъ запыхал-
 ся; Аглая старается опереть плач-
 комъ своимъ его чело, покрывное
 попомъ. Взавни другъ друга за руку,
 наущъ они къ бесѣдкѣ. Тогда Аглая
 говорила сама себѣ: какъ скажу я
 ему? какъ начну? Нѣкая боязнь коле-
 бала ея сердце; однакожъ, преодолевъ
 себя, начала говоришь: Послушай,
 Миршилъ: ты любишь добродѣтель;
 душа твоя чувствительна къ неща-
 снiямъ человеческимъ; мысленекрап-
 но извѣявали мы уже по другъ дру-

гу, что никакое сердечное удовольствие не может сравниться с пою небесною радостью, которую мы при оказании комунибудь благодѣянія ощущаемъ въ сердцахъ нашихъ; почему я и должна надѣяться, что ты съ ревностію воспользуешься случаемъ, помочь одному пасуху полей сихъ . . . Ты не видалъ можетъ быть тѣхъ опустошеній, которыя послѣдняя буря причинила въ долину Ручей, протекающую подлѣ сей горы, высунувъ далеко изъ береговъ. — Да, мнѣ сказывали о томъ . . . это было ужасное приключеніе! Ручей увлекалъ съ шумомъ камни, деревья, и самыя хижины. Онъ ушачивъ за собою одну клевь со семью овцами; въспрѣ дулъ сильно; сверкающія молнии извивались въ мрачной глубинѣ тучъ. Всѣ пасухи боялись, чтобы . . . Аглая шумъ прервала его. — Это правда; но послушай, что я тебѣ скажу: когда ручей высунувъ изъ береговъ своихъ, то онъ увлекъ своимъ стремленіемъ деревья и хижину несчастнаго Тирсея; и сверхъ него занесъ псковъ поле и лугъ его.

Изъ всего имѣнія бѣднаго этого пасуха не осталось болѣе ничего, кромѣ нѣсколькихъ овецъ, ушедшихъ при наступленіи бури на поле, и спасшихся чрезъ по опъ наводненія. — Ахъ, бѣдный Тирсеъ! тебѣ должно помочь! вскричалъ Миршилъ въ первомъ возбужденіи въ немъ чувствованія сожалѣнія. — Хорошо! сказала тогда Аглая самой себѣ; Миршилъ! я хочу показать тебѣ средство, которое въ семъ случаѣ употребить должно. Уступимъ Тирсею ту хижину, которая не подалеку отъ моей находится; ту, которую я получила послѣ смерти брата моего; отдадимъ ему часть нашихъ плодовъ, и умножимъ стадо его, которое онъ будетъ пастись на лугахъ моихъ. Миршилъ казался размышляющимъ; онъ смотрѣлъ внимательно на свою любезную. Аглая! . . . сказалъ онъ ей по помѣ съ видомъ замѣшательства, и замолчалъ. Сіе одно слово и взоръ, сопровождающій его, огорчили пасуху. — Что хочешь ты мнѣ сказать? — Аглая! . . . я боюсь . . . между тѣмъ онъ смо-

тришь на пастушку съ изображе-
ніемъ на лицѣ сильнаго волненія души
его. Аглая угадывала причину его
страха; но она не хотѣла ее изъ-
яснить. — Чего ты боишься? Послѣ
добраго дѣла душа наша не будетъ
ли испочинкомъ сладчайшихъ чувство-
ваній? и можешь ли быть наруше-
на эта радость, которую достав-
ляетъ добродѣтель? Миршалъ! . . .
другъ мой! . . . люди ни чѣмъ дру-
гимъ болѣе не угодобляются Богомъ,
какъ благодареніемъ. — Аглая! лю-
бовь, можешь быть . . . Миршалъ!
я такъ и думала, что ты это ска-
жешь; но будь спокоенъ: я свидѣ-
тельствуюсь самимъ Творцемъ мо-
имъ, что не любовь побуждаетъ ме-
ня къ сему, но человеколюбіе. Мо-
жно ли взирать спокойнымъ окомъ на
злокастіе сего молодого насупуха?
Онъ наслаждался совершеннымъ благе-
получіемъ: хижина его находилась въ
прекрасномъ мѣстѣ; дуга его, оре-
наемые испочинками, сохраняли все-
гда зелень свою; овцы его давали ему
молоко и шерсть въ изобиліи; плоды
его деревьевъ были пріятны; Боги

изливали на него все свои милости:
но смотри въ какую онъ теперь по-
груженъ спялъ бѣдностью! она ка-
жется ему шѣмъ ужаснѣе, что онъ
никогда ее не чувствовалъ. Скорбь и
огорченіе пресытивъ угнѣтивъ шѣ-
ло его, изнуренное тяжкою бѣдно-
стію, когда мы подадимъ ему помощь.
Спасемъ сего несчастнаго, Миршалъ!
онъ добродѣтеленъ; онъ не заслужи-
ваетъ всекъ сихъ бѣдствій. —
Сколько я шерплю, Аглая, осмѣли-
ваясь противиться своимъ желані-
ямъ! Обладапельница моего сердца!
сильная любовь меня преодолеваетъ;
она имѣетъ больше во мнѣ дѣйстви-
я, нежели сладостное благодѣяе. Я
вѣрю, что теперь одно только че-
вѣкомбіе дѣлаетъ тебя чувствъ
пелною къ несчастіямъ Тирсисъ;
но послушай: Тирсисъ прекрасенъ
онъ почитается за самаго пригожаго
насупуха въ сихъ мѣстахъ; онъ пал-
шетъ съ неизвѣнимою пріятностію,
говоря съ прѣгательною прѣж-
дностію; каждое его слово прель-
щаетъ; ты знаешь, что онъ еще
играетъ на свирѣли такъ же прекрас-

но, какъ богъ Панъ; мы слыхала его нѣсколько разъ можешъ бытъ, когда эхо повторяло его пѣсни; наконецъ Тиренсѣ награжденъ отъ природы хорошими дарованіями: а я, я имѣю вмѣсто всего этого только одно сердце, которое тебя обожаешъ. Можешъ ли ты мнѣ обѣщать, что прелестни сего паслуха, коего ты споль часто будешъ видѣть, не здѣлающъ въ тебѣ никакого впечатлѣнія? Всегда ли будешъ ты взиранъ съ одинаковымъ удовольствіемъ на мое поснолженіе и вѣрность? Но не можно ли помочь Тиренсу, не уснушая ему хижинѣ? Чрезъ нѣсколько дней, прелестная Аглая, олжны мы соединиться священными узами брака: для чего же дерзашъ мнѣ возмущашъ любовь нашу? — Тириндъ! ежели еще то, что я тебѣ расскажу, не убѣдитъ тебя: то не буду я болѣе о томъ уже и говорить.

На разсвѣтѣ, проходя большую аллею, услышала я тихое шептаніе и тяжкіе вздохи. Я приближилась, спала позади одного куста . . . Это

былъ онъ самъ, это былъ Тирсисъ, который не могъ болѣе сносить горести, сердце его снѣдающей. Онъ лежалъ распростертой на землѣ, положи голову свою на пень одного бурую сокрушеннаго дерева. Русые его волосы не были больше украшены вѣнкомъ; они были въ небрежности: иные изъ нихъ лежали разбросаны по челу его, другіе по плечамъ. Розы не блискали болѣе на щекѣхъ его; онъ былъ блѣденъ и худъ; глаза его омочены были слезами; онъ сморщилъ съ глубокимъ молчаніемъ на разоренное свое жилище. Голова его казалась слабою и немощною; онъ казалъ ее то на руку, то на пень дерева. Нѣсколько овецъ лежали по сторонамъ его; онъ поднимали къ нему свои головы, и, казалось, просили у него пищи; около его еще бродила собака: она принимала на себя печальный видъ своего господина. Когда же Тирсисъ начиналъ шептанъ, то вѣрный сей звѣрь старался его утѣшать: онъ осмивалъ его ласками, лизалъ у него руки. Я услышала по томъ сіи слова,

которых произносилъ паспухъ съ жалобнѣйшимъ шеномъ:

„ Чѣмъ прогнѣвалъ я васъ, вели-
 „ кіе Боги! чпо заслужилъ бн бѣд-
 „ сивія, сподль шяжко меня угнѣ-
 „ шающія? Не старался ли я всегда
 „ приносить вамъ жершвы? При воз-
 „ вращеніи каждой весны назначалъ
 „ я вамъ первые цѣбны, а при на-
 „ ступленіи осени зберегалъ для васъ
 „ начанки плодовъ. Часно увѣнчи-
 „ валъ я вѣнками кумиры ваши; ча-
 „ сно орошалъ млекоиъ и виномъ ва-
 „ шні олшарн, при конхъ я поклонял-
 „ ся вамъ. Чѣмъ оскорбилъ я васъ?
 „ Свидѣтельствуюсь Богиней мудро-
 „ сти, чпо никто не видалъ меня,
 „ чпобъ я убѣгалъ когданшбудъ слу-
 „ чевъ дѣлать добро. Нѣсколько разъ
 „ переселялся я въ бѣдныя жилища,
 „ чпобы помогать шамъ сбнвающей
 „ нищенѣ; часно старался я всѣми
 „ силами возстановить согласіе и
 „ дружбу между враждующими пас-
 „ пухами; я подкрѣплялъ угнѣщен-
 „ ную слабоснъ: языкъ мой не измѣ-
 „ валъ никогда желчи злорѣчія; нѣ-
 „ сні мои раздавались въ долинѣ;

„ душа моя въ священномъ восторгѣ
 „ прославляла тогда благодѣнія ве-
 „ ликаго Юпитера, чудеса Природы,
 „ и повсюду царствующую ея гармо-
 „ нію. Благораспореніе воздуха,
 „ сіяніе зари, усыпаніе цѣбнами
 „ дуга, раждали во мнѣ удивленіе;
 „ помншенія мои были непорочны:
 „ нѣснн мои не были никогда собла-
 „ знительны: но чпожъ получаю те-
 „ перь я въ награду? Бѣдноспъ, со-
 „ прождающій се ствѣдъ, печаль и
 „ горестнъ. О правосудный Творецъ!
 „ не Твои ли это опредѣшенія? . .
 „ Буря опустошила сію долину; она
 „ сокрушила мои деревья; не оспа-
 „ лось болѣе у меня никакого иму-
 „ щества; я потерялъ все; а куда
 „ прибѣнуль, не знаю. Многіе па-
 „ спухи знаютъ о моемъ несчастіи;
 „ но никто не хочетъ дать мнѣ
 „ присшашца. Когда я былъ щасн-
 „ ливъ, то всякъ искалъ моего со-
 „ общества; теперь же всѣ меня
 „ оставили. И какъ я не имѣю ни
 „ одного друга! Я изнемогъ . . . я не
 „ могу долго жить . . . у меня нѣтъ
 „ плодовъ . . . однакожъ земля, оро-

„плаемая попомъ лица моего, должна
„меня снабждать ими. . . .“

Ты пронзла меня, божественная
Аглая! вскричалъ иногда Миршилъ.
Пойдемъ, сыщемъ бѣднаго Тиренса;
изображеніе бѣдности его поражаетъ
мое сердце. Любезная душа шевелъ
шла, какъ сіяніе прекраснаго дня.
Ишь! я не заслуживалъ бытъ шво-
нимъ супругомъ. Теперь я пощуся
содѣлаться шебя достойнымъ: я по-
спарюсь, ежели возможно, еще пре-
взойти шебя добрыми дѣлами. Я
буду, такъ же какъ и ты, благодѣ-
шелемъ и великодушенъ; я никогда
не прѣстану любить добродѣтель. И
такъ пойдемъ искать Тиренса; пой-
демъ, скажемъ ему, что мы раздѣ-
ляемъ съ нимъ все шю, что имѣемъ;
пойдемъ, любезная Аглая! приведемъ
его въ хижину. — Миршилъ! какъ
ты любезенъ, когда ты добродѣте-
ленъ! Не столько любилъ легкий жаво-
ронокъ упреній воздухъ; не столько
кружащаяся бабочка лучи яснаго дня,
какъ я люблю шебя, шебя, любезный
Миршилъ! . . . При сихъ словахъ бро-
саясь вѣстухъ въ объятія ея, про-

лилая радостными слезы; а Аглая
прижимаетъ его съ горячностью къ
груди своей. Въ сію минуту вскри-
чали они оба въ восторгѣ: *какія
предѣли получили любовь они добро-
дѣтели! . . .*

Послѣ нѣжной сей сцены, Аглая
приноситъ корзинку съ плодами; а
Миршилъ беретъ съ собою двѣ склян-
ки, одну наполненную молокомъ, а
другую самымъ вкуснымъ виномъ.
Любовники идутъ поспѣшными ша-
гами шуда, гдѣ спалъ Тиренсъ.
Они находятъ его спящаго на самомъ
помѣ мѣстѣ, гдѣ видѣла его Аглая.
Подождали къ нему тихо, спавшѣ
они корзинку у ногъ, и разсмапри-
ваютъ его нѣсколько минушъ. Не
взирая на печаль, утрывающую его
сердце, протрапельная пріятность
оживляла все черты лица его: онъ
былъ прекрасенъ, какъ Адонисъ. Па-
сешушка разбудила Тиренса: онъ, под-
нявъ пошчасъ глаза свои къ небу,
казался просящимъ себя помощи. Но
сколь велико было его удивленіе, ко-
гда онъ увидѣлъ подлѣ себя Мирши-
ла и Аглаю, изъ которыхъ одна по-

давала ему плоды, а другой полную чашу, какъ нектаръ, сладкаго вина! Еслили бы онъ никогда не видалъ сихъ добродѣтельныхъ любовниковъ, но почелъ бы ихъ за благодѣтельныхъ Гениевъ, которыхъ Боги къ нему послала. Юный Тирсисъ! скажи ему Мирсилъ: прими дары снѣ изъ рукъ дружескихъ; не отвергни нашей хижинны, и раздѣлай съ нами все то, что мы имѣемъ. Я заклинаю тебя, Тирсисъ, не лишать меня удовольствія здѣлать добро. Тебѣ такъ же известно, какъ и мнѣ, что имущественно друзей должно быть между ими общее. Мы, узнавши о твоёмъ несчастнѣ, пришли тебя просить, чтобы ты насъ предпочелъ имъ, которые вздумаютъ оказывать тебѣ свои благодаренія. Тирсисъ! не отвергай даровъ, предлагаемыхъ тебѣ отъ истинной дружбы. Несчастное живое есть какъ бы наше собственное. Мы не можемъ ни одну минушку наслаждаться спокойствіемъ, когда будемъ знать, что добродѣтельный Тирсисъ стесняется въ бѣдѣности.

(Окончаніе въ слѣдующемъ листкѣ.)

А Г Л А Я,

или

Б Л А Г О Д Ѣ Я Н І Е.

(Окончаніе.)

Тирсисъ ни чѣмъ другимъ не можетъ быть вознагражденъ за такое благодареніе, какъ проливая радостныя слезы, и обнимая съ восхищеніемъ своего благодѣтеля. Чувствительность занимала его душу; онъ не могъ произнести ни одного слова; одни только глаза его выражали всю его благодарность. Мирсилъ прижалъ Тирсеа къ сердцу своему, и восклицалъ громко: какъ щастливо буду я провождать жизнь мою съ тобою, о любезный Тирсисъ! мы будемъ почитать другъ друга братьями.

Часть VII. № 77.

лами. Чувствительная Аглая! я благодарю тебя, что ты вдохнула в меня свое намерение . . . Послушай, Тирсисъ: безъ моей любезной можешь быть лишень былъ бы я сего удовольствия, которое теперь вкушаю . . . При сихъ словахъ Тирсисъ повертается къ ногамъ Аглан. — Такъ эти ты, божественная Аглая, возвратила мнѣ жизнь? . . . Онъ орошалъ слезами чувствительнѣйшей благодарности пастушкыни руки, которыя его поднимать хотѣли. — Ты приводишь насъ въ смущеніе, Тирсисъ, знаками своей чувствительности; мы должны еще тебя благодарить, что ты доставилъ намъ наслажденіе споль чистую радостью.

Тутъ Тирсисъ изъясляетъ благодарность свою природнымъ красноречіемъ; теперь слова его послѣдуютъ съ скоростию; сердце его расширяется; ободренная душа его доставляетъ ему въ изобилии проницательнѣйшія и сильнѣйшія выраженія. Онъ не престаешь еще говорить съ неизъяснимою ижностью; но любовники, прося его окончить, берутъ

его за руки съ видомъ непритворнаго дружества, и принуждаютъ укрѣпиться съ ними ищею; потомъ вводятъ его въ свою жилищну. Тирсисъ становится уже не тотъ, каковъ былъ досель. Чело его не помрачено болѣе тучами меланхоли; веселіе играло на лицѣ его; живыя розы заснувши мѣсто блѣдныхъ лилій на щекахъ его. Казалось, что собака и овцы разделяли съ нимъ его радости. Чтобы порожествовать пришествіе Тирсиса, Миршила и Аглая пригласили всѣхъ пастуховъ той страны; игры и пиры не прежде кончились, какъ при наступленіи ночи; а при разсѣиваніи назначенъ былъ день свадьбы Миршила и Аглан.

Любви достойная Корина, плачущая великимъ имѣніемъ, и съ недавнаго времени возгорѣвшая любовію къ юному Тирсису, предложила ему свою руку. Пастухъ, который нѣсколько разъ уже уводилъ взоры Корины, и который съ своей стороны былъ такъ же прельщенъ красотою

сей богатой паспушки, принялъ сію благосклонность съ величайшею радостію. Для торжествования сего новаго брака избранъ былъ попъ же самой день, которой назначили себѣ Миршилъ и Аглая. Радость была всеобщая; они всѣ соединились въ одно время нѣжнѣйшими узами, и съ того времени щастіе ихъ было ненарушимо.

Съ Французкаго

Ал — ей. ф — нь.

24

КРАСОТЫ СТЕРНА.

П у л б с з.

Парижъ.

Привѣтствую васъ, маленькія пріятныя вѣжливости въ жизни! ибо вы нунь ея дѣлаете гладкимъ, подобно прелести и красоти, которыя при первомъ взглядѣ возраждаютъ въ сердцѣ склонности любви; вы одиѣ отверзаете дверь, и впускаете незнакомца. —

Пожалуйте скажите мнѣ, судариня! сказалъ я, въ которую спорону поворочитъ мнѣ, чпобъ пройти къ театру на комическую Оперу?

Съ великою охотою, monsieur, отвѣчала она положивъ свое рукодѣле, —

Я заглядываю идучи болѣе не жели въ подюжину лавокъ сряду, желая найши такое лицо, которое не наморщилось бы отъ моей помѣхи, пока наконецъ это лицо пришло по моимъ мыслямъ, и я вошелъ. —

Она шила пару манжетъ, сидѣла на скамейкѣ въ углу своей лавки прямо прошивъ дверей. —

Très volontiers — съ великою охотою, сударь, отвѣчала она, положила свою работу на стулъ возлѣ себя, и вслѣдствіи съ скамейки, на которой сидѣла, съ такимъ приятнымъ движениемъ, съ такимъ ласковымъ взглядомъ, что ежели бы я купилъ въ ея лавкѣ на 50 лундоровъ то и тогда бы сказалъ: „та женщина признательна!“

Вы должны, сударь, сказала она идучи со мною къ дверямъ лавки, и указывая пальцомъ вдоль улицы, на которой надобно мнѣ идти — вы должны повернуть сперва на лѣво — mais prenez garde! тамъ будетъ два поворота: то вы исполните пойдя другимъ; но томъ прошедши нѣсколько

далѣе, тамъ увидите церковь; минуя ее, тотчасъ возьмите трудъ повернуть на право, и вы дойдете до самого мосту (pont neuf); его должно вамъ перейти а тамъ всякой вамъ съ удовольствіемъ укажетъ.

Три раза повторила она мнѣ свои наставленія, и въ третій разъ все съ такимъ же добродушнымъ терпѣніемъ, какъ и въ первой, и ежели томъ и лавка имѣла свой смыслъ, какъ и имѣла, да только не для сердецъ, которыя пропускаютъ его мимо: то она казалась мнѣ и подлинно озабоченною, что бы я не заблудился.

Я не хочу предполагать, что бы это была красота сей женщины, хотя признаюсь она была самая предельнѣйшая мѣщанка, какую я только видѣлъ; что бы красота, говоря, возбудила во мнѣ такія мысли объ ея вѣжливости; помню только, что сказавъ, сколько много обязанъ, я посмотрѣлъ очень пристально ей въ глаза, и повторилъ ей мою благодарность столько разъ, сколько

она мнѣ прежде свои наставленія. —

Я не прошелъ еще десяти шаговъ отъ ея дверей, какъ онамяновался, что все забылъ, что она мнѣ ни поклонала; оглянувшись назадъ, и видя, что все еще сплотивъ она у дверей своей лавки, какъ будто прилепленная, покуда я дорогою пойду, или ибѣ. Я воротился спросить у нее опять, куда сперва поворотить мнѣ, на право или на лѣво; потому что у меня это совершенно вышло изъ памяти. — Возможно ли! молвила она почти разсмѣвшись. Очень возможно, ошибчалъ я, когда человекъ больше задумается объ женщинѣ, нежели о ея наставленіяхъ.

Какъ это была дѣйствительная правда, что она приняла ее, какъ всякая женщина принимаетъ чтонибудь справедливое, съ маленькимъ поклономъ.

Attendez! постойте! сказала она пропуская меня за рукавъ, чтобъ удержанъ, между ибѣ какъ позвала мальчика изъ магазина, что позади ея лавки, чтобъ онъ пошлетъ при-

готовилъ связку перчатокъ . . . и только что хотѣла послать его съ перчатками туда же, куда вамъ иппи; и ежели вамъ угодно посидѣть у меня, онъ будетъ готовъ эту минушу, и проведетъ васъ до мѣста. — Такимъ образомъ вошелъ и съ нею въ лавку, и взялъ манжету, которую она положила на стулъ, будто бы хочу себѣ. Она села на своей скамейкѣ, и я немедленно возлъ все на стулъ. —

Онъ будетъ готовъ въ одну минушу, сударь! . . . сказала она, и въ эту минушу желалъ бы я охотно сказать вамъ чтонибудь самое приятное за все такіе ласки. — Всякой можетъ показанъ случайно опытъ доброты, но продолженіе доказываетъ, что это ужъ происходитъ отъ прямого добросердечія; и поистинно, признавалъ я — ежели та же кровь, которая идетъ отъ сердца, бьется и въ жилахъ вашихъ жилахъ (тутъ пронюлъ я ее за руку), то я увѣренъ, что у васъ долженъ быть самой душий пульсъ изъ всехъ женщинъ въ свѣтѣ. — „Посмотрите ка,

сказала она, пропихнув ко мнѣ руку, — Положивъ шляпу, взявъ я ее за пальцы одною рукою, свои два передніе пальца другой руки приложилъ къ пульсу.

Есиан бѣ, мой любезный Евгений! ты прошелъ вѣ сно минушу мимо лавки, и увидѣлъ меня, какъ я сижу вѣ моей праздничной формѣ, вѣ черномъ плащѣ, и считаю каждое бѣіеніе пульса съ такимъ вниманіемъ, какъ будто бы ожидалъ прекращенія пароксизма вѣ ея лихорадкѣ . . . сколько бы ты смѣлся! сколько бѣ разсуждалъ о новомъ моемъ промыслѣ! и ты бы могъ смѣяться и разсуждать, сколько тебѣ угодно. Вѣрь мнѣ, любезный Евгений, сказалъ бы я тебѣ: есть еще гораздо хуже упражненія вѣ свѣтѣ, нежели считать пульса у женщины . . .

Но у мѣдиани! . . . ошвѣчалъ бы ты, и вѣ опкрытой лавкѣ, Юрихъ!

Тѣмъ лучше, Евгений! — Ежели намѣренія мои праводушны, я ни мѣло не забочусь, когда бы и цѣлой свѣтѣ видѣлъ, что я считалъ пульса.

МУЖЪ.

П а р и ж ъ.

Я насчиталъ 20 пульсовъ, и добрався почти до сорока, какъ мужъ ея неожиданно вошелъ изъ задней горницы. — Это немножко замѣшило меня вѣ счету. — „Нѣтъ ничего, ошвѣчала она . . . это мой мужъ,“ и такъ началъ я сѣизнова. — „Эпопѣ баринъ, сказала она, идучи мимо лавки поспурился зайни посмонрѣнъ мой пульса. — Мужъ снявши шляпу мнѣ поклонился, и сказалъ, что я дѣлаю ему много чести, и при словѣ ошвѣчалъ надѣвъ шляпу, и вышелъ конѣ. — —

Боже мой! думалъ я самъ вѣ себѣ; когда онъ вышелъ: не уже ли это ея мужъ?

Пускай не мучитъ эпопѣ нѣмногихъ, конпоры знаютъ причину такого восклицанія, ежели я извѣсно ея нѣмъ, конпоры не знаютъ. —

Въ Лондонѣ лавочникъ кажется одно шло и душа съ своею женою. Въ различныхъ дарахъ ума и пѣла иногда одинъ, иногда другой имѣетъ ихъ такимъ образомъ, что чрезъ общее и равное сношеніе обоихъ, они столько близки другъ къ другу, сколько обыкновенно бываетъ мужъ къ женѣ. —

Въ Парижѣ едва ли найдется два рода существъ, столько различныхъ между собою; ибо какъ право законодательное и исполнительное даки не принадлежатъ мужу, но онъ рѣдко въ ней бываетъ; сидитъ себѣ въ темномъ углу за стѣною безъ всякаго шоргу, въ своемъ колпакѣ, съ такою же трубочкою сына Природы, какъ Природа его создала. —

Духъ такого народа, гдѣ все, кромѣ самодержавія, неизключительно женскому полу, уснувши совершенно сію часи съ многими другими одиными женщинами, чрезъ непрерывное кругообращеніе модъ всякаго рода и всякаго званія онѣ утра до вечера, здѣлался подобенъ одному изъ

пѣхъ грубыхъ кремней, которые, брошены будучи въ одинъ мѣшокъ, онѣ часпато и легкато пренія поперяютъ не только всю свою шероховатость и неправильность осирыхъ угловъ, но даже округлиши, а нѣкоторые получаютъ полировку брилліанта. — Монсieur муженекъ право нѣсколько глаже камня, что на мостовой. —

Точно, точно, человекъ! ны не сошворенъ для одиночества въ мірѣ . . . ны созданъ для обращенія въ общество, и для той обходительности съ ближними, которая улучшаетъ наши нравы. Сидѣть-сидѣть собственнымъ примѣромъ!

Какъ же онъ бѣнется, Монсieur! . . . спросила она меня . . . Со всею крошечкою и доброю ласковостію, сказалъ я, смеири спокойно въ ея глаза, которыхъ ждалъ вѣрѣчи съ моими. — Она хотѣла что-то опавчанъ взаимно ласково — — — но мальчикъ съ перчатками вошелъ въ лавку. — А presto! сказалъ я, мнѣ и самому надо быя пара.

ПЕРЧАТКИ.

П а р и ж .

Прекрасная лабошница вспала, зашла за спилю, вынула связку перчатокъ, и разложила ихъ передо мною. Я зашелъ съ другой стороны напротивъ ея, — онѣ есѣ были очень широки. — Красавица придѣвала ихъ по порядку на мою руку, по мѣра все была та же; . . . наконецъ просила она примѣрять послѣднюю пару, которая всѣхъ казалась поуже . . . она держала ее опираясь; рука мой вошла вся какъ разъ . . . Не годится, сказалъ я покачавши детонько головою. — Нѣтъ, отвѣчала она, дѣлаю еще . . .

Вспрѣчаются иногда такіе тонкіе взгляды, въ которыхъ слышатся и разсудокъ, важность и дурачество такъ между собою сосредоточиваются, что ежели бы всѣ языки при смѣшеніи Вавилонскомъ затюряки, они бы не могли того выразить; — взгляды сии такъ скоропостижно сообщаются и принимаются.

ся, что едва можно сказать, кто на кого дѣйствиуенѣ. — Я осмѣляю всѣмъ словоохотнымъ наполнить спиранцы сею матерією, но на этомъ разѣ довольно еще повиорать, что перчатки не годились; и такъ мы оба, сложя руки подъ мышки, облокотились на спилю. — Онѣ были узки, и только что оспавалось между нами мѣсто для связки перчатокъ. —

Прекрасная мѣщанка поглядывала на перчатки, по номѣ на споруку къ окошку, по номѣ онинѣ на перчатки, по номѣ на меня . . . Я не былъ расположенъ прерывать какое молчаніе, и слѣдовалъ ея примѣру: гладѣлъ на перчатки, по номѣ на окошко, по номѣ на нее, и такъ поперебывалъ. —

Но я примѣнилъ, что много проигрывалъ при каждой ашакъ; — ся черной прозвипельной глзѣ сквозь долги шелковенныя рѣсницы проходилъ до глубины моего сердца; — онѣ поражаѣ меня . . . Я покажусь шому спиранымъ; но чувствовалъ не крайней мѣрѣ, что не такъ было. —

Ишь нужды, сказалъ я, взявши двѣ пары перчатокъ, коиорыя лежали возлѣ меня, и спрыпалъ ихъ въ карманъ.

Я былъ увѣренъ, что прекрасная перчаточница не попросила бы у меня больше одного ливра сверхъ цѣны... и я даже хотѣлъ, чтобъ она запросила больше цѣлымъ ливромъ. — Я недоумѣвалъ, какъ бы съ энѣмъ сдѣлать... — Думаеше ли вы, милой мой баринъ! (сказала она, принимая въ другую сторону мое замѣчаніе съ улыбкою) чтобъ я могла взять лишнюю копейку съ чужестранца, коиорой по одному своему учивеству, а не по кадобности въ перчаткахъ, дѣлаешъ мнѣ честь, полагаясь на мой запросъ? *m'en savez — vous sарable?*... Ишь, по чести; — да ежелибъ инакъ, я бы съ радостію заплашилъ... Послѣ сего пересечинавъ деньги на ея ладонь, я покладился ниже, нежели обыкновенно кланяющіяся шорговкѣ; а мальчикъ пошелъ за мною съ связкою...

Сутьсть. Мущеш. стр. 59.

(Окончаніе въ слѣдующемъ листкѣ.)

КРАСОТЫ СТЕРНА.

(Продолженіе.)

П И Р О Ж Н И К Ъ .

Версаля.

Увидѣвши человека, стоящаго съ корзиною по другую сторону улицы въ Версаля, какъ будто онъ имѣннѣе продающъ, приказалъ я Лафлеру спросить у него, гдѣ домъ Графа Б...?

Лафлеръ возвратился нѣсколько поблѣдивши, и сказалъ мнѣ, что это Кавалеръ Св. Людовика; и продающъ пирожки. — Сипащное ли дѣло, Лафлеръ! сказалъ я. — Лафлеръ не могъ изъяснить сего явленія столько же, какъ и я, но онъ пошелъ въ пестинѣ; онъ видѣлъ на немъ креснѣ, оправленный золотомъ, на красной лентѣ въ пестлѣ; — заглянулъ въ корзинку, и увидѣлъ пирожки, *к-сутьсть VII. No. 78.*

которые продастъ Кавалеръ; сабд-
свенно не могъ обмануться. —

Такая превращенность въ жизни
человѣка возбуждаетъ какое - по-
лучшее побужденіе, нежели одно любо-
пытство. Я нѣсколько минути не
могъ на него наглядѣться, сидя въ
моей колячкѣ, и чѣмъ больше смѣ-
прѣлъ на его креснѣ и его корзин-
ку, тѣмъ болѣе они врѣзывались въ
мои мысли, и я вышелъ изъ ко-
ляски и подошелъ къ нему. —

Онъ былъ подпоясанъ чистымъ
передникомъ изъ холста, конторой
доспавалъ ему за колѣни, и за поясъ
наверху закрывалъ грудь его до по-
ловины; наверху и немножко ниже
оторочки висѣлъ креснѣ. Корзинка
его съ пирожками была закрыта чи-
стою заплатаею салфеткою; а дру-
гая такая же подслана была въ
низу. Во всемъ видна была такая
овиряпность, такая чистота, что
можно бы почитать его прирощен-
нымъ жѣ изъ аннелипу, сколько
изъ чувства . . .

Онъ не подносилъ ихъ никому;
но ждалъ спокойно подъ угломъ

дворца прохожихъ, кто хочеть ку-
пить безъ приглашеній. —

Ему около 48 лѣтъ; взгляду онъ
постояннато и нѣсколько близкаго къ
лажнотии. Этому я не удивился. —

Я подошелъ охотнѣе къ его кор-
зинкѣ, нежели къ нему; и подвинни
салфетку, взявъ въ руку пирожокъ; —
тнуиъ просилъ его извѣстить мнѣ
наружноту, контора на меня сколько
подѣлывала.

Онъ разсказалъ мнѣ съ корон-
ныхъ словахъ, что лучшее время
своей жизни провелъ онъ въ службѣ,
гдѣ прожилъ небольшое имѣніе, по-
лучилъ онъ рощу, а съ нею и
креснѣ; но какъ по заключеніи по-
сѣднато мира подѣлъ, въ конторѣ
онъ служилъ, реформированъ, и нѣ-
лоя конуеъ вѣнѣтъ съ нѣкоторыми
другими полками оспался безъ вся-
кой провизіи, что онъ увидѣлъ себя
въ просираиномъ свѣтѣ безъ друзей,
безъ копеек, и подлинно, сказалъ
онъ, безъ всего, кромѣ этого! (указывая
при сихъ словахъ на свой креснѣ). . .
Вѣдннй Кавалеръ привелъ меня въ жа-
лоснѣ, и кончилъ тѣмъ, что я по-
чувствивалъ къ нему уваженіе. —

Король, сказалъ онъ, есмь самой великодушной Государь; но его великодушіе не можетъ помогати и награждать каждаго; и одно мое нещастіе то, что я въ числѣ такихъ, что у меня есмь жена, которую я люблю и которая дѣлаетъ это, и я не посвящаю въ томъ безчестія, прибавилъ онъ, чтобы прокормить себя и ее смѣлѣе способомъ, — пока Провидѣніе доставитъ лучшій.

Было бы несправедливо съ моей стороны, лишитъ добрыхъ людей униженія, не рассказавши, что случилось съ бѣднымъ Кавалеромъ Св. Людовика, девять мѣсяцевъ спустя.

Видно, что онъ всегда славился у желѣзныхъ воронъ, конюхъ вѣдуиъ то Дворецъ; что крестъ его привлекалъ взоры многихъ; многіе дѣлали ему ни же вопросы, что и я; онъ отпечталъ имъ поже, что и мнѣ, и все съ такою скромностію, съ такимъ благородіемъ, что это наконецъ дошло до слуха Королевскаго. Онъ узналъ, что Кавалеръ былъ храброй Офицеръ, признанный во всей арміи за честнаго и

добраго человека; — уничтожилъ эпитетъ его шортъ, назначивъ ему пенсію по 500 ливровъ на годъ.

Сувств. Путеш. стр. 148.

Какъ я рассказывалъ для удовольствія чинампеля эту повѣсть, то пускай же позволютъ онъ рассказать мнѣ другую для себя, но у мѣсна за всею; онъ такъ много объясняющій одну другую, что кажешся жалко ихъ разлучать. —

Ш П А Г А.

Когда цѣлая область и царства имѣютъ періоды своего паденія, и чувствующи въ своихъ оборотахъ, что такое злополучіе и бѣдності: то за чѣмъ мнѣ заинтересоваться и не рассказывать причинъ постепеннаго упадка фамиліи д'Е . . . въ Брениани? Маркизъ д'Е . . . * * * противоборствовалъ своей участи съ великою твердосію духа, желая еще показать себѣ и некоторыя слабыя ошанц-

ки своихъ предковъ, которыхъ, однакожъ нескромность здѣлала и по невозможнымъ. Всего опасалось только для удовольстворенія нуждъ въ самой глубокой неизвѣстности. Но у него было два сына, которые ожидали отъ него, чтобъ вывелъ ихъ *въ свѣтъ*. — Онъ думалъ, что они это заслуживаютъ. И такъ испустилъ свою пинагу — она не могла проложитъ ему дороги — повышение сопряжено съ великими издержками; а просящая бережливость не можетъ доправить его состоянія; — другаго приближенца не опасалось, кромѣ шортвалли. —

Во всѣхъ провинціяхъ Франціи (кромѣ Бретани) такой поступокъ могъ бы совершенно испребитъ самой корень древа любочестія; но въ Бретани было еще средство, и онъ воспользовался симъ случаемъ. — Какъ скоро Шпаны собрался въ Реннъ, то Маркизъ съ двумя своими сыновьями вошелъ въ Собраніе, и требовалъ произвести въ дѣйство древнее право по законамъ сего Герцогства, которое хотя и рѣдко

употреблялось, говорилъ онъ, но не менѣе того сохраняло всю свою силу. — И снявъ шлягу свою съ боку — „возьмите ее, сказалъ, и будьте вѣрными ея хранителями до тѣхъ поръ, пока дичія обетоянтельства и время не приведутъ меня въ состояніе назадъ ее потребовать.“

Президентъ принялъ шлягу Маркизову. — Онъ подождалъ нѣсколько минутъ; посмотрѣлъ, какъ клали ее въ архивъ его фамиліи, и удалился. — На другой день Маркизъ со всѣмъ своимъ семействомъ отправился въ Мариннику, и чрезъ 19 или 20 лѣтъ пріобрѣтши богатство непрерывными трудами при хорошихъ успѣхахъ въ торговлѣ, и получивъ нѣкоторыя неожиданныя наслѣдства отъ удаленныхъ своихъ родственниковъ, онъ возвратился въ домъ, очень потребовавъ своего благородства и его принадлежности. —

Такой удачной случай не могъ воспользоваться ни съ какимъ पुшещественникомъ, кромѣ чувствительнаго, чтобъ быть ему въ Реннѣ въ самую минуту сего торжественнаго

требованія — я называю его шорже-
сивинымъ — оно было таково для
меня. —

Маркизъ вошелъ въ Собра-
ніе со всею фамилією. Онъ велъ
свою жену, старшій сынъ се-
спуру, а младшій шелъ на ливні
возаъ своей матери. — Дважды при-
кладывалъ онъ плапокъ свой къ
лицу.

Было глубокое молчаніе. Маркизъ,
подойдя къ шестъ шатовъ къ Три-
буналу, осматривалъ жену свою млад-
шему сыну, самъ вынулъ при-
шата впередъ, и требовалъ своей
шпата. Шпата была ему возвращена. —
И въ ту минуту, какъ взялъ онъ ее
въ руки, вынулъ изъ ноженъ — это
было свѣтлое лице друга, съ коно-
рымъ не думалъ онъ уже больше ви-
дѣться. — Онъ осматривалъ ее: спер-
ва началъ съ ефеса, и какъ будто
удовольствясь, на ли она самая, и
примѣшивъ ржавчину на концѣ, под-
несъ ее близко къ глазу и наклонилъ
голову. Мнѣ казалось, слеза упала на
самое по мѣсто; да я и не могъ обма-
нусться, потому что за симъ послѣ-

дотало: „я найду другое средство ее
счислить“, сказалъ онъ. —

При сихъ словахъ Маркизъ вст-
жалъ шпагу въ ножны, поклонилъ-
ся имъ, которые сохраняла ее, и
съ своею супругою, съ дочерью и
двумя сыновьями, за нимъ послѣдова-
вшими, онъ вышелъ. — Ахъ! какъ
замидовалъ я его чувствованіямъ!

Сувств. Путеш. стр. 155.

О С Е Л Ъ.

Меня остановилъ у воротъ Лион-
скихъ бѣдный оселъ, вошедши навью-
ченный двумя большими коробами.
Онъ хотѣлъ подобрать канусиные
любки и выброшенную зелень; и
бывъ въ сомнѣніи, перескунилъ перед-
ними ногами черезъ порогъ, а зад-
ними стоя наружи съ улицы, какъ
будто не зная на вѣрное, войти
ему, или нѣтъ. —

Это живописное несносно мнѣ ви-
дѣть подъ побоями; сія шерифли-

вость въ спраданіи, напечатлѣнная какъ натурально въ его взглядахъ и поступкахъ, столько за него предснательствующихъ, всегда обезоруживаешь, и даже до того, что я не могу кричанъ на него съ ругательствомъ. Напрощивъ ежели случится мнѣ гдѣ нибудь его встрѣпить въ городѣ или въ деревнѣ, въ садѣ или навьюченнаго коробами, на волѣ или въ неводѣ, у меня всегда найденся, что скажешь ему получше; — и какъ одно слово рождаешь другое (ежели ему такъ же дѣлать нечего, какъ и мнѣ), я сплошь вступаю съ нимъ въ разговоръ. И подлинно воображеніе мое никогда столько не спрудится, какъ соспавляя его опивши по движенію его поступи; и ежели они не довольно глубоко меня заводятъ, я переленаю изъ своего сердца въ его, и разсуждаю, что бы такое средно ослу думать, такъ же какъ и человѣку въ нѣмъ случать. —

Дѣйствительно между всѣми родами существъ, копорая ниже меня, что одно шолько и есть, съ кошо-

рымъ я такъ поступаю; попомо что съ попугаями, съ воронами ипр. не говорю я ни одного слова; ни съ обезьянами почти по той же причинѣ; они дѣлають, какъ другіе говорять, изъ наказанія; — а сіе самое эспавляетъ меня молчать. И даже моя собака и моя конка (хотя я ихъ обихъ дорого цѣню, а особливо что лежатъ до собаки, она бы говорила; ежели бы могла шѣмъ или другимъ способомъ), оба не имють дрованія разговариванъ, и я никакъ не могу съ ними сообразить никакой рѣчи.

Но съ осломъ я могу всегда себе шдовать. — Ну, дружокъ! .. сказалъ я ему, видя что никакъ не способно было проходить между нимъ и воронами; хочешь ли ты войти, или выйти? —

Оселъ повернулъ голову, и посмотрѣлъ на улицу. — „Хорошо, сказалъ я: мы подождемъ на часъ иного хозяина „ — и онъ оборотилъ голову оцятченную мыслями, и посмотрѣлъ шомнымъ спрадальческимъ видомъ въ другую сторону. — „Я со-

вершено тебя понимаю, молвилъ я; — есильи ты хонь шагъ не шагъ спу- пишъ, шо онъ тебѣ убьенъ до смер- ти. — Ниъ быль шагъ! . . . одна минуша все минуша; и ежели она послужилъ къ избавленю онъ побоевъ бѣднаго животнаго; шо она не буденъ записана въ счешъ худо упо- требляемыхъ. — Между шѣмъ какъ сей разговоръ продолжался, онъ ѣлъ ешебель аришинока съ печальнымъ пропивоборспвомъ природы, между голодомъ и худымъ вкусомъ. Онъ нѣсколько разъ выбрасывалъ его изо рта, и опять поднималъ — „Богъ съ шобою, бѣдняжка! завипракъ швой горекъ — и много дней шруд- ныхъ и горькихъ, и много побоевъ жестокыхъ въ счешъ жалованья. Я думаю, все горесенъ одна для тебѣ, какъ жизнь сія для другихъ. — Я ушверждаю (попому чшо онъ бросилъ ешебель), чшо ежелибъ можно шпро- бованъ, въ швоемъ рипу шперъ шагъ горько, какъ онъ польни, и нѣнъ у тебѣ друга въ мѣрѣ, конто- рой бы далъ тебѣ макаронъ. — При сихъ словахъ вынулъ я изъ кармана

цѣлую бумагу ихъ, конторую полько чшо кушилъ, и далъ ему одинъ; — и въ сію минушу, когда я это раска- зываю, сердце мое укоряетъ меня за шо, чшо шушъ было больше шало- сши, чшобъ видѣнъ, какъ оселъ спа- ненъ бснъ макаронъ, нежели добро- желательенна, конторое бы побудило меня къ сему послушкю.

Когда оселъ сбѣлъ макаронъ, я понуждалъ его войши. Бѣдная ско- пина была шагъ шяжко навьючена, чшо казалось ноги подъ нимъ пря- сався. — Онъ подался назадъ, и какъ я потянулъ его за поводъ, шо онъ перервался въ моей рукъ съ конца. — Оселъ посмотрѣлъ мнѣ въ лицо — „не бей меня имъ; но ежели ты хо- чешъ — можешъ. — Избави Боже, чшобъ я это здѣлалъ! сѣвалъ я — Рѣчь была на половинѣ, какъ нѣкто изъ прохожихъ подошелъ, обрушилъ цѣлой градъ шлохъ на спинъ бѣд- наго животнаго, и шѣмъ кончилась вся церемонія. —

ОШИБКА ВЕНЕРЫ.

Когда Венера увидѣла картину, изображающую Хлею: оно изумившись почла ее за свою собственную. Какъ же это, вскричала она, могъ учинить дерзкой живописецъ? Когда это бывало, чибобъ я купалась, или гдѣ видали меня нагую?

Купидонъ съ удовольствіемъ слушалъ сіе, и первимъ образомъ успокоилъ любовесные манеры своей. — Кто же слѣдъ, мальчишка? вскричалъ мальчикъ; вѣдь это Хлоина глаза, щени, уши и грудь, а прочее все выдумка осипроумнаго Гоа.

Пріоръ

ПАМЯТНИКЪ.

Перото Памятникъ былъ нѣкогда поставленъ:

Изъ драгоценнаго онъ мрамора соснавленъ;

На немъ его дѣла изображалъ рѣзецъ;

Тамъ виденъ былъ прорей, и шлемъ и лавръ,
внечъ.

Но пролетѣть едва не много лѣтъ успѣло,

Разваливъ видъ иривъ, все по почини испушло;

Спертъ время не могло послѣднн динъ слова:

„Гдѣ имени его не пронела молва? —

Проконѣй изумась при видѣ сѣхъ обломковъ,

О ва! онъ рекъ, что жинъ хощине у пошомковъ!

Вспрая на сѣды сей гордости людской,

На пышный Памятникъ поросшій весь прахой!

Остались ли дождевые кЪ безсмертью ваши виды;
 Безсмертныя не даюшЪ шумЪ хладны ира-
 миды;
 Ни дѣлЪ, ни имени не сохранишЪ рѣзецЪ,
 Коль ПамятникЪ не огулъ оставили сер-
 дець. —

Село Иняѣ.

27

О Д А

На смерть Голсона.

Дявленіе слѣдующихъ Стансовъ полагаютъ
 ся при *Темзѣ* близъ *Гайчмонда*.

Тамо въ гробѣ покоишся Друидъ,
 тамо, гдѣ крадущіяся волны кру-
 тилися медленно! Намлучшія лѣтныя
 года должны съ покоренномъ возвы-
 ситься, дабы украситъ лѣсную гроб-
 ницу Пивца своего.

Тамо, въ глубокомъ дождѣ непо-
 тливыхъ камышей, легкая его арфа (*)

(*) *Эллисская арфа*, еяшорой описаніе сме-
 три въ его сочиненіи: *Замокъ безлечности*
 (The castle of indolence). №. *Сифо* преса-
 ешхы въ *Эллисскомъ діалектѣ*

должна теперь опочинь, дабы потъ,
кото сердце въ горести замираетъ,
могъ чрезъ всю жизнь любви ла-
скающую тѣнь.

Тогда дѣвицы и юноши здѣсь
оспаваются; и между тѣмъ, какъ
звуки оной будущъ возносятся, дол-
жны въ уныніи представлять слуху
соспраданія, якобы шумъ слышится
смертный колоколъ лѣснаго сира-
шка.

Часто память будетъ водворятъ-
ся на сѣмъ брегѣ, когда только *Гел-
за* украсится лѣннымъ вѣнкомъ, и
часто будетъ шумъ веселья разсѣ-
кающее весло, дабы подать смирен-
ному его духу покой.

Часто, когда нишина и зданіе
будущъ удаляться въ прохладной
перелѣсокъ, или во глубину рощи,
прискорбный другъ будетъ взираетъ
на бѣляющуюся тамо главу (*),
и сѣновать среди прѣмняющихся
видовъ окрестности.

(*) Райчмондская церковь.

Но ты, обладающій симъ зем-
нымъ ложемъ - ахъ! что можешь
возбудить всякое погребеніе? Слезы
ли, которыя льетъ любовь и уни-
женность, оплакивающія тебя подъ
опущеннымъ своимъ покрываломъ?

Уже ли найдется между живыми
такіе, коихъ невнимательное око
пренебрежетъ блѣдые твои оспап-
ки, мелькающіе вблизи? О сладко-
пѣсенный Бардъ! съ нимъ укрепи
воображеніе, и радость не усладишь
цѣлующихъ лѣтъ.

Но ты, помятый попокъ, кого
тоскливому волненію теперь уже не
внемлютъ обросшія камышами се-
спры! пренеси меня нынѣ ошъ зелена-
го хребта холма, кого хладный деръ
сокрываетъ покоящегося друга.

Се волшебныя долины блекнутъ!
тоскляя ночь окружила и порожествен-
ное зрѣлище; но еще единожды, оп-
ходящая тѣнь дражайшая, нѣжное
чадо еспесна! еще проснимся! ...

Веселыя поля, опредѣленные ради
ублаженія твоего житія, восплачутся

вздѣ ранимѣ своимѣ приговоромѣ;
пачешия поселяне и юныя пасиунки
будуиѣ проспыми руками укра-
шапѣ швою сельскую гробницу.

Долго — долго швой надгробный
камень и оспрокопечная скудель бу-
дешѣ извлекашѣ слезы изѣ задумчи-
выхѣ очей *Бритацца!*... О долины, и
дикія роци! будешѣ ли онѣ вѣдапѣ,
чшо паче еѣ гробницѣ покопился
Друидѣ вашѣ?

Коллинь.

О Д А

Къ молодой женщины.

Кинь взоры свои, любезная! на сей
прозрачной ручей, извилюющійся
пунѣ по смѣлющейся долинѣ: можешѣ
ли искусство изобрѣпении, или вообра-
женіе вымыслишѣ способѣ, дабы
справмишѣ излучистой пунѣ его?

Такѣ и миѣ пріятно смолѣпѣпѣ
на блестящія швой вѣасы, назна-
дающія свободными и небрежными
локонами; все искусство, все стараніе
швое не можешѣ соснавити един-
ственной красы.

Кинь еще взгляды на сей зеле-
ный холмѣ, изпепранный самородны-
ми лѣпнорасѣлами: скажи, можешѣ ли
совершеннѣйшее искусство живописца
научишѣ цѣвѣпокѣ, чшобы онѣ пра-
вилася паче больше?

Тщешно бы было вымышленными красками замѣнить цвѣтъ, покрывающей своей ланипы; ахъ, Лаура! прежде нежели ты по испытаешь можешь, уже свѣжимъ румянцомъ своимъ изобразишь розу.

Чу... лѣсной жаворонокъ поетъ; какъ превосходящій ибже гордышко его всякое художественное согласіе! Пусть искусство ограничитъ перемѣны пѣней его; но можешь ли ты, о Лаура! столько нравиться?

Ахъ! береги природную свою скромность, не ограничивая себя педанскимъ закономъ; ибо голосъ Лауры образованъ для того, чтобъ пѣвнать, равно какъ и слова Лауры не могутъ быть неприлежательны.

Шестомъ.

РѢШИМОСТЬ.

Духъ и сердце должны принимать равное участіе въ *Рѣшимости*, дабы она была въ полномъ своемъ совершенствѣ. А для испытанія, такова ли она, встрѣчаются два случая.

Я прихожу въ такое положеніе, гдѣ дѣло идетъ о моемъ собственномъ спасеніи. Тутъ Рѣшимость есть не иное что, какъ натуральное побужденіе сохранить свое щастіе, спокойствіе, жизнь и благососноліе. Здѣсь *духъ мой* занятъ ибмъ, чтобъ быстрымъ и рѣшительнымъ образомъ употребить самыя способнѣйшія средства къ отвращенію грозящихъ *миж* опасностей.

Или истребуется отъ меня, чтобъ я немедленно спасъ *другаго* теловка? Здѣсь Рѣшимость возбуждается гораздо большимъ числомъ пружицъ,

а поному она и совершенииѣ. Ибо жестокая участь, опасность, опечаление, въ которое вижу низверженнаго подобнаго мнѣ человека, скорѣе спешно все сердце мое наполняютъ доброжелательствомъ, сопрадиѣемъ и готовностію усремишься къ его избавленію. Итакъ здѣсь *благожелательная густота и доброта сердечная дѣйствующиѣ* обще съ *густотой силы и способности моего духа*. Воиѣ въ крапкихъ чертахъ нравственная цѣна Рѣшимости.

Чтожъ мы вообще разумѣемъ подъ *Рѣшимостію*? —

1. Сполько *силы духа и воли*, чипобъ среди быспро произшедшаго смяшенія, окружающаго насъ опасностями смерти, лишенія нашей волюности, нашего имущества, симыхъ любимыхъ и драгоценныхъ предметовъ — чипобъ среди сего внезапнаго смяшенія и пораженія, не бынъ попрясеннымъ и не внасть въ бездѣйственное изсупуленіе; но паче

2. среди сихъ пренеполненныхъ ужаса минуиѣ, часто рѣшавшихъ жизнь, смерть и щастіе, славдова-

тельно не оснавливающихъ ни малѣйшаго времени къ размышленію, къ всѣхъ возможныхъ средствъ къ спасенію пошчасъ избранъ самое единственное и соотвѣтственное цѣли, которое подденѣ наиболее вѣроятности къ щастливому успѣху; а приномъ

3. умѣнъ искусно избѣгивуиѣ всѣхъ преплишней и затрудненій, опираициѣ ихъ и уиичтожициѣ, поестъ, не хопициѣ и не дѣлаициѣ ничего излишняго, дабы не пропусцициѣ *скамаго необходимаго*, и ни на единое мновеніе не щеряициѣ изъ виду своей цѣли. —

Вѣроятность щастливаго успѣха, которую рѣшимый человекъ сохраняициѣ непрестанно въ виду своего предиріициѣ, доснославно опланициѣ его опѣ *опроментиваго и держкаго*, который весь успѣхъ предоставляициѣ единственно елѣному случаю и щастію.

Рѣшимость, кажеициѣ, имѣициѣ иѣкоторое сходство со многими геритическими силами души. Таковы сущѣ *свобода и присутствіе духа*, равно-

душе, постылиство, неустрашимость, героизм и хладнокровие. Однакожь всё онъ никакъ не одно и тоже, чпо *Ръшимостъ*. То достоверно, чпо гдѣ находящяся всё сн качества вмѣстѣ, тамъ Ръшимостъ оказывается въ величайшемъ своемъ блескѣ.

По сей причинѣ часто въ общей жизни сн особы и различныя опрасли Ръшимости смѣшиваются съ самою Ръшимостию, и думаютъ, чпо свобода духа поному уже есть Ръшимостъ, поже она, равно какъ и Ръшимостъ, имѣетъ источникомъ своимъ крайности и опасности. Однакожь онъ при оказаннн *свободы духа* рѣдко просиращаются до опасности самой жизни. Свобода духа предидишь опасность; она можетъ предуготовиться, вооружиться противъ нее, оградить себя безопасностно; она имѣетъ время къ размысленно и предуготовленно; можетъ съ почтосно взвѣсить слова, которыя употребить хочеть, и въ случаѣ, когда они худо будутъ приняты, все еще можетъ дать имъ другое зна-

менованне. Коротко сказать, *свобода духа* имѣетъ дѣло съ однимн только словами.

Ръшимостъ напротивъ того беретъ быспряя, существеиныя мѣры противъ опасности, и при томъ большою частно противъ опасности неожиданной, сильной, трудной и рѣшительной. Она имѣетъ цѣлю избавленне и помощь; а свобода духа только истинну и право. Планы рѣшимости просище по образу и по натурѣ своей: планы свободы духа многосложнѣе. Пусть свободы духа всегда крайковъ; ръшимостъ иребуетъ продолження.

Съ присутствемъ духа рѣшимостъ по имѣетъ общее, чпо они равно быспро, и слѣдовательно безъ приговозлення вызывающяся на мѣсно своего подвига. Но разность ихъ состоитъ въ различнн ролей, съ какими они выходятъ на сцену. Частно присутствне духа имѣетъ дѣло только съ одною шушкою, съ спиртою пушеною опъ оспряка, которую спонитъ только опраснитъ обратно на того, опъ кого она произошла. Ему

не пужно споль заботливо обращать внимание на конецъ своей роли, ибо предметъ его подвига не споль важенъ: оно спомогаетъ только на непосредственное слѣдствие своего поступка, не заботясь, что даѣе изъ этого произойдетъ, да и произойдетъ ли чтолибо. По такому разсмотрѣнью, приуспеваемъ духа есмь наследство острйка, а никакъ не того острого остроумія и бесстраго проникнѣнїя, которое есмь главное качество *Рѣшимости*.

Имѣетъ ли рѣшимый человекъ и пребудетъ ли *героическаго духа*? Я думаю, весьма пребудетъ! даже и не можетъ быть истиннымъ Героемъ тотъ, въ комъ недостаетъ Рѣшимости. При всемъ томъ героизмъ не есмь совершенно иное, что рѣшимость. Героизмъ часто имѣетъ время поступать по известнымъ правиламъ, по евангелю; онъ преднамеривается планы сраженій, осадъ, иррегулярностей, надеждъ. Ко всемъ симъ дѣйствіямъ конечно, кажется, принадлежатъ и *Рѣшимость*; но какая? За долго прежде обдуманная, по мѣрѣ

обслюпительствъ принятая; а не скоропоспѣшная, въ самое мгновение случая вдругъ родившаяся *Рѣшимость*, къ которой вызвала быспро и внезапно наступившая опасность. Фридрихъ Великій былъ рѣшимый Герой. Въ немъ обзореніе и рѣшеніе было одна минута; все, что предпринималъ онъ въ крайней опасности, было мгновенное дѣло. Опличительный характеръ Рѣшимости тотъ, что она нигдѣ никакого правила, никакой системы не имѣетъ, не знаетъ, и наблюдать не можетъ; ибо вызовъ и дѣйствіе еѣ быспроною молніи одно за другимъ послѣдуютъ.

Естьли Рѣшимость, для сохранения равновѣсія, и должна всегда имѣть надлежащую степень *хладнокровія*; по однакожъ еѣ послѣднее одно само собою никогда не соснавитъ Рѣшимости. *Хладнокровіе* въ великой степени можетъ даже здѣлать *нервни-молью*. Безъ жару спрасни Рѣшимость невозможна. — —

Проникнемъ глубже въ характеръ *Рѣшимости*!

1. Она не совместиа съ страхомъ людей, мукъ и смерти.

2. По сей причинѣ сподѣ безболѣзненно дѣлаеиъ благородное противоборство несправедливости.

3. Даже вопрошивается самаго сладостивѣйшимъ, евожъ самого нищасмелъ желаньямъ.

4. Въ языкѣ ея всегда господствуютъ инокшорая энергя, или сила, связность, краткость, и величественной тонк истинности; какое-по неописанное ибъство, котораго нищенно будемъ искать при другихъ обнаруживаньяхъ силъ душевныхъ (*).

5. Она изобрѣшательна, а особливо въ томъ, что оиѣ болѣеи опасностя ибъмъ самымъ умѣиъ избѣгнушь, что быстро подвергаетъ себя менѣи.

(*) Одинъ Индѣйскій Принцъ сподѣ въ-когда на бланкѣ вмѣстиъ съ инспиритомъ Маниспромъ, котораго оиѣ желалъ увидѣти. — „Съ этого мѣсяца — сказаъ Принцъ — одинъ изъ моихъ предковъ бросилъ Посланника! „ — „Въроянн. — возрадаъ ему шопѣ — Посланникъ тогда въоспан еще шива! „

6. Наконецъ она производитъ въ дѣйство такія вещи, которыя по порядку вещей кажутся невозможными къ исполненію.

Aus Menschenkunde.

30

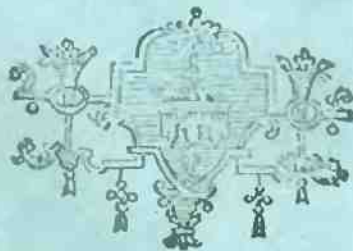
ДЖЕМСУ ТОМСОНУ;

На его Времена Гола.

Радуйся, Пѣснопѣвецъ Природы! ты, котораго научила она воспѣвать свои дѣянія въ снѣгахъ, подобныхъ ея собственнымъ! ты пришеиъ, какъ ибъжный дроздъ, восклицающій въ долини, и сладостенъ, какъ доброголасная Филомела! — Она подала тебѣ свою кисть чудеснѣйшей силы, дабы

снять радугу, и образовать цѣпныя
изъ многихъ смѣшанныхъ красокъ; —
она сперва увѣнчавъ лавромъ гла-
ву свою, яко любимца своего — съ
усмѣшкою изрекла: „Сии прекрасныя
„ чада сколь ни прелестно сіяютъ,
„ но они увидаютъ въ моихъ Време-
„ нахъ Гола; пусть же въ своихъ
„ они живутъ! — И должны жить,
„ яко прелестны очей, доколѣ Еснес-
„ сиво не исплѣшетъ, и Времени Гола
„ не умрутъ.

В. Т.

31.

КРОВАВАЯ ПОЧЬ,

ИЛИ

Консжное паденіе дому Кадмуса.

Дѣйствующіе:

ЭТЕОКЛЪ, Царь Фивскій, { дѣти
ГОЛИНИКЪ, братъ его, { Эдина отъ
ТИГОНА, { сестры ихъ, { Иокасты.
ИСМЕНА, {
КРЕОНЪ, братъ Иокасты, дядя ихъ.
ЕВРИДИКА, супруга его.
АДРАСТЪ, Царь Аргивскій.
ПОЛИВЪ,
Стражи, вѣстники, народъ.

*Дѣйствіе съ Фивахъ на площади
и за стѣнами на полѣ.*

1799, Октября 12 числа.

Часть VII. №. 80. 11.

СЦЕНА I.

*Народная площадь. Народъ, обра-
щенный предъ герцогами Энеокла.
Креонъ и Антигона выходящъ на
площадь.*

1.

ХОРЪ.

Вѣда во сѣдѣ бѣдѣ!

Рокъ Оивийъ язвоносной тучей

Простерся крыльями надъ градомъ

И снискаетъ бѣдствія

5 Желѣзною рукою. — Сѣ шѣхъ — —

Сѣ шѣхъ самыхъ порѣ, какъ Кадмъ

Въ спешѣхъ блаждая дѣвѣхъ,

Орадъ судьбу Оивейцовъ,

И не дракона зубы —

10 Оивейцамъ слезы сѣдѣ; — сѣ шѣхъ —

Сѣ шѣхъ самыхъ порѣ, какъ Амфионъ

Сладчайшимъ лириымъ звукомъ

Далъ невредимъ камнямъ жезлы

И веруѣ поспѣвала пышна града, —

15 Сѣ шѣхъ порѣ караетъ Небо насъ.

Къ Олимпу въ тучахъ шлошея снопы,

И шаршаръ подонъ нашихъ шѣей. —

И днесь, когда несчастный,

Лишенный зрѣнья старецъ

20 — — Пшелъ рекущихъ громовъ,

Послѣ надвѣщихъ молній

Возлетѣ при Колонѣ,

И днесь вѣнчалъ насъ пламенъ

Всегощаго паденья. —

25 — Уже и надъ его могилей
Камни съ сѣриенный выросъ;
Какая звонкою голубкой,
Вѣщаетъ сиренитвамъ:

Эдивъ ужъ прахъ!

30 Уже званъ розы и ядинны,
Рукою дщери посажены:

Но Энеокъ, Полиннѣтъ,

Сасзани, пономъ, кровью Оивянъ

Ихъ иски окаяющъ.

35 Идетъ несчастный градъ, и волны

Сверзныхъ бѣдствій ошъ лица

Земан его игазаяшъ. —

Усилаый пушкаль проходя,

И видя среди развалинъ гордыхъ

40 — Подниъ распушую, и змѣй

Грѣздящыхъ у нашихъ преховъ,

Вдохнетъ: „и эно былъ Оивы!“,

КРЕОНЪ.

Такъ, Оивлице! такъ, такъ! Судьба ка-
раетъ

Несчастный Кадмовъ домъ. — Полиннѣтъ,

45 Сей хищный, дерзкій возмушитель
сѣ

Честолобивый пилгръ, чпо вашей крови
Кипящу челюсть прохлаждаетъ, с,

днесъ

Покрылъ кровавой тучей горизонтъ

Прекраснаго Оивейска неба, и —

50 Мечидетъ вамъ бышь *Эдипомъ*. — Но

Я долженъ вамъ сказашъ: ошъ правъ!
народъ!

Ошъ правъ! — я ошъ спыда ошворочувъ —

И покрасивъ — я дядя имъ обоимъ;
И пожалевъ — я дядя имъ обоимъ;
55 И плача — я Египетской гражданинъ;
Скажу: — онъ правъ! —

Эдинъ успавилъ шакъ!
Сей изпуренный несчастливекъ, какъ
Узнавъ свою судьбу, и самъ своихъ
Законовъ забвѣлся невольникомъ —
60 Велѣлъ. — онъ вашимъ былъ еще Ца-
ремъ —

Велѣлъ, чтобъ Эпсеокъ, Полникъ,
Погодно права Египетскыя царшею,
Исполнилъ свою судьбу. — Такъ было.
Что бъдствениче царшву можешъ
быть,

65 Какъ всякой годъ имѣшь Царя! Одинъ
Начнешъ, другой шо все ославивъ, и
Цѣпиуще древо посѣчешъ, — Поспи-
гнулъ —
Поспигнуаъ Эпсеокъ — и, Египетъ!
не для

Блестящая вѣнца и діадимы, —
15 Для васъ, для вашихъ чадъ и ва-
шихъ внуковъ,
Для счастья Египетъ — опказаъ. По-
ликъ,
Воспитанникъ Адрасовъ, другъ, —
склонилъ

Аргивянина легковѣрна, — и полки
Его обслали Египетскыя сѣны. — Боги!
75 Цари Олимпъ! не уже ль за герасишь,
За буйство одного мы будемъ все —

Мы мужи, старцы, дѣти — будемъ
лишь
Потоки слезъ и рѣки — крови?..

АНТИГОНА.

Креонъ!

Но правъ ли Эпсеокъ? исполнилъ ли
80 Ощиво завѣщанье? О! онъ извергъ
Забывъ, какъ спраждущій Эдинъ, ли-
чешный
Надежды, бодрости — и падши подъ
ударомъ
Свирѣпыя судьбы — рыдалъ — ры-
далъ —

И при последнемъ мигѣ Царя сама
85 Выцалъ: „Полникъ! Эпсеокъ! я
гнѣну...“

Такъ быть! того желаютъ Боги —
Гублю народъ — и это огорчешъ
Последнюю минуцу жизни! Ешьли
Я бѣдствие навлекъ на Египетъ; ешьли
90 За пресупленіе Царя они
Несутъ со мною казнь: шо дѣши,
Полникъ, Эпсеокъ — содѣлаише,
отецъ,

Погибшій вашъ отецъ васъ молилъ:
Содѣлаише ихъ учасъ лучшею,
100 И облегчите шяжестъ золь моихъ!,,
КРЕОНЪ.

И тошъ, кто етель былъ мудръ,
чно могъ
Рѣшишь загадку Сфинкса — (руга-
тельно)

Тотъ

Не видѣль, что у насъ нѣтъ Соли-
 цевъ двухъ;
 Иначе, соединясь своимъ падающимъ
 105 Огнемъ, они сожгутъ всю твердь,
 или
 Другъ въ другъ пламень увиди-
 жашъ.

АНТИГОНА.

Но

Не ужь ли свѣтъ луны не сладостенъ?
 Она склоняется онъ взоровъ брат-
 нихъ;
 И какъ онъ, ушомленный, снидешъ
 110 Въ пучины Амфириды — шумъ
 Взойдетъ она — и свѣтъ ея любезенъ!
 Такъ ночью Этеокль могъ съ брагомъ
 Мѣняшся царствомъ — и всякъ видя
 Сказалъ бы: „Касторъ, шакъ и Пол-
 лукъ,
 115 Мѣняюся на тверди!„

КРЕОНЪ.

Антигона!

Но кто внушилъ тебѣ слова сѣя?

АНТИГОНА.

Любовь къ опечесиву.

КРЕОНЪ.

Опечесиву?

АНТИГОНА.

И къ брату моему.

КРЕОНЪ.

Злодѣю?

АНТИГОНА.

Благоговѣнне къ любезной, и
 120 Свещенной памяти родишеля
 Эдила. — Ты его клеветишь; — братъ
 Иокасты, дядя мой клеветишь
 Несчастну память добродѣтели,
 И мещеи на него проклянья. —
 Ешьли
 125 Твой Этеокль не для себя, не для
 Баншанія вѣнца, могущеспва,
 Тиранской власни — ешьли онъ
 У брата хинишъ скинпръ для блага
 Сивейцовъ — и днесь зришь, что
 шѣмъ самимъ
 130 Наносишь бѣдсено имъ, лещи слезы,
 кровь; —
 То для чего швой Этеокль не сни-
 мешъ
 Съ себя короны? для чего онъ,
 Человѣколюбивый Князь сѣй, для
 Чего не возвращишь вѣнца и скинпра
 135 И щасня Оивяишъ? Такъ, Креонъ! шакъ!
 онъ
 Человѣколюбивъ; онъ плачешъ надъ

- Убитымъ прупомъ, и велишь на мѣ-
сно
Его ипши подъ мечь десяперымъ.
Смотри вокругъ себя, смотри! вопль
старецъ —
140 Онъ рубищемъ покрытъ; — смотри
другой —
Онъ босъ, съ опкрытой головой на
солнцѣ;
Вопль претій — видишь, претій пла-
чень, а
За чѣмъ — за чѣмъ? — пивой Эпееклъ,
радья
О щаснь ихъ, на поле битвы вы-
велъ
145 Сыновъ ихъ, и лишилъ ихъ пищи,
Одежды и спокойствія!

КРЕОНЪ.

Царевна!

Опецъ швой такъ, Эдипъ, не говорилъ
Со мной. Я дядя швой . . .

АНТИГОНА.

Я дядо чшу

Въ тебѣ — злодья ненавижу!

КРЕОНЪ.

Но

- 150 Какъ ешьли силу я употреблю,
И дерзосни швоей скажу границы —
Опомнишься! — но поздно.

АНТИГОНА.

Нѣтъ!

- Нѣтъ! духъ оица тогда приршиъ
ко мнѣ;
Онъ улыбиешя, руку дастъ — спа-
сешъ . . .
155 Но вы! улыбки сей, какъ молвиной
Улыбки — изверги! не принесете.

2.

Прежнѣ. ЕВРИДИКА и ИСМЕНА.

ЕВРИДИКА.

- Супругъ! или не слышалъ ты шрубы,
Звучащей брань? Уже Герольды
Велятъ соспавишь рядъ — уже Вожди
160 Возсѣли на коней, и конья ввзали; —
Жрецы моленья шлюиъ къ Олимпу . . .

АНТИГОНА.

Такъ

- Насшалъ свирьный часъ? и братия
крель
Прольется? —

ЕВРИДИКА.

Но Миденскіе Послы

- Въ черногохъ Царскихъ ждушъ шебя. —
Явисъ
165 Предъ ними. — (Креонъ уходитъ съ
Евридикой)

ХОРЪ.

Владѣтельница Олимпя
 Великій, грозный сынъ —
 Арей! склонись къ Фивейской
 Невинной сестрицѣ.

170 Дай силу ей и мощиость,
 Дай бодрость ей швою,
 Да переживи Аргивцовъ
 Подъ Фивейскихъ стѣнъ.

Падетъ иноплеменникъ!

175 И внукамъ возвѣститъ,
 Сколь шлюбно сражались
 Прошнѣ себя, Арей,
 Великій, грозный сынъ
 Владѣтельница Олимпя!

ИСМЕНА.

180 Мы взойдемъ на стѣну —
 Посмотримъ, какъ Эмонъ разитъ
 Враговъ
 Архилескихъ шанешъ; какъ . . .

АНТИГОНА.

Слушай!

ИСМЕНА.

А ты? не ужь ли безъ веселья будешь
 Смотрѣть на храбрость жениха? —
 Сестра . . .

АНТИГОНА.

185 Онъ не женихъ теперь. — Его отецъ
 Убійца нашъ! — — Сестра! (съ горюч-
 ностію схватываетъ
 ее за руку, и одружь спус-
 каетъ.)

Но ишь, ишь! ты,
 Ты такъ спокойна, такъ рука твоя
 Холодна; — ишь ни капли крови для
 Поддника?

ИСМЕНА.

Для этого убійцы?

АНТИГОНА (долго смо-
 тритъ ей въ глаза).

190 Имена! помнишь ли еще отца?

ИСМЕНА.

О! онъ не выйдетъ никогда изъ сердца
 Сей дочери своей!

АНТИГОНА.

Ты помнишь ли
 Недавний оный часъ — при Коло-
 неѣ —
 Когда насъ прос — я — и ты — и
 онъ . . .

ИСМЕНА.

195 Когда револь перунъ . . .

АНТИГОНА.

Ливанъ попоки
 Гублящихъ молній въ небесахъ . . .

И С М Е Н А.

Когда
Казнящая Немезисъ, съ взоромъ буй-
спва,
Съ бичемъ постигла Спарту. . .

АНТИГОНА.

Какъ
Лишенный зрѣнія, онягощенный
200 Печалю, скорбно, ошаченемъ —
Падъ, и дрожащими усами рекъ:
Исмена! Антигона! не забудьте
Созловъ спарты и отца! Любите
Другъ друга! и тогда мой духъ,
205 Блаждая въ пропастяхъ неизмѣри-
мыхъ,
Съ улыбкою надъ вами спанелъ. „

И С М Е Н А.

Такъ!
Такъ! такъ! „Когда же — онъ въ-
щаль — когда же
Вы будете вражду пинать другъ къ
другу. . .

АНТИГОНА.

„Тогда моя печаль удвоится —
210 Я буду цѣпи влечь — оковы; буду
Сирадиль и мучинься. — „

И С М Е Н А.

Ахъ! — такъ; но —
Но братья наши . . .

АНТИГОНА.

Беззаконный —
Преступный Эпеклаъ всему виной.
(Съ нежностью)
Сестра! взойдемъ на сшибу мы — взой-
демъ,
215 Посмотримъ на Полиника: когда
Увидимъ, что онъ ослабѣнъ въ мыш-
цахъ —
Когда надъ нимъ взовьенся бранный
мечъ,
И оспрашитъ его не въ силахъ буденъ:
Тогда, Исмена, мы къ нему перкри-
чимъ:
220 „ Полиникъ, братъ! за Опы и за
насъ! „ —
Онъ вѣрно буденъ слышанъ, вѣрно
буденъ;
Нашъ взоръ придастъ ему ошважно-
сти;
Онъ спведетъ ударъ. Пойдемъ!

И С М Е Н А.

Пойдемъ!

АНТИГОНА.

Подай мнѣ руку.

И С М Е Н А.

На.

АНТИГОНА.

Я прежде не

225 Могла любить себя — всегда каз-
лась

Я для тебя чужой; — теперь . . .

И С М Е Н А.

Теперь . . .

АНТИГОНА.

Опять сестры мы — (*обнимаются*)
и Эдипа дочери!

Пойдемъ! (*идуть на сцену; — въ ив-
которомъ отдаленн множе-
ство народу*)

АНТИГОНА.

Уже готово все, и скоро кровь

230 Артистовъ и Фивейцевъ напоишь
Сухую землю. (*молчаніе*)

И С М Е Н А.

Скоро ляжешь полкъ

Бездушныхъ орудовъ — — ихъ ши-
повъ и коневъ —

И сирѣчь обломки — все засыпешь
полк.

АНТИГОНА.

Смотри на западъ — тамъ вдали —
вдали —

235. За шей львиной крупизною —
тамъ —

Между кустарниковъ словыхъ —

Смотри полки всаковъ — они на-
пьются

Фивейской крови; вой ихъ наполнятъ
Отзывомъ сиротнымъ Фивъ руины.

И С М Е Н А.

240 На югъ — тамъ — prosperлась туча
чорна: —

То чернокрылы, плоскодны враны
Летятъ перзаны бездушны ируны —
ахъ! . . .

(*звукъ трубъ*)

АНТИГОНА.

Ахъ! ахъ! уже подвиганя — идутъ!

Смотри — зблжаются Фивейцы со

245 Аргесомъ: — скоро — скоро . . .

И С М Е Н А.

Кто . . . смотри, сестра —

Кто тотъ ужасный вождь? — его
полки

Какъ ширь гладные — онъ хищный
левъ!

АНТИГОНА.

Конечи дальнихъ сирайъ — Кавказ-
кихъ, наъ

Рифейскихъ; — тамъ, гдѣ вѣчны
льды . . .

И С М Е Н А.

Гдѣ ледъ

250 И въ головъ — и сарды ледъ . . .

АНТИГОНА.

Конечно Скиновъ, или Сарматъ свирѣ-
пый. . .

(къ подлѣ столцу старцу)

О старецъ! — прислуши — (съ удз-
сленіемъ)

Ты плачешь?

СТАРЕЦЪ.

Плачу —

Я плачу о сынахъ Эдипа.

АНТИГОНА.

Такъ!

Всегдаши слезы возвѣщаютъ объ
255 Эдипѣ; — память чпунъ его сле-
зами;

Но горе — горе, коль клянущими
Слезами!

СТАРЕЦЪ.

Зевсѣ и весь Олимпъ меня

Дѣ поразилъ, когда я несчастливца
Виновнымъ кляшеъ почну; — онъ
только чпо

260 Несчастливъ.

АНТИГОНА.

Только, только чпо несчастливъ.
Но чны повѣдай намъ, коль ебдаши —
Кто сей ужасный Вождь? кто онъ?

онъ ишь,

Съ дубиною въ рукъ — подобенъ сыну
Зевеса и Аакмены; кто?

СТАРЕЦЪ.

Тидей свирѣпый,

265 Эевъ сынъ; онъ весь облитъ же-
льзомъ;

И подъ его ногой тяжелой споненъ
Земая. —

ИСМЕНА.

А кто кто? онъ виденъ — тамъ —
На правую сторону сядо старца.

270 Покрыто священнымъ покрываломъ;
Еъ задумчивости онъ своей подобенъ
Лунѣ въ заминити.

СТАРЕЦЪ.

Гиппомедонъ.

АНТИГОНА.

А видишь ли тамъ — посреди стоя-
щихъ
Высокихъ копьевъ — кто? его суровый
Свирѣпый взглядъ дрожатъ засна-
енъ восвъ!

СТАРЕЦЪ.

275 Парменоней.

ИСМЕНА.

А сей — кто на копье
Склонясь споненъ, какъ дубъ навъ-
сасъ

Надъ пропастью водою?

Слсг VII. No. 81.

19

СТАРЕЦЪ.

Кашаней.

АНТИГОНА.

А эшонъ? — шакъ! шакъ это вождь

Аргивскій

По сѣдинамъ его, по аграмъ и

280 Званой король — всакъ узнаенъ въ

немъ

Адраспа добродушнате.

СТАРЕЦЪ.

Такъ, онъ!

Уже зима холодною рукою

Покрываетъ нисемъ главу его —

Уже допрядываетъ нить Лахеца,

285 Но онъ еще здоровъ. —

АНТИГОНА.

И скоръ къ защитѣ.

Великій, благородный старецъ! ты —

Ты врагъ намъ, но я чшу себя;

Ты кровью Фивской кропишь поля

Опгейски, — но ны спасъ Царевича —

290 Ты принялъ въ домъ къ себѣ изгнан-

наго

Полиника, и днесъ ему желаю

Похищенный ондашь пресполъ. Ве-

ликій!

Великій человекъ!

ИСМЕНА.

Но гдѣ жь Полиникъ?

Гдѣ главная пружина бышвы? иль

295 Онъ не явился, въ спавкѣ дрем-

ленъ?

СТАРЕЦЪ.

Смотри, Исмена, и ты, Антигона,

Смотрите — видите ль вдали гроб-

ницу

Воздвигнущу въ честь Кадму? види —

ше ль,

Вы видите ль траву поросшую

300 Со всѣхъ ея сторонъ? шамъ спаслся

шеръ

Съ шиполикомъ, и ѣдка польнь

Гнешемъ фѣлаку; — шамъ спойишь —

узнайте —

Кто онъ? склонивъ главу къ гроб-

ницѣ —

Неколюбимъ спойишь; — воздъ него

305 Возвезное копье, и въпръ бун-

густъ

Въ его власахъ? кто онъ?

АНТИГОНА.

Ахъ! изъ одной

Черты узнаю я Полиника; готоваясь

Къ сраженью — плаченъ онъ, ры-

дненъ

Объ ослѣплены брата! шакъ — сле-

замъ

310 Кадмъ Фивы основалъ, слезами
Они пинались — и надунуеь слезами.
Се участь наша! (молчаніе)

С Т А Р Е Ц Ъ.

Участь наша! (молчаніе)

АНТИГОНА.

И

Стя ужасна дума оправила
Последній часъ Эдиповъ; онъ гонимъ
315 Былъ умереть: — преступникъ былъ
я, рекъ
Онъ къ намъ — и боги казнь мнѣ
шлютъ; за что?
Спрадешъ мой народъ? за что?;
онъ говорилъ —
И плакалъ, — и мы плакали, —
Имена;
И я, и онъ — и всё мы плакали. — —
320 Но, старецъ! ты, мнѣ кажешся, предъ
всѣми
Берешь участие въ насъ, въ несчастій
Эдипа и души его! Фивейцы
Рыдаютъ — но о чемъ? о бѣдствіи
Своемъ; но ты — ты плачешь о
судбѣ

325 Эдипа! или ты предъ прочими
Облагодѣтельствованъ былъ?

С Т А Р Е Ц Ъ.

Царевна!

Царевна добрая! я болѣ — болѣ
Зналъ своего отца, чѣмъ Фивяне —

330 И онъ того — то плачу. (вырази-
тельно)

Можетъ быть

Эдипъ не здѣлалсябъ преступникомъ
Прошивъ боговъ и человековъ, есиль-
либъ

Я — я несчастный старецъ къ сожалѣнію
Судьбы его — не проложилъ пути.

АНТИГОНА.

Старикъ! ты говоришь загадку; я
335 Тебя совсѣмъ не понимаю.

С Т А Р Е Ц Ъ.

Ты

Поймешь ужасную загадку, и
Быть можешь на меня возрощень;
можешь
Быть проклянешъ меня — и эпо
будешь
Достоиню; — я виною былъ, что Царь
340 Эдипъ достигъ Оракулова предвѣ-
щанья;
Когдабъ не я — онъ не былъ бы су-
пругомъ
Локиссы; не родилъ свирѣпныхъ бы
Сыновъ; Небесный гнѣвъ насъ не по-
смигъ бы
Ужасной язвой, — и теперь бы Фивы
345 Цвѣли въ спокойствіи, какъ роза въ
Темнѣ;
— Я здѣлалъ все сіе.

АНТИГОНА.

Чудовище! (оступаетъ,
низидь, и смотритъ
на него съ дикимъ
недоумленіемъ)

Чудовище! все живо ты... злодѣй!

СТАРЕЦЪ.

Я — я. Но есльби бы не такъ —
по ты —

Имена, и весь Царскій Олвскій Дворъ
350 Не иудѣаь свѣта бы дневнаго. —!

АНТИГОНА.

Такъ ты —
Безчестный касветникъ...

СТАРЕЦЪ.

Моиъ стараньемъ
Вы воздухомъ дышите —

АНТИГОНА.

Пусть бы, пусть бы
Я не рождалась въ свѣтъ, пускай бы
Не видѣла тебя, свѣтила дней —
355 Тебя, свѣтила ночи; — пусть бы
Дождала вѣчно я иль утробѣ, какъ
Неразродившеся сѣмя внутри
Земли — чѣмъ видѣшь мать, онца
и бранишь
Въ ужасномъ бѣдствіи. —
Но икъъ — какъ могъ

360 Ты бѣдный, безпомощный старецъ,
все
Такъ здѣлашь? — я до сихъ поръ не
пойму тебя.

СТАРЕЦЪ.

Виною былъ я, по виною
Безвѣстной, — слушай — и (съ горестію)
суди!

Судьба —

Тольбъ естество гоня нещастна Кадма,
365 На чадѣхъ чадѣ его и внукахъ вну-
ковъ

Огнатики ярости изланиъ желала —
И Лагъ онѣ Фѣа получнаъ, что
сынѣ

Его, саниродный сынѣ лишниъ
Преснола, живни, чести — и взо-
шедѣ

370 Из братно ложе матери, своей
Лукаси — ей родниъ дѣшей. — Ся
Уласна вѣсьи сразила Лагъ — и
Онѣ повелѣаь новорожденнаго
Казнишь; — но мать Лукаси, не
шерпя

375 Текущей видѣшь крови, поручила
Надеждну вѣшу убинъ его, — а сей,
жалки

Младенца кровь пролишь — повѣнаъ
На вѣльви дуба: „онѣ и такъ умрѣшь,
Сказалъ онѣ, и не вномя воплямъ

380 Младенца — удалился. — Видишьаь,
Какъ все усироенно коварноаь

Судьбою? — Тунь она
 Управила мой стонъ; — ища
 385 Заблуднаго ягнѣдка, я нашелъ
 Младенца въ самомъ горькомъ по-
 доженнѣ.
 Умилосердилася — и взяла къ себѣ.
 Тамъ грудью оубо жены моей питалася,
 И росъ къ груди своей, супружней
 390 И всѣхъ всѣхъ; но я не виноватъ —
 Я пастырь, и не зналъ безвѣній Цар-
 скихъ.

АНТИГОНА.

Итъ, доброй и великодушной Сив-
 рецѣ!
 Не виноватъ ны — дай мнѣ руку,
 Сядемъ мы слезы и молвы
 395 Къ богамъ, да пощадишь невиннаго —
 Небаснаго Эдипа.

И С М Е И А (которая до
 сихъ поръ не занималась
 сестрою своимъ Лаодицею
 Сивидою.)

АНТИГОНА.

Смотрише, ужь ссѣхался ряды, и
 обща
 Наснала. Боги, какъ ужасно!

АНТИГОНА.

Ахъ,

Имена! удалимся — не могу
 400 Смотрѣть на братню кровь.

И С М Е И А.

Ступай, а я

Останусь. —

АНТИГОНА.

Старецъ! ны годилъ Эдипа
 На помочахъ — теперь ны дочери его
 Поможешь — ахъ! сойдемъ, сойдемъ.
 Удаленъ!
 (звучъ трубъ и ликарь.)

СТАРЕЦЪ (подаетъ ей
 руку)

Пойдемъ, Царевна! удалимся; ны,
 405 Въ высокомъ сидя шедемъ съ супругой
 Кронеа, Беридикой, можемъ видѣшь
 Ужасное сраженіе братьевъ. — —
 (уводитъ Антигону)

А.

ХОРЪ.

О ны, всхохотый Гривовертецъ!
 Селевъ, и весь Олимпъ!
 410 — — — Пзасиде благити
 На чедъ Кадмейскихъ! — Ахъ!
 Мы дамо на крви — но дайте, дайте
 Намъ выкъ улитнушея.
 Мы и ешо крви адемъ,
 Мы виденно дилъ гуондъ —
 415 — — — И нши гавву,
 Какъ повзечены и шѣви
 Младого дуба,
 Въ нши валашея, —
 Безъ помощи оидъ,

- 420 — — Безъ пропитанья жень,
Ихъ груди выдохав,
Иша млеки младенцы,
Шлошъ ихъ слезы:
Умилосердись!
425 — — Даруйте снау возмѣ,
Да полемушъ Аргоидовъ,
Да перемѣтъ Агиритовъ
И прахъ ихъ въ полямъ Онейскимъ
Развѣюшъ вихремъ.
(Хоръ идетъ на стѣну.)

С Ц Е Н А II.

1.

Х О Р Ъ (на стѣнѣ.)

- 430 Кипо видѣтъ, кѣмъ воздушный стволѣ
На морѣ сноя волны лавинѣ
Винномъ подѣмелѣмъ враню безду,
И пѣну хлещетъ въ облакъмъ —
Такъ Агиритовъ смѣ,
435 Изъ думу вродилѣмъ изгнанный,
Съ дружиною своею ходилъ
Въ пустыняхъ древня Елада,
И гдѣ шевель Онейски грады.
Тѣмъ пынды Оней черномъ,
440 Тамъ была стени испроханы —
Бера ги хищныхъ вѣхъ зѣрей,
Сражался онъ со львами,
Сражался онъ съ людьми;
И наконецъ достигнулъ
445 Беснѣи львовъ,
Тогда полемны бѣги,
Велюя славы мужа,
Дохнулъ адошъ —
И Марсиа родилася.

- 450 Онъ цѣлой лѣсѣ окинулъ
Чешуйчатымъ хвостомъ, —
И раменами двигалъ
Ушесы и скады.
Кавъ буйныхъ вѣтровъ вен —
455 Таковъ его былъ смѣшъ;
Кавъ ярый пламень рданный —
Таковъ огонь очей.
Беснѣя рыдала,
Заципила прося;
460 Ея услышалъ сноны
Сюда прибавшій Кадмъ.
„Кипо можешъ смѣшь со змѣемъ?
„Кипо змѣя побѣдитъ?
Гласила слава снаурымъ,
465 И Кадмъ цощелъ къ нему.
Кочье его казалось
Игранною сосной;
Онъ шелъ къ цещерѣ змѣя,
И хвосты пыли подъ плачой! —
470 Почулъ свою годну
Неборимый змѣя;
Онъ ядъ издалъ рѣкою,
Глазами ясть праву.
Трикрны Кадмъ подвинулъ
475 Конемъ вокругъ гави;
И въ насъ его кровану
Сипремилельно воцналъ.
Тогда изъ члѣстней подерныхъ
Небесный слышалъ гласъ:
480 „Возьми ны паугъ замѣшай
И землю изори;
Возьми ны зубы змѣя,
И ныи адскъ засей. „
Тунъ изалъ онъ паугъ замѣшай,
485 И землю изорадъ;
Испорнулъ зубы змѣя,
Засѣадъ ныи гавинъ.

Мгновенно изъ утробы
 Хладный туман
 490 Родился мужи склыны,
 И е шине броней;
 Они ратнаны бранью,
 Словом бранью ивѣ —
 — То въ ан, ивъ попомки,
 495 О д вене вѣ бачъ?
 Тоскелнны, Оуейны —
 Ивѣ в ма кадмъ шенерь —
 Зданю ило ом
 Невидимо шрншъ; —
 500 Онъ же мѣ онъ вавъ героисва
 И мужестна вѣ сей чашъ; —
 Селларисъ, чуда Оианъ! —
 Срашше Артиванъ!
 505 Онъ же мѣ сѣ вѣ взывасмъ,
 И сонны мазерей.

2.

АНТИГОНА и ПОЛИВЪ (при-
 ходитъ на площадь.)

АНТИГОНА.

Какъ въсшанъ Агнцовѣпы иденъ —
 идешь
 къ Поливку?

ПОЛИВЪ.

Иду, иду! я дни свои
 Ошважу для него. Онъ здѣсь най-
 детъ
 (подвизинковъ своихъ. — Сюда-то я
 510 Препровожу его. Въ черногахъ Цар-
 скихъ

Постигнетъ Этеокла онъ, и Оны
 Престанутъ кровь шочншь!

АНТИГОНА.

Ахъ! ивѣ; Поливъ!
 Не выводи его оншуда; пусть идешь
 Онъ самъ своей судьбой; она его
 515 Пущеводилель. Бешли онъ идешь
 На бншв, шо попомешво скаженъ:
 „Онъ
 „Героемъ умеръ — не разбойникомъ.“

ПОЛИВЪ.

Но мнѣ хонблосъ, Антигона, мнѣ
 Хонблосъ разв его увидѣнь, и
 520 Закрошь глаза, ужъ ушружденные
 Кровавымъ зрѣнцемъ. — На мѣсно
 Эднн — я его благословилъ бы —
 И сѣ раджсню онца ишдакадъ на
 Грудн его. —

АНТИГОНА.

Ступай! ступай! но шолько
 525 Не проводи его; — скажи ему, что я —
 Его сесира, рыднн обѣ его
 Судьбъ; — что я не знаю ни часа
 Покойнаго. — Скажи, ошай, что я —
 Сшрадаю всякой день о бранѣ
 530 Поливкѣ — и ешлай онъ хонъ
 слезу

Продлеши объ Антигону — эта вѣсть
Мнѣ будетъ вождельна.

Х О Р Ъ (на стѣнѣ).

535 Погибель, вѣчная погибель!
Сверьный грозный рокъ —
Сразилъ тебя, Эмонъ!

АНТИГОНА (съ ужасомъ).

Царь небесъ!
Эмонъ! — ужасно! ахъ! почто, по-
что
Разишь ны одного однимъ ударомъ?

Х О Р Ъ:

540 Рыдайте Эвны, плачьте, плачьте!
Креоновъ домъ рыдай!
Онъ палъ, какъ юный дубъ
Валился подъ секирой.

АНТИГОНА.

Пойдемъ, старикъ! пойдемъ въ чер-
тоги!
Ты опшведешь меня — я силъ лишуюсь.

Х О Р Ъ.

545 Рыдай, Царева дщерь, рыдай!
Женихъ твой палъ! — погибель!
Погибель вѣчная, сверьный рокъ!
Сразилъ тебя, Эмонъ!

П О Л Н В Ъ (поддерживая Антигону.)

О горе, горе, горе Эвнамъ! — палъ
Герой; — Креону горе — сынъ сра-
жеиъ!
550 Но кто опишетъ грусть твою, Царе-
вна! —
Ты въ немъ ливилась жениха? Опецъ
Небесъ! глава безсмертныхъ! скоро ль,
скоро ль
Заплашашъ Эвны дань? (убождаетъ Антигону.)

Х О Р Ъ (бѣжитъ со стѣны съ ужасомъ.)

Бѣгите, Эвнине,
555 Онъ Эвнскихъ синъ!
Сираишесь, Эвнине,
Эвнскихъ чадъ! —
Разбиты, пропаны —
И кровью окроплены —
560 Вы въ Эвны вломитесь
Безъ колеи и безъ племей.
(на площади.)

Безъ махери, ошда,
Безъ хиланы, покрова, —
Безъ шаши, безъ одежды —
565 Изрубасиъ, изувачиъ,
Покрышииъ рубищемъ,
Покрышииъ пылью, пономъ,
Придешиъ Эвскій рашникъ
Ко градамъ чуждымъ; — шамо
570 — вроншениъ подруки;
И голозомъ смущенимъ,
Ванекшимся языкомъ,

Гостепрѣимства
Почтенья у врагъ!

575 „Сражался я за Фивы,
И славу получалъ!..
Онъ скажетъ, возрыдаетъ
Фивейскій рашникъ: бога!

4.

КРЕОНЪ. (*сидѣвъ на
площадѣ; за нимъ Борисъ
идетъ лавкой руки. Крѣонъ
въ смирѣ.*)

Остановите мать, остановите!

580 Она не выдержитъ явленья; — гдѣ
отецъ

Спрадаетъ, мучинся — но плачь
мать

Задокнется онъ стеновъ. — Рашники!
Остановите мать!

(*Стражи останавливаютъ Борисъ
дику насильно — уводятъ съ
площадки.*)

Но гдѣ, гдѣ онъ?

Гдѣ шруиъ; бездушный шруиъ не-
двѣшного

585 Дмона? гдѣ сей гордый, благородный;
Великій юноша? гдѣ мой венецъ?
Моя гдѣ радость?

Архиваннѣ запреть его воню —
И даникъ въземлетъ нашей скорби. —

Но гдѣ онъ, гдѣ?

(*Нѣсколько сонноиъ вносятъ Дмона
на щитахъ. Двоиъ смотритъ Кре-
онъ, не говоря ни слова.*)

590 — — — Такъ это ты, Дмонъ?

Но гдѣ дѣвалась живость, гдѣ про-
ворство,

Гдѣ сила мышцы сей?

(*Легко беретъ его за руку, и вдругъ
опускаетъ съ легкимъ содроганіемъ.*)

Увялъ — и не

Распустился, не разцвѣиетъ цвѣ-
шокъ!

(*холоднокровно*)

Быть такъ! — онъ палъ за Фивы —
за народъ;

Онъ мертвъ — и мы умремъ по-
добно; —

595 Онъ раиъ меривъ — онъ воинъ, такъ
и быть! —

По крайней мѣрѣ щитъ его? гдѣ
щитъ?

Онъ не исколотъ? гдѣ?

В О И Н Ъ.

Онъ въ головахъ его.

КРЕОНЪ.

Онъ спитъ на немъ... о! такъ спать

Пріятнѣй, сладостнѣй, чѣмъ спать

600 На ложахъ ибжномягкихъ. — —

(*молчаніе*)

Но кто его сразилъ? кто могъ?

В О И Н Ъ.

Эдиповъ сынъ! Полинникъ.

К Р Е О Н Ъ.

Какъ! Полинникъ?

Полинникъ?

В О И Н Ъ.

Собственной своею рукою.

К Р Е О Н Ъ *(съ яростию)*.

605 О! это превосходитъ все понятье!
Снокосиъ былъ я — думая, что врагъ
Сразилъ Эмона; но шерерь — шерерь
Клокочешъ шаршаръ въ сей груди. —
Врагъ можешъ
Сразить — и эта смерть прелестна
для Героя.

610 Нопастъ буншовщикомъ, пасиъ извер-
гомъ,
Дерзнувшимъ спастъ прошивъ ошече-
свива —

Пастъ опъ Полинника — и больно и
Безчестно. — О друзья мои! повѣрьте,
Повѣрьте вопаямъ — я ошецъ, — но я

615 И гражданинъ, — повѣрьте — посмо-
трише

На грудь его — и на широку рану:
Она получена опъ хищника; —
На кровь запекшуюсь: она пролила
Опъ хищника. — Не ужъ ли вы еще

620 Не чувствуете, Оивяне, обиды?
Неужъ ли вы позволите лишь кровь —
Кѣмъ — кѣмъ? убійцей возмущите-
лемъ?

О! нѣтъ, друзья мои! нѣтъ! нѣтъ!
да не

Смѣюся намъ враги, да не поносяшъ
625 Насъ слабыми дѣшми, или женами,
Что только вопдемъ и слезами
мстятъ!

Да не спенаютъ пѣни предковъ на-
шихъ;

Услыша нашу слабость. Оивяне!
Пойдемъ, пойдемъ за спѣны, — и
я самъ —

630 Я самъ начальникъ вашъ. — Воспо-
мни,
Вспомни всякъ о сынѣ, другѣ, бра-
тѣ; —

Они всѣ имъ же сражены. — Воспо-
мни,

Вспомни сирмхъ женъ и машерей;
Вспомни слезы ихъ и воли и

635 Спраданья — и сшупай за спѣны!

В О И Н Ъ.

Куда спѣшишь, Креонъ? уже мы
збишы;

Распоргнушы ряды; — побѣда на
Аргивской споронѣ.

КРЕОНЪ (стоитъ въ
изступленіи, по томъ
съ яростію мстительно
мечъ.)

Пойдемъ, пойдемъ! мечемъ —
Я симъ мечемъ возснлаю бипву, при-
веду
640 Ряды въ порядокъ. — Тынь Эмона —
нѣнь
Грозящая опмщенемъ намъ предъ-
идешъ.
Пойдемъ! — (спѣшитъ, но за стѣнами
слышны вопли, в Этеоклѣ врывается;
за нимъ разбитое войско. — Долгое мол-
чаніе на площади. Крелъ вонзаетъ мечъ
въ землю.)

5.

Прежніе и ЭТЕОКЛЪ.

КРЕОНЪ.

Опять? о Этеоклѣ! онять?

ЭТЕОКЛЪ.

Опять свирѣпы божества, онять на-
слали
Бѣду Оивейцамъ! — — (береть его въ
руку)
О Креонъ, мой дядя!
645 Воззри на блѣдный сына шрунь...
онъ палъ

И кровью окропилъ Аргивскіе
Доспѣхи! — Креоновъ сынъ склонилъ
свои

Вѣсы — Оивейцы пали!

КРЕОНЪ.

Пали — и
Ужь больше не воспанушъ (беретъ
за руку.)
Этеоклѣ!
650 Падемъ и мы — и пакн не воспан-
немъ.
Не будемъ чувствивать себя — пока
бичи
Подземной мстительницы дѣлъ
Народныхъ не докажушъ намъ, что
мы
Живемъ — хошя не здѣсь; и чув-
ствуемъ —
655 Хошя не будемъ чувствивать другаго,
Кромъ ея ужасныхъ испязайнй.

ЭТЕОКЛЪ.

За что? за что свирѣпый паршаръ
мстншь
Желаешъ, коль на насъ Олимпъ
Царь
Пуцаешъ бѣдствій громъ? — Опдай,
опдай — Онъ

660 Свой дремлющій перуиъ: увидитъ,
 Какъ смершныи поразишь безсмерт-
 ныхъ сихъ
 Слабцовъ, которые, на тронъ сядя,
 Владыишь скинпроиъ, какъ слабой
 младенецъ
 Смершльною сирълой. —

КРЕОНЪ.

Племяникъ! вспомни —
 665 Ты средъ народной площади; народъ
 Есть ушверждение Царскихъ про-
 новъ, и
 Небесныхъ олшарей; — а мшине
 Его — хоня бы было заблужденъе —
 Ешь Гейи охраняющш покой,
 670 Подпора пышныхъ, Олимпшйскихъ
 храмовъ.
 Кто хочешъ быть на тронъ швердъ —
 поставъ
 Его на общемъ заблужденш,
 И суевъремъ укрьли. —

ВОННЪ.

Креонъ!
 Смотри — сюда слышишь швоя су-
 пруга —
 675 Сокройше шрупъ. —

КРЕОНЪ.

Эвейцы! унесише
 Изъ гавъ моихъ его; — спупай-
 те — и

Поставъте въ храмъ Весты — и ку-
 рше
 Всегдащшй онмтамъ — доколъ не
 Предамъ его огню — спупайше!
 (Воннъ подниматъ шрупъ.)

ХОРЪ.

680 Проникнешъ кто Твои суды,
 О Вечный! кто дерзнетъ
 Испышывать Тебъ? — Давно ли
 Креиновъ новый сынъ,
 Гордась величешномъ, красою —
 685 — — Какъ мирш двшущшй
 Склоняется на пушшней розъ: —
 Такъ ошъ склонялся
 Къ бшощемуся сердцу
 Прекрасной Дишгоны.
 690 — — Теперь омышшй кровью
 Лежишь на окровавленномъ шитъ,
 Какъ шуча громовая на
 Вавръощей луш;
 И факелъ брашшй —
 695 И брашшю доле —
 И брашшны швещи —
 Все дымомъ уленило.

6.

ЕВРИДИКА (объяснъ).

Остановитесь — ахъ! остановитесь —
 И опуститше шрупъ, и опуститше
 700 Сей шрупъ. — Куда несете? гдъ
 сокройше
 Вы можете ошъ взоровъ матерныхъ? —

- Да будешь проклять швой убійца —
сынъ!
- Да будешь проклять кровь швою
пролившій —
- Да будешь проклять!! — да падутъ
несчастья
- 705 На злополучную главу его,
Какъ градъ небеснаго убійства... о!
Да обратишься воздухъ въ ядъ — и
кровь
Имъ пролиная въ адски рѣки! — да
Почувствуешь онъ судороги спрашны
- 710 На смернномъ ложь! — да не будешь
Руки, могущей поддержать главу
Его, помящуюся адомъ смернии; —
Языка — чинобы могъ его уцѣлишь! —
Пускай живешь онъ — и живешь
пусть вѣчно
- 715 Такою жизнью! (*эдираетъ покрывало
съ Эмони, и въ изступленіи
отступаетъ.*)
Такъ! въ немъ крови иѣтъ
Ни капли — и холодно сердце! —
(*прикладываетъ руку къ сердцу —
и съ недоумѣніемъ радости.*)
Боги!
Креонъ! — въ немъ есиъ жизнь —
сердце бьется —
Смотри — смотри — онъ онворилъ
глаза,
Изъ ранъ пусшилаась кровь — онъ
живъ — онъ живъ!
(*падаетъ на трупъ съ воплемъ.*)

КРЕОНЪ.

- 720 Возмите, воины — и опнесите
Въ храмъ сына Фебова; — препору-
чите
Сей трупъ жрецамъ; — быть можете,
что сненанье
И вопли мащери проникли своды
Олимпа. —
(*Воины поднимаютъ трупъ
и уносятъ.*)

ЕВРИДИКА.

- Я сама иду во храмъ —
- 725 Сама я буду при одрѣ его —
Я буду раны перевязывать —
А мащернее сердце лучшимъ можетъ
Быть исцѣлицелемъ. — (*уходитъ*)

7.

(*Безъ Евридики*)

ХОРЪ.

- Благодаренье Небесамъ!
730 Они кичавоси въ гробъ свергаютъ —
Изъ гроба крошится вызывающъ —
Благодаренье Небесамъ!
Сбйди съ лазури неба
На Эвксійя поля,
735 Священная Игел!
Сорви въ цѣлебныхъ рощахъ
Благоуханныхъ травъ:

- И чистою рукою
 Со щемъ ищемъ Богини
 740 Ихъ выжми сокъ,
 Въ глазахъ протыкаю огонь —
 Усна занекнётся — болабъ
 Не дышуишь радостью; —
 Завяла нераспусившийся цвѣтокъ,
 745 И смерть, предъставъ у ногъ,
 Крыломъ своимъ поашебнымъ
 Водъзи навѣваешь
 На надниго Эмона. —
 Сойди, сойди съ Олимпа;
 750 И вѣнъею оливию
 Коснись его щекамъ!
 Румянецъ чувствва разольется,
 Забьется жизнью сердце.

ЭТЕОКЛАЪ.

- Довольно пролило Фивейской крови — и
 755 Конца не видно. — Извергъ прекло-
 нилъ
 Судьбу — и Фивы перяишь горе.
 Фивейцы! днесъ снимаю я вѣнъею
 И Царску дѣадику; днесъ снимаю
 Царево украшенье; все — все кровью
 760 Обрызгано. Довольно! коль Судьба
 Угодно, чшобъ я палъ, — чшобъ
 Этеоклаъ,
 Эдиповъ первородный сынъ — палъ
 въ полъ
 Онъ братскія руки — скоръи, —
 скорбе
 Свершу мою судьбу. — Пойду, пойду —

- 765 И буду биться до послѣдней капли
 крови.
 Креонъ! я объявляю поединокъ.

КРЕОНЪ.

- Къ чему, о Этеоклаъ! къ чему ты
 хочешь
 Ошважишь жизнь, коль въ Фивахъ
 еси горен,
 Которые гошовы за Царя
 770 На полъ бившвы насъ? —

ХОРЪ.

- Встанемъ, вооружимся!
 Пойдемъ на поле смерти,
 Съ славою побѣдимъ!
 775 Но ешван пакъ угодно
 Свирѣнымъ дочерямъ Орка,
 Чшобъ Фивы вѣнъею пали —
 Повергались въ прахъ —
 Падемъ! падемъ!
 Повергнемся во прахъ!
 780 Пусть гордый воземъется
 Надъ гробомъ наднихъ Фивъ; —
 Онъ самъ когда либо падетъ —
 И внуки нашихъ внуковъ
 Презршисально попруишь
 785 Развалины Аргоса.

ЭТЕОКЛАЪ.

- Нѣтъ, Фивяне! нѣтъ! нѣтъ! рѣ-
 шился,
 Рѣшился я — и буду непреклоненъ.

Правнуки его

- Чшупиъ память Кадмову слезами
 И кровью сограждани! — Виновенъ ли —
 Виновенъ ли въ семъ я — когда свер-
 шаю
 830 Мою жестокою судьбу? — по лез-
 веямъ
 Сверкающихъ мечей ведешь она
 Меня; — бичи ея, свирьпыя
 Бичи ея женуиъ — и я — и я —
 Подобно робкому младенцу, падъ
 835 Нешвердымъ шѣмемъ коего гремитъ
 Перунъ, — у коего въ глазахъ пы-
 лаетъ
 Ошъ молній небо — я ему подобно
 Бѣгу — не зная самъ куда. — Же-
 спокій
 Сей день лишилъ меня друзей, — и
 кпо —
 840 Кпо виноватъ? кпо повелѣлъ Эдину
 Такъ царство раздѣлишь? кпо пове-
 лѣлъ,
 Чшобъ браншъ мой Эпеклъ, изгнавъ
 меня
 Изъ дому праощевъ — изъ собшвен-
 ныхъ
 Палашъ — меня принудилъ возвра-
 щать
 845 Крoвавою рукой свое наслѣдство?
 (молчаніе)
 Лашонниъ сынъ бросаетъ лучъ кро-
 вавый
 На Оивски стѣны, — Падшіе уже

- Оледвиѣли — и Крсоновъ сынъ
 Теперь въ селеняхъ предковъ. —
 Тамъ онъ будешь
 850 Всѣмъ возвѣщанъ мою жестокость; —
 тамъ
 Повергнешя предъ раздраженнымъ
 нашимъ
 Родителемъ; — покажешь раны на
 Грудь — и можешь бышь — Эдишь. о!
 върно
 Эдишь заплачетъ — коль возмогуиъ
 плакать
 855 Безплонны существа. — Родитель
 мой!
 Не ужь ли я — любимый сынъ — не
 ужь ли
 Преогорчу тебя въ селеняхъ вѣчно —
 Цвѣтущей радости? -- Не вѣрь, не
 вѣрь
 Эдишь, не вѣрь сему ты! — — —
 Какъ! не яль?
 860 Не яль сразилъ его? не яль омылъ
 Свой мечъ въ его крови — не яль сра-
 зилъ
 Эмона? — о родитель мой! спо-
 койся,
 Спокойся, шѣнь святая! я — въ по-
 слѣдній —
 Въ послѣдній разъ лилъ кровь! —
 Чшо мнѣ въ вѣщѣ,
 865 Коль каждый лисшъ омыиъ въ крови
 Оивейской?

Что въ дѣдимъ мнѣ, когда она
Соснавлена косными сраженныхъ стру-
новъ?

Что въ Царскомъ скиптрѣ мнѣ, когда
владышь имъ
Какъ пашь кинжаломъ буду? — Прочь!
прочь все!

870 Живи и царствуй, Эшеокль! Поли-
никъ
Тебя не воспревожись болѣ — цар-
ствуй!

2.

ПОЛНИКЪ и АДРАСТЪ.

А Д Р А С Т Ъ

Уже готово все — все! и какъ скоро
Взойдеиъ луна — мы снѣгобишныя
Велимиъ подвесить машины. — Изо-
щренны

875 И копья и мечи; — смущенные
Фивейцы узряиъ шучу надъ главою
Палубоносныхъ стрѣль. — (*береть его
за руку*)

Полникъ! завтра —
Надѣюсь — завтра — ты на Фив-
скомъ сидя шронъ,
Законъ Беонии подашь. — Но ны
880 Печаленъ, насмуренъ... Полникъ!
иль ны
Не побѣдншель? — Посмотри — Фив-
вейски

Должны и бугры Фивейской полны
Проливной крови, и въ ихъ черепахъ
Уже паруютъ хищныя враны. — Сынъ —
885 Иль ны не побѣдншель?

П О Л Н И К Ъ.

Царь Аргивскій!

Адрасиъ! шакъ! — побѣдншель —
шакъ —
Фивейцовъ я сразилъ — прогналъ, раз-
сыналъ —
Ихъ слышалъ вопли, слышалъ сто-
ны; — шакъ —
И раники швой меня вѣпчали
890 Лавровыми вѣнками; — шакъ! сра-
зналъ,

Сразилъ Эмона я — онъ палъ, и рашь
Твоя меня превознесла; — но, ахъ,
Адрасиъ! —

Печаленъ я; — я побѣдншель — пла-
чу: —
И ны — ны не повѣришь — въ эномъ
миъ —

895 Въ ужасный эпошъ мигъ, какъ всѣ
мою
Побѣду празднуюиъ, — къ Олимпу
шайонъ
Боганимъ жершвы, и какъ миъ вездѣ
Поюиъ побѣдны гиммы, — я — Ад-
растъ —
Ты не повѣришь — адъ буишуетъ въ
сердцѣ,

900 Клубится чорна грусть въ груди —
и я —
Охотите бѣ желалъ съ Фивейцами —
Съ разбитыми Фивейцами бѣжашъ,
Сшенашъ онъ рай, обалнися кровью и
Здохнухъ онъ пылаи — чѣмъ ше-
перь

905 Торжеспеовашъ побѣду.

А Д Р А С Т Ъ.

Сынъ Эдиповъ!

П О Л И Н И К Ъ.

О! не смощри такъ, не смощри,
Адрасиъ!
Великодушный спарецъ, Царь Аргив-
ский!
Не укоряй меня! ты самъ — ты
самъ
Бывъ мною — поже бѣ, поже здѣлалъ.

А Д Р А С Т Ъ.

Я

910 Тебя не понимаю.

П О Л И Н И К Ъ.

Царь Адрасиъ!
(съ жаромъ схватываетъ
его за руку.)

Когда я побѣдилъ?

А Д Р А С Т Ъ.

Фивейцовъ.

П О Л И Н И К Ъ.

А

Мой мечъ кого сразилъ, кого?

А Д Р А С Т Ъ.

Эмона.

П О Л И Н И К Ъ.

Такъ! такъ! Фивейцовъ я сразилъ —
они

Сообщичи мои — Адрасиъ, (пронутый)
Эмона

915 Сразилъ я — онъ мнѣ бранъ — мнѣ
бранъ. Теперь
(вырываетъ руку свою изъ
Адрасиовой руки.)

Теперь загадку знаешь — знаешь ты
внѣ

Моей печали — и — ты будешь упре-
кать?

А Д Р А С Т Ъ (обнимая его.)

Любезный юноша! такъ! такъ и буду
Грустить съ тобою; — ахъ! ты былъ бы

920 Великимъ человекомъ . . .

П О Л И Н И К Ъ.

Чиожъ мѣшаешъ?

2

А Д Р А С Т Ъ.

Вънецъ и Фивскій пронь. — Полин-
никъ! знай —
Что добрый Царь земнымъ бышь мо-
жешь богомъ.

П О Л И Н И К Ъ.

Повѣрь, Адрасиъ, повѣрь — не мы
одни

Прекрасныя мѣста Елизіумъ
925 Займемъ; повѣрь! покрытый руби-
щемъ —
Въ лѣсахъ живущій, въ пронастяхъ
бышь такъ же
Великимъ, добрымъ можешь. Скиѣ —
повѣрь —
Полунагой, зѣброобразный Скиѣ —
Сей варваръ предъ лицомъ Еллады
цѣлой,
930 Средь пронастей Кавказскихъ жив-
шій — шамъ
Тамъ — шамъ — за той спраню
Сникса — емѣшь
Съ Адраспомъ въиценокоснымъ ся-
дешь, и
Изъ кубка одного пить будешь
Веселья рая. — Царь, не оскорбись!

А Д Р А С Т Ъ.

935 Миѣ оскорбляешься? Принцъ! ты другъ
мой —
Мой сынъ — миѣ оскорбляешься? —
нѣтъ!

Съ охотой я твоюбъ рѣшимость при-
нялъ,
Велѣбъ бы опступилъ полкамъ Аргив-
скимъ, —
Но для тебя, для одного тебя
940 Сего не зѣлаю. — Хочу тебя
На пронъ Фивскомъ въ діадимъ ви-
дѣшь.

П О Л И Н И К Ъ.

Но ежели потомство — сей судья
Нелицемѣрный Царскихъ дѣлъ —
но еспьма
Потомство скажетъ: — былъ Поли-
никъ — и
945 Его вънецъ облишь былъ предковъ
кровью!
Сти ужасныя слова миѣ будущъ
Палящимъ Спиксомъ и Коцитомъ
спрашнымъ: —
Онъ сожгутъ мою всю виупиренность.

5.

Прежніе и СТРАЖЕНАЧАЛЬНИКЪ.

СТ РА Ж Е Н А Ч А Л Ь Н И К Ъ.

Аргивскій Государь! какой-то сна-
рецъ,
950 Изъ Фивъ сюда пришедшій, хочешь
видѣшь
Полиника — къ нему Посланникомъ
Онъ присланъ отъ Креона.

А Д Р А С Т Ъ.

Отъ Креона?

П О Л Н И К Ъ.

Отъ дяди?

СТРАЖЕНАЧ.

И отъ Этеокла.

П О Л Н И К Ъ.

Какъ!

Отъ брата Этеокла? — чтожь? вели

955 Предснать (Страженачальникъ уходитъ)

Чего они желаюшь?

А Д Р А С Т Ъ.

И

Чегобъ желашь могои!

4.

Прежитє и ПОЛИВЪ.

П О Л И В Ъ.

Поливкѣ! сынѣ!

(падаетъ къ ногамъ его.)

П О Л Н И К Ъ.

Любезный старецъ! какъ! еще тебя

Я вижу! какъ! Полива? (къ Локлосу)

Государь!

Ты видишь старца, — онѣ воспрянулъ

валъ

960 Эдипа — и моимъ былъ нѣкогда
Пушеводишелемъ. — Поливъ онѣ!

А Д Р А С Т Ъ.

Какъ!

Поливъ? — такъ ты нещастнаго
Эдипа

Онѣ смерти спасъ?

П О Л И В Ъ (со слезами.)

И былъ причиной

Люпѣйшихъ бѣдъ твоихъ. — (молчаніе)

П О Л Н И К Ъ (поднимая
его.)

Но за чѣмъ, за чѣмъ

965 Прислалъ себя Креонѣ и Этеоклѣ?
Ужель склонился сей гордецъ — и
хоченѣ . . .

П О Л И В Ъ.

Онѣ хоченѣ умереть — иль умер-
твить себя.

П О Л Н И К Ъ.

Меня?

А Д Р А С Т Ъ.

Поливка въ моемъ стану

Желаетъ Этеоклѣ?

П О Л И В Ъ.

Одинѣ желаетъ

970 Иль пасъ за всѣхъ — или сразить
тебя.Онѣ требуетъ Поливкѣ поединка.
(молчаніе.)

А Д Р А С Т Ъ.

Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! я не допущу,
 чѣмъ нѣтъ
 Такъ вѣрнѣе судьбѣ — одинъ тушъ
 -мигъ —

И нѣтъ тебя — я не позволю, всѣмъ,
 975 Всѣмъ воинствомъ сразимся; — и
 пусть сила,

Пусть храбрость, мужество людьми
 владѣетъ,

А не слѣпой лишь случай. Нѣтъ, По-
 линикъ...

П О Л И Н И К Ъ.

Кто брату мысль сію внушилъ? она
 Прекрасна! Фивяне досель дили
 980 Свою кровь, а теперь для нихъ и мы
 Прольемъ. — Адрастѣ! я принимаю
 Сей поединокъ — и сего дни...

П О Л И В Ъ.

Этеоклѣ
 Хотѣлъ сего дня бытъ на тронѣ,
 иль
 Во гробѣ. —

П О Л И Н И К Ъ.

Иль во гробѣ?

П О Л И В Ъ.

При стѣнахъ
 985 Фивейскихъ ждаль тебя онъ будетъ
 Съ Креономъ дядею — и частью
 стражи. —

Ты сподожь можешь взять съ со-
 бою — и
 Полинкѣ съ братомъ Этеокломъ
 спанешъ
 Оружьемъ проу рѣшить.

П О Л И Н И К Ъ.

Я буду — буду...

990 Сыны Эдиновы свою исполняютъ
 Жестокою судьбу. — Адрастѣ! поз-
 воль мнѣ,
 И повели принести богамъ богаты
 жерны;
 Быть можешъ я уже въ послѣдній
 разѣ

Силою своей ногою на земли;
 995 Бытъ можешъ, лѣна полуса, покрыта
 Рѣпейникомъ, крапивою — будетъ
 гробомъ

Полинку. (съ живостію)

Поливъ! любезный старецъ!
 Ты некогда благословлялъ Эдипа,
 Когда изъ хижины шивой идя
 1000 Къ властнымъ верхамъ Фивейскихъ
 мудрыхъ храмовъ,
 Онъ шелъ къ погибели тогда своей:
 Благослови меня — я самъ иду
 Къ погибели.

П О Л И В Ъ.

Зевесъ и весь Олимпъ!
 Благородище днесъ съ высотъ свя-
 ныхъ

1005 Возрѣть на мрачну землю и на
насъ!
Мы днесь приносимъ жериву —
чистую,
Не пучныхъ мы тельцовъ, не зла-
но, не
Богатство, — но сердечную покор-
носнѣ,
О боги! вамъ приносимъ. — (*Пол-
никъ становится на
колѣни.*)

Коль еще

1010 Хотя малѣйшее въ сей жизни для
меня

Оспалось щасіе, коль вы
Благоволите, чибѣ сей дряхлый
старецъ

Еще разъ въ жизни улыбнулся; коль
И для меня цвѣнетъ еще цвѣтокъ
1015 Въ прекрасномъ садѣ мащери Натуры,
И радость хощь одна гонима наснѣ
Ко мнѣ изъ рога вождельній; — все
Все опшмине вы — и дайте сыну
Эдина — онъ достоинъ — онъ до-
стоинъ!

1020 Восстанъ, восстанъ, мой сынъ! при-
жмись ко мнѣ,

Къ сему бѣющему сердцу; ахъ!
Оно и для Эдина было! — сынъ!
Прижмись къ груди сей; кѣней Эдинъ
прижавшись

Сказалъ: „родитель мой!“, „сынов-
ная

1025 Слеза запечала испинну — и я
Опеческой слезой опѣвшисвалъ.
Прижмись, Полникъ. (*Полникъ па-
даетъ съ его обѣщанія.*)
Такъ! на самая
Горячоснѣ, нѣжноснѣ, чувствѣ, —
кои все
Въ груди Эдиновой тогда клубилась.

ПОЛНИКЪ.

1030 Родитель!

ПОЛИВЪ.

Такъ! шовъ самой шовъ —
Полникъ — сынъ мой — сынъ —
О есилавѣ боги

Мнѣ дали умереть скорбе, я
Пришелъ бы во спраны Елизіумъ —
Я шамъ увидѣлъ бы Эдина, и

1035 Сказалъ: „опри слезу шовѣй про-
дшу

Для Эшеока! шовѣй Полникъ швѣ
Другой!“, и онъ бы улыбнулся; шавѣ!
И онъ бы улыбнулся.

ПОЛНИКЪ.

Ну! прости

Поливъ — прости, родитель! — и
спупай

1040 Въ градъ, и шамъ скажи Крону дядѣ
И брану Эшеока, что я ихъ

Здѣсь ожидаю, что — и умереть
И умершишь гоповъ — (закрываетъ
лице руками)
И умершишь!

П О Л И В Ъ.

Прости, Полинникъ, сынъ!

П О Л И Н И К Ъ.

Прости, родицель!

5

А Д Р А С Т Ъ, П О Л И Н И К Ъ.

А Д Р А С Т Ъ.

1.

1045 И такъ, Полинникъ —

П О Л И Н И К Ъ

Можетъ быть сего дни
Владѣетъ Фивами...

А Д Р А С Т Ъ.

И такъ, Полинникъ —

П О Л И Н И К Ъ.

Сего дня можетъ быть на полъ семъ
Предъ Фивскими стѣнами распро-
спрешся.

А Д Р А С Т Ъ.

О другъ мой! сынъ! ты видишь, самъ
ты видишь,

1050 Сколь можешь случай намъ повелѣ-
вашь!
Изъ червя на престолъ — и со пре-
стола
Свергаешь аномомъ. — Мой сынъ!
прошу
Тебя — меня, меня послушай!

П О Л И Н И К Ъ.

Богъ,

Мнѣ попустившій до сего дожить —
1055 Моею и шеперь рукой управитъ.

А Д Р А С Т Ъ.

Спраженчальникъ!

С Т Р А Ж Е Н А Ч. (сходитъ)

Государь!

А Д Р А С Т Ъ.

Поди,

И принеси мой щипъ, конь и мечь —
И лукъ съ колчаномъ спрѣль. —

С Т Р А Ж Е Н А Ч.

Внимаю (уходитъ).

А Д Р А С Т Ъ.

Теперь меня послушай, сынъ! въ
такихъ
1060 Опважныхъ случаяхъ всегда, какъ
можно,

- Ты хладнокровенъ буди; смотри, не
слишкомъ
Спѣши, но и не медли; — все ошибка,
И здѣсь она порокомъ будетъ спра-
шнымъ; —
О жизни дѣло. — — Не давай нару-
жнымъ
- 1065 Предметамъ развлекать себя; и крови
Сиремасные спальные опасно: — я —
Я самъ предметомъ былъ насмѣ-
шекъ, и
Ругательствъ, какъ мнѣ должно было
За спадосна шельцовъ, Эшольцами
- 1070 Украденныхъ, сражаться. Вы-
слушай!
Ужасенъ былъ герой, — отваженъ — и
Сиронинъ — и не было тогда гясей
Елаадъ мужа, кто бы съ нимъ воз-
могъ
Равнянсья въ мужесствѣ и силѣ; — я
- 1075 Ошважился. О Зевсѣ! управь моей
Рукой. „Сказалъ я, и пустилъ стрѣ-
лу.
Но, ахъ! стрѣла моя какъ въпрѣ мимо
Главы его со свискомъ пролетѣла.
Холоднокровно взялъ онъ лукъ, —
стрѣлу —
- 1080 Холоднокровно наложилъ — пустилъ
Холоднокровно — не, ахъ! я упалъ
Пронзенъ, своей залитъ кровью.
Такъ - по

Полникъ, дѣйствуетъ горячность! —
слушай
Опца и друга своего.

[СТРАЖЕНАЧ. (съ доспѣхами)

Здѣсь все.

А Д Р А С Т Ъ.

- 1085 Возьми Полникъ — и владѣй, какъ я
Владѣлъ имъ нѣкогда. — Сіе конье
Блаженной памяти родинель мой
Мнѣ подарилъ, когда я возмужалъ;
Онъ самъ сражался имъ — и не бы-
валъ
- 1090 Преодолилъ; всегда соперничьи
Доспѣхи опъ него въ ценахъ ле-
шѣли,
Хотя бѣ ихъ самъ Вулканъ закалы-
валъ
Въ Энейскихъ пронаспяхъ.
(Полникъ озялъ конье вытякаетъ
передъ собою; разбѣяность видна
на лицѣ его.)

А Д Р А С Т Ъ.

Да и сію
Стрѣлу; — и эшопъ чорный щитъ
Аспреевъ.

П О Л Н И К Ъ.

- 1095 Аспреевъ! — (отступаетъ съ недо-
умѣлемъ)

А Д Р А С Т Ъ.

Самой шовъ, которымъ онъ
Прикрывши грудь свою, — спрѣлою
сею

Пронзавъ ошцову грудь. Сно спрѣлоу
И самой Марсь не ошвращивъ сво-
имъ

Щипомъ семплицшовымъ. — Онъ се
1100 Въ крови ошцовой закадилъ. —

ПОЛНИКЪ (съ трепе-
томъ беретъ лунъ и стрѣлу, и
облакивается на конь; трагиче-
ское молчаніе).

А Д Р А С Т Ъ.

Полникъ!

Что здѣлалось съ тобой? или какая
Нечаянная слабость? —

ПОЛНИКЪ. (съ движе-
ніемъ.)

Слабость — слабость —

Спарикъ! нль не видишь ны, какъ
здѣсь —

Подъ эшѣмъ мѣднымъ нащыремъ
шрепещетъ

1105 Стальное сердце? — Ахъ, Адраси! сія
Нечаянная слабость не даешъ

И духъ перевести.

А Д Р А С Т Ъ.

Полникъ!

ПОЛНИКЪ (съ кроото-
стію).

Не думай ты, не думай, Государь!
Чпо я швои забылъ мнѣ завѣщанья;
1110 Нѣтъ, нѣтъ!

А Д Р А С Т Ъ.

Но онъ чего жъ такой въ тебѣ
Смященный духъ? — Робенокъ! —

ПОЛНИКЪ.

О!

Когда бъ и здѣсь я могъ явиться му-
жемъ,

И сѣдовать словамъ швоимъ, —
повѣрь —

Когда бъ двадцатилѣтній чело-
вѣкъ —

1115 Въ подобныхъ случаяхъ, ужасныхъ,
рѣдкихъ,

Когда бъ онъ въ шочности исполнилъ
могъ

Совѣтъ сѣдыя головы; — когда бы
Кипяща кровь огнями буйной Эшны,

Пешухнуть хладомъ швоея могла:

1120 Тогда, Адрасиъ, повѣрь, я сно-
нлъ бы

Коронъ и скиптровъ всей Еллады, —
Европы, всей вселенной; — нѣтъ! —

и по

И сто все мало; — и самъ Царь боговъ
 Не можешь иногда владѣшь собой;
 1125 Онъ въ ярости огнями добрыхъ,
 Намърясь злыхъ губишь; повѣрь,
 Адрасишь,
 Когда бѣ я и шеперь быль сноль же,
 какъ
 И ны, холоднокроветъ: — шо тогда
 Я сноль бы Зевесовыхъ гвицовъ —
 1130 НОЛИМІЙСКИХЪ пышныхъ храмовъ —
 (Подѣбъ Онескихъ стѣнъ полага-
 ются Этеокль и Кресиъ съ гвар-
 дією. Долго стоить Полиникъ —
 утремиетъ на нихъ глаза — по-
 томъ отворачивается съ горестію.)

А Д Р А С Т Ъ.

Что
 Съ тобой? ты плачешь?

П О Л И Н И К Ъ.

О когдабъ я могъ
 Хотя слезу пролишь — она бы мнѣ
 Снеящу облегчила грудь. — Те-
 перь
 Клубился шаршаръ въ ней, — и
 сонмы Фурій
 1135 Сосушь въ ней сердце — весь Ко-
 цинъ печешъ
 Въ моихъ волнуясь жилахъ. — Ахъ,
 когда бѣ
 Я могъ хотя слезу пролишь! —

А Д Р А С Т Ъ.

Но вотъ
 Герольдъ отъ брата.

П О Л И Н И К Ъ.

Какъ! онъ брата? — такъ
 Наспалъ шотъ часъ?

5.

ГѢЖЕ И ГЕРОЛЬДЪ.

Г Е Р О Л Ъ Д Ъ.

Кресиъ и Этеокль,
 1140 Владыка Фивскій, перебуешь, чтобъ
 ты,
 Аргивскій Повелитель, съ воинствомъ
 Своимъ сноль въ спану; — а
 шамъ —
 У Фивскихъ стѣнъ Кресиъ со стра-
 жею
 Одинъ стоять желаетъ. — Бранья
 здѣсь —
 1145 У Кадмовой гробницы бишься бу-
 душъ.

А Д Р А С Т Ъ.

Ступай, мы ожидаемъ. (Герольдъ
 уходитъ.)

ПОЛИНИКЪ.

Братья, братья!

Сказалъ онъ: такъ! однимъ опцомъ,
одноюМы маперью рождены — по ихъ
брачныйСвѣшильникъ — былъ свѣшильникъ
Фурій —1150 Ихъ брачны пѣсни были споны ада —
Нашъ первый дѣтскій плачь былъспрашнымъ визгомъ,
Кохорой и однимъ лишь отголос-комъ
Ихъ душу напаялъ боязнию, спра-хомъ;
И эпомъ отголосокъ былъ симво-1155 Градущихъ бѣдспвй. — Такъ, мы
братья — братья;Но нѣтъ подъ солнцемъ крови, коя бы
Горѣла большимъ отвращеньемъ
Одна къ другой.

А Д Р А С Т Ъ.

Оставимъ, все оставимъ!

Намъ время дорого. Страженачаль-

никъ!

СТРАЖЕНА Ч. (приходитъ).

1160 Что повелишь?

А Д Р А С Т Ъ.

Скажи Амфіарая,

Верховному Жрецу, чтобъ онъ сей
часъЗевесу дань принесъ богату; чтобъ
Просперъ молебъ къ Олимпу завсѣхъ насъ,
Да мощная его рука спасетъ1165 Адраспа и Полиника. — Спупай!
(Страженачальникъ уходитъ)Проспи, Полиникъ! — обними
меняЕще однажды; — и сію слезу,
Висящу на нивихъ рѣсницахъ —Князь —
Пролей на грудь мою! (обнимаются)

Просни!

ПОЛИНИКЪ (съ отчаяніемъ.)

Просни!

1170 Родитель! (Адраспъ съ горестію ух-

одитъ въ станъ Полиникъ
съ бѣшенствомъ подбѣгаетъ
къ гробницѣ Кадмовай.)

Кадма шѣнь! священная

Родоначальника Фивейска шѣнь! —
Не ужь ли ты меня осудишь? —

ахъ!

Не ужь ли на меня произнесешь
Твое проклятіе? — Умилосердись —

1175 Умилосердись надъ несчастнымъ сы-

номъ

- Данпа, — онъ спрадаешъ, — го-
решно
Спрадаешъ — иѣтъ языка, чтобы
могъ
Его ушѣшнть (падетъ на колѣни.)
Царь небесъ! — о Сила
Всего живущаго! Ты вѣдалъ въ насъ
чувство —
1180 Святое чувство бытія! — воззри —
Воззри на злого червя, Тобою
Созданнаго; — онъ ищетъ цвѣту на
Снебѣ; всползаешъ — и живешъ
спокойно.
Пославъ противъ него шершую
1185 Игу — коснешъ — и онъ сгибаешся;
Досадуешъ, что мы его блаженству
Мѣшаемъ. — И въ безкровномъ серд-
цѣ, и
Подъ хладною насѣчкою, въ груди
Сподъ малой, чувство есть — по-
яль —
1190 Безчувственъ буду, коль во мнѣ
клаубится
Кипяща кровь и пламень въ жилахъ!
(оскакиваетъ)
И въ сей груди шрепететъ сердце
бытія,
И чувствуетъ — охъ! — чувствуетъ!
(Между тѣмъ Этеоклъ приближает-
ся и остипивляется въ иѣжова-
ромъ охладеніи Полицкъ уска-
киваетъ его съ шрепетомъ осту-
паетъ. Долгое молчаніе.)

6.

ПОЛИНИКЪ и ЭТЕОКЛЪ.

ЭТЕОКЛЪ.

Полицкъ!

Уже заходитъ солнце . . .

ПОЛИНИКЪ (прислу-
пая къ нему.)

И завтра

- 1195 Съ красною новой возвратишся; — ты
Падешъ — и еѣки впрядгрядущіе
Не возвращашъ себя.
(вынимаетъ стрѣлу изъ колчана)

ЭТЕОКЛЪ.

Меня?

ПОЛИНИКЪ.

Одна

- Блуждающая тѣнь твоя со стономъ
На мѣстѣ лобномъ завывая,
1200 Попѣмкашъ возвѣшншъ, что такъ
гнѣшъ
Эдиновъ сынъ; — и отрокъ проходя
Съ смѣненнымъ сердцемъ скаженъ:
„Здѣсь погибъ
Братоубійца, — прона похитишель!“,
Рази меня! —

Оливцами — такъ пусть же и другою
 Эдиповъ сынъ падешъ со мною, —
 пусть
 Эдипу скажешь; „Сыновья твои
 1240 Падешъ по шерстамъ и пинювникамъ!
 П О Л И Н И К Ъ.

Оставь его, оставь въ покоѣ. —
 Э Т Е О К Л Ъ.

Пусть
 Онъ плачешъ обѣ обонхъ. —
 П О Л И Н И К Ъ.

Энеока!!

Прошу, оставь несчастнаго отца
 Въ покоѣ; — пусть живые мучаешя,
 1245 Терзающя, рѣдающя — мертвые
 Въ покоѣ должны бытъ. —
 Э Т Е О К Л Ъ.

И естли мстятъ
 Вить Тизифоны бѣднаго разинъ,
 Чшо онъ родилъ убійцу Энеока: —
 Такъ пусть удвояшя ея удары! —
 1250 Полникъ хочешъ бытъ убійцей —
 будешъ!

П О Л И Н И К Ъ (съ рѣши-
 мостію.)

Да покараешъ гнѣвъ меня Небесный,
 Когда я хощу слезу свою продлю.
 Родитель! такъ! прочь все — прочь
 скиндръ и власнѣ!
 Все окровавлено, омочено

1255 Слезами — и прокаяшя посятся
 Надъ прономъ и черногомъ. — Эне-
 ока!

Владѣй — (олагасишь стрѣлу въ кол-
 чанѣ.)

Владѣй, и на себя прими
 Всѣ бѣдеша и прокаяшя — я не
 буду
 Ударовъ умножашъ Эдипу.

Э Т Е О К Л Ъ.

Какъ!

1260 Ты хочешъ ошказашся онъ пре-
 емола?

П О Л И Н И К Ъ.

Хочу, хочу, хочу! владѣй; и естли
 Ты лежа вѣкогда на ложѣ Тирскомъ
 О бранѣ вспомнишь — о! и непре-
 мѣнно

Ты должешъ вспомнишь: — по мои
 прокаяшя,

1265 Прокаяшя гражданъ на тебя обру-
 шашъ,

Гесенскою горой тебя покроюшъ!
 Вздохнушъ захочешъ — ны захо-
 чешъ плаканъ —

Но ни одна слеза — и ни одинъ
 Не облегчешъ вздохъ груди моея.

1270 Какъ жабы ядовитыя — мои
 Слова вонюшя къ сердцу моему;
 Кровь будешъ нить — а лѣв рас-
 нустяшъ въ жилахъ; —

Ты ложе будешь честь иглами, и
Объявляя заболанной супруги —
1275 Почтешь объявляя Тизифоны. —
Владѣй Оивейцами, и радуясь
Побѣдѣ.

ЭТЕОКЛАЪ.

Такъ прощай! спупай въ свой
Аргосъ —
Пчсть легковѣрный старецъ, Царь
Аргивскій,
Тебѣ хопь все владѣніе ондаситъ: —
(молчаніе)
1280 Такъ пощю! — (съ простию) при-
деишь время, и когда
Увидишь онъ, что я или съ врагами
Въ войнѣ и развлеченъ — или въ
болѣзни: —
Похоченъ онъ тогда печаянно —
Какъ шашъ навасишь (хохочетъ, бьетъ
его по плечу.
Поланикъ! шы Поланикъ,
1285 Не шакъ ли?

ПОЛНИКЪ.

Брань!

ЭТЕОКЛАЪ.

Или червей придворныхъ
Боганствомъ осаднишь — чтообъ я —
чтообъ я —
Онъ яду палъ? — не съ шѣмъ ли?
о! клянусь

Зевесовымъ перуномъ — умыселъ
Твой — я постигнулъ.

ПОЛНИКЪ.

Брань!

ЭТЕОКЛАЪ.

И наконецъ —

1290 Взощедъ на Оивскій шронъ, моихъ
дѣшеи
Сковать дѣпами, — вестъ въ шріум-
фѣ, и
Рабами здѣлать? (беретъ его за руку.)
Брань! оиашъ шы выкъ
Сирѣлу — и пущь шенерь у каж-
даго
Сомнѣнья все пчезнуишь — одному
1295 Надежишь умереть!

ПОЛНИКЪ.

Эдиновъ сынъ!

Не ужъ ли шакъ спокоеишь шы шенерь?
Не ужъ ли шы въ груди не чув-
ствуешь
Того мученья, шой боръбы, шого
огня —
Гсенскаго огия . . .

ЭТЕОКЛАЪ.

Преступникъ шолько

1300 Все чувствуешь сіе! его судья —
Гласишь ему: „шы извертъ! и онъ
самъ —

Самъ чувствующъ вину свою; — и
Тѣмъ, какъ спокойна совѣсть оза-
Грудь праваго весельемъ — онъ ви-
маешъ: —

1305 „Злодѣй! пресупникъ!“, и прене-
щенъ —
(сѣ ругательствомъ)

И онъ пренещенъ! (Полникъ схва-
тываетъ лукъ съ прострѣю —
и слытъ ролесть.)

Э Т Е О К Л Ъ.

Онъ, исполнившись
Смятенія, стыда, кичавости —
желаетъ
Ошмстить — кому? себѣ; — хва-
титъ лукъ,
Но добрый, правосудный духъ его —
(холоднокрооно намл-
гаетъ лукъ)

2310 Невидимой рукою испоргаетъ
Сей лукъ изъ рукъ его.

П О Л Н И К Ъ.

Онвейцовъ свѣтъ!
Лашонинъ щедрый сынъ! прости,
Бышь можешь — твоей послѣдней
Омою —
лучь въ крови

Э Т Е О К Л Ъ.

Можешь бышь!
(Оба другъ пускаютъ стрѣлы —
и Этеоклъ падаетъ.)

Э Т Е О К Л Ъ.

Злодѣй! злодѣй!
1315 Злодѣй! охъ! охъ!
(захватываетъ рану рукою.)

П О Л Н И К Ъ. (Долго сто-
итъ въ безумствениости — потомъ
бросаетъ лукъ далеко и кидается
къ Этеоклу.)

Братъ! братъ! прости — не мнѣ —
Прости судьбѣ, о Этеоклъ — судьбѣ!
Мой злобный духъ моею рукою пра-
видъ —
(Адратъ изъ стану идетъ со
стражето одали.)

Э Т Е О К Л Ъ.

Прости, братъ! — и владѣй Онвей-
цами.
(Протягиваетъ къ нему руку.)
Забудь несчастнаго гонимеля —
1320 Ужасно онъ наказанъ!

П О Л Н И К Ъ (сѣ отчая-
ннъ бросается на тѣло его.)

Братъ! постой!
Или возьми меня! —

ЭТЕОКЛАЪ (прокинул его
кинжаломъ).

Слунай! слунай! (внимаетъ
кинжалъ и далеко бросаетъ)

ПОЛНИКЪ (вскочилъ —
трясется.)

Я умираю... боги! побѣдился
Я умираю! — братъ! по крайней —
По крайней мѣрѣ дай мнѣ руку —
обними

1325 Меня — и мы умремъ по брашски.
Дай

Мнѣ руку, Этеоклаъ — я свѣта болѣ
Не вижу; — ужасъ, пренесъ, спра-
щивая

Конвульсии меня шерзаютъ; — я
Паду... земля кружится подо мною;
1330 Не ужь ли это значить умереть?
По крайней мѣрѣ дай мнѣ руку, братъ!
И обними меня. —

ЭТЕОКЛАЪ (полуокосте-
нѣлою рукою отталкивая его).

Прочь, прочь, злодѣй!
Мы тамъ — предъ нелицеприятнымъ
взоромъ

Владыки шаршара разсудимъ прию
1335 Свою; — прочь, прочь! (умираетъ.)

ПОЛНИКЪ.

Не осуди его —
Не осуди, правыйшій изъ Судей! —

Прости все, все проспи, — Адрастѣ,
родился.

И Антигона — все, все! — — (уми-
раетъ)

7.

АДРАСТЪ (съ гвардіею
прибѣгаетъ, и падаетъ съ во-
нзломъ на трупъ Полника.)

Сынъ! Полникъ!

Ты мертвъ уже! — за чѣмъ, за
чѣмъ я самъ

1340 Тебѣ дозволилъ поединокъ? (пла-
четъ)

8.

КРЕОНЪ (стремительно
оббѣгаетъ съ гвардіею, долго
смотритъ холодною кровью на
трупъ Принцовъ, потомъ
обозначивается къ одному
воину.)

Мертвъ

И Этеоклаъ? —

ВОИНЪ (поднимая
трупъ).

Онъ хладенъ, и вся кровь
Изъ жилъ его ушла: — какъ ледъ —
КРЕОНЪ.

Возьмите

Его — и опнесите въ Оивы, и
Пославъше въ храмъ; — завтра съ
честію,

1345 Приличною Царю, предамъ его
Огню — возьмише — *(нѣсколько со-
нозъ берутъ Энеокла
на цинизы и относятъ.)*

Царь Аргивскій! мы
Теперь бышь можемъ — не врага-
ми: вся
Войны причина съ нимъ повер-
жена; —
Оспавъ его — и еспъан хочешь ни
1350 Фивейцамъ другомъ бышь — поидемъ
въ мои
Черпоги — шамъ ты будешь го-
стемъ; —
Когда же нѣшь — спугай съ полей
Фивейскихъ!

А Д Р А С Т Ъ.

Пойду, пойду! — и для кого те-
перь
Миѣ лишь Фивейцовъ кровь, и кровь
своихъ
1355 Аргивцовъ? — Я иду — Креонъ —
но я прошу —
Я одного прошу: — дозволю съ со-
бою
Миѣ въ Аргосъ взять Полиника! —

К Р Е О Н Ъ.

Сей шрунъ
Бунтовщика, злодѣя?

А Д Р А С Т Ъ.

Бунтовщикъ
Сей, и злодѣй былъ миѣ любезенъ —
сынъ!

К Р Е О Н Ъ.

1360 Нѣшь — нѣшь! я не дозволю; пусть
онъ здѣсь —
Здѣсь на открытомъ полѣ — пусть
гниешь
И будешь пищей псамъ и плошояд-
нымъ
Звѣрамъ. — Адрастѣ — я не дозволю.

А Д Р А С Т Ъ.

Ты
Бышь можешь хочешь выкупу —

К Р Е О Н Ъ.

Я не
1365 Разбойникъ —

9.

СТРАЖЕНАЧ. *Адрастовъ.*

Государь! весь синай въ смяшенъ;
Всѣ полны ужаса; въ тревогъ всѣ,
И вои и вожди —

А Д Р А С Т Ъ.

Что? что?

9

СТРАЖЕНАЧ.

Когда

Амфіарай на жершву благаго
 Заклааь пельца — и подложилъ,
 1370 Внезаяно пошряслась земля, и пад-
 мень,
 Изпоргшійся изъ пропасти, пожралъ
 И жершву и Амфіарая.

А Д Р А С Т Ъ (съ ужагомъ).

И

Амфіарая ?

СТРАЖЕНАЧ.

И Амфіарая.

Все воинство подвиглось къ спраху; —
 всякъ
 1375 Спѣшишь въ свои палатки, и все-
 обшій
 Мяшежный ропотъ усугубилъ спрахъ
 Вождей. — Они тебя желаютъ и
 По томъ въ Арголиду.

А Д Р А С Т Ъ (стоитъ въ
 кзумленіи, по томъ бро-
 саетъ на тронъ, обнимаетъ
 его — и долго на него смо-
 тритъ)

Полиникъ! скоро —

Увидимся мы тамъ — уже мой
 1380 Власы бѣлѣютъ — скоро — скоро. —
 (поспѣшно уходитъ)

КРЕОНЪ (Герольду).

Ты

Сступай во Эливы — и тамъ объяви,
 Чшо занялъ я осирошѣвшій пронъ

Нѣкошорые изъ ГВАРДИИ.

Да здравствуетъ Креонъ!

КРЕОНЪ.

По томъ во градъ

Повѣдай, чшо Полиникъ, какъ раз-
 бойникъ

1385 И хищный бунтовщикъ, лишенъ свя-
 шаго
 Сожженія — и здѣсь добычей бу-
 дешъ

Зѣбрямъ и ишицамъ плопояд-
 нымъ, — и

Всякъ, видящій се, пускай сирашится
 Подобной казни; — возвѣсни во Эи-
 вахъ

1390 Се. — (Герольдъ удалется.)

ГВАРДИЯ.

Да здравствуетъ Креонъ!

КРЕОНЪ (нѣсколько
 времени стоитъ въ раз-
 сѣпленіи — по томъ под-
 бѣгаетъ къ Полинику —
 и грудь его пронзаетъ
 копьемъ трѣкратно.)

Убийца!

Безчестный шаниъ! (изстываетъ)

Но, ахъ! не чувствуетъ —
 Не чувствуетъ онъ боль ярости
 Олца. — (къ Гварди.)

- 1395 Оивейцы! не онкроетъ ли
 Кто чародья мнѣ, копорой бы
 Наполнилъ эцѣ побѣлвни жилы
 Живою кровію, и эно сердце
 Заставилъ чувствовать? — нль
 чародѣйцы,
 Не знаетъ ли кто, чтообъ могла
 открыть
 Глаза, сомкнушыя печатью смерти?
 1400 Чтообъ онъ — сей падшій чести-
 лебецъ, могъ
 Свое нещастье чувствовать — не-
 щастье —
 Быть надшимъ чесподюбдемъ? — О!
 тогда
 Сей адскій спонъ — сіе храниле
 въ груди,
 Проникли бы растерзациую душу.
 1405 Пустьъ жилъ бы онъ — и смерти себъ
 цунилъ
 Блаженствомъ, посланымъ съ не-
 бесъ! —
 О какъ неправосудны боги, что
 Однимъ себъ присвоили казницъ
 Злодѣевъ! — Обиженъ я — я мшу.
 1410 Какая радость мнѣ, что онъ воадъ
 Подъ Тизифоннымъ бичемъ стел-
 наемъ?
 Не вижу — и не слышу; — а я ви-
 дѣлъ

Пронзенный сына трупъ — и слы-
 шалъ вопли
 Отчаянной жены — и матери.

10

ГЕРОЛЬДЪ (изъ города.)

- 1415 Оивейцы ждутьъ шебя — Креонъ —
 и радости
 Ихъ — неописанна. Междуусобье
 Прекращено; — Аргивскія знамена
 Уже далеко разиввающихся
 Онъ Оивскихъ спѣвъ. — Уже го-
 шовы жертвы,
 1420 И юнони и дѣвы ждутьъ шебя, —
 Да пѣсни и священны хороводы
 Соспавянся при жертвенникъ Веспы,
 Великой мащери боговъ.

КРЕОНЪ.

Пойдемъ

Въ градъ. — (Герольду)

- Ты повели наполнить чаши
 1425 Виномъ — и кубки увязать вѣнками.
 Пустьъ съ каждой искрой льется въ
 сердце радость —
 И всѣ забышы будущъ горести,
 Болѣзни, и сшенанья, кои Оивы
 Въ жеспоку брань сію перенесли.

СЦЕНА IV.

(Мѣсто дѣйствія прежне; ночь.
Трупъ Полниковаъ лежитъ у гробницы.
Полковъ — и три работника
копаютъ яму.)

1.

ПОЛКОВЪ.

1430 Сынъ Кроновъ вамъ воздастъ, друзья
мой! —

За ваше дѣло. — Ахъ! когдабъ Ои-
вейцы

Всѣ шакъ думали — Эдиповъ домъ
Еще бѣ не рушился. — Просните!

Вы не получите подарковъ —

1435 Ни золота, ни серебра вы не
Получите; — но мысль: мы помо-
гли

Царевичу, и трупъ его земаѣ
Мы продали — на мысль одушевить
На смертномъ васъ одрѣ; съ улыб-
кой

1440 Умрете вы, надѣясь вспрѣвѣншь тамъ
Не злобу фурій — но Полника
Съ обѣщаньями распротертыми.

Онъ днесь скитается при берегѣ
Клокочущаго Сликса, и скитанься

1445 Чрезъ цѣлое столѣнье будешь. —
Тамъ

Непогребенные на сей земаѣ
Злодѣи, хищники, убійцы бродяшъ —

И тѣмъ Полника скитанься тамо
Не перестанешь. — Ахъ! когда кни-
жаломъ

1450 Свирѣпый братъ пронзалъ его, и онъ
На хладну землю палъ въ своей кро-
ви —

А! въ шонѣ ужасный мигъ прощанья
Со свѣномъ, съ Оивами, съ друзь-
ями, и

Родными — — онъ — онъ улыбал-
ся; — но

1455 Когда свирѣпый дядя ихъ велѣлъ
Не предавать его земаѣ, — тогда
Полникова шѣвъ произнесла
Спенанья — и я самъ — я самъ внималъ
Син спенанья — и скорбѣлъ. Однако

1460 Я былъ увѣренъ, что во Оивахъ есть
Еще Оивейцы — и надѣялся —
На васъ надѣялся, друзья! — Про-
сните!

Просните! я одинъ его сокрою.

1465 Снупайте въ Оивы! (работники ухо-
дятъ)

Какъ повсюду мрачно! —

Повсюду глухо! — раздраженное
Злодѣйствомъ небо меденъ думъ и гу-
маный

На блѣдный трупъ. Могильны сви-
сны межъ

Гробницъ звеняшъ — и сердце поетъ —
поетъ,

1470 Нѣмое эхо опѣвываетъ имъ —

И тѣни съ ужасомъ взираютъ на
Людскую засбу. —

(*Беретъ Поливика и съ трудомъ
переноситъ къ имъ.*)

Но, что вижу я!

Отъ Евскихъ сѣтѣхъ сюда сѣтѣнать
Съ свѣщальникомъ? — не ужъ ли

1475 Предательство? — Ахъ! здѣсь по-
всюду люди —

А отъ людей желать и вѣрности
И къ ближнему любви — все шожь,
что и

Желать, чтобъ и въ пещерахъ Ор-
ковыхъ

Блнспалъ Латонинъ свѣщальникъ. —
Пускай —

1480 Пускай Креонъ меня увидитъ, и
Осудитъ къ смерти; — пусть сѣ
власы,

Отъ скорби посѣдѣвшіе, и энѣ
Ланиты поблѣдѣвши орумянишь
Моей холодной кровью!

2.

(*Антигона приходитъ съ
факеломъ съ двумя неволь-
ницами; она бросается на
грунь Полиника и ры-
даетъ. —*)

Братъ! мой братъ!

ПОЛИВЪ (*долго стоитъ;
молча. смотря на небо; по-
томъ подходитъ къ Анти-
гоне.*)

Царевна! Антигона! прекрати
1485 Печаль свою — она безмѣрна; —
вспомни,

Твой братъ пеперь еще не погребенъ,
И тѣнь его блуждаетъ въ Орковыхъ
Предѣлахъ. —

АНТИГОНА (*встаетъ
съ ужасомъ.*)

Старецъ! ты ли, ты ли
Въ глухую полночь поешь при гроб-
ницахъ?

1490 Любезный старецъ! — и ты не по-
вѣдалъ

Сестрѣ его — и самъ хотѣлъ со-
крыть —

Одинъ хотѣлъ симъ благомъ насла-
диться,

И послѣ поносить мою холоднось!

ПОЛИВЪ.

Увѣдомишь тебя, Царевна, я
1495 О семъ не смѣлъ; — мушнѣ едва
я могъ

Склонить, чтобъ яму вырыли; —
но пылъ,

Ты, дѣва, будешь здѣсь присут-
ствовать

Безъ страха?

АНТИГОНА.

Я сестра, любимая
Его сестра! — оиъ бранъ — любимый
братъ!
1500 Но мы напрасно медлимъ; — Серейя!
Амкала! помогите намъ его
Спустишь въ могилу.

ПОЛИВЪ.

Духъ Полниковъ!
Какъ ешьли испинна, которую
Внушали намъ съ младенчества;
какъ ешьли
1505 И днесъ, блуждая въ пропашахъ без-
донной
Неизмѣримости — не поперялъ
Той чувствительности бытия, какая
Одушевляешь въ жизни насъ —
воззри,
И улыбнись! миръ праху своему!

АНТИГОНА.

1510 Миръ праху своему, Полникъ,
братъ!
Миръ праху своему!

*(всѣ медленно опускаютъ
его въ могилу. Поли-
въ стоитъ въ изступленн,
склоняетъ голову на за-
ступъ: — Антигона въ
мрачномъ разблѣнн.)*

АНТИГОНА.

Довольно! *(къ невольницамъ)*
Вы
Оставьте здѣсь свои цѣпи — и
въ городъ
Ступайте! — я за вами буду.

СЕРВИЯ.

Но,
Царевна! ты одна — въ глухую пол-
ночь —
1515 За Оливскими стѣнами — Антиго-
на! —
Ужасно ночь темна — и факелы
Тускнѣють —

АНТИГОНА.

Братня шѣнь мнѣ вѣрной
Путеводительницей будешь — я
За вами буду; удадитесь.
(невольницамъ уходитъ)

3.

ПОЛИВЪ.

Но
1520 Царевна! помнишь ли Креоновъ ты
Указъ? — Прикоснovenite къ сему
Нещасному намъ жизни можетъ
снотъ.

АНТИГОНА.

И ты, старикъ, и ты сего стра-
 шинься;
 Когда я — дѣва — презираю — я
 1525 Оплаждалась ищи сюда! — и естъ-
 либъ
 Креонъ стократно угрожалъ —
 пошла бы.
 Опъ Царь — я дщерь Царева, —
 и Эдипъ —
 Я очень помню, — мой опецъ —
 не давно
 Его владыкой былъ.

ПОЛНВЪ.

Царевна! такъ —
 1530 Но злобный сей ширякъ не смотт-
 рить на
 Народъ, на полъ, на слезы — ии
 на возрастъ.

АНТИГОНА.

Чтожь въ помъ мнѣ? я сама на
 всъ его
 Не посмотрю угрозы — и предамъ
 Земля несчастный брашникъ шруиъ.

ПОЛНВЪ (съ ужасомъ.)

Царевна!
 1535 Раба швоя сняшь сюда спѣшишь.

АНТИГОНА (съ недо-
 умѣниемъ.)

Какъ! Сервія? опять сюда! за чѣмъ?

4.

СЕРВІЯ.

Спѣши, Царевна! прочь спѣши! из-
 мѣна —
 Ужасная измѣна — и Креонъ
 Со всею снаряжею идешь сюда. —
 1540 Моя подруга — иль иной кто все
 Ошкрылъ — Креонъ извѣщенъ обо
 всемъ.
 Спѣши заблаговременно!

АНТИГОНА.

Креонъ извѣщенъ? —

ПОЛНВЪ.

Обо всемъ? Ошвейцы!
 Вы этого пашпа не смоеше
 1545 Съ себя ручьями слезъ, рѣками
 кровцъ.
 Спасайся, Антигона! —

АНТИГОНА.

Ты — старикъ —
 Ты шутишь? иль я показала ро-
 босшь

При этой вѣсти? Вѣрная моя
Подруга Сервія! скажи, какимъ
1550 Злещасшимъ образомъ Креонъ у-
зналъ
Объ эпомъ? иль враждебный демонъ
нашъ
Открылъ ему?

С Е Р В І Я.

Объ эпомъ я сама
Не знаю; — только былъ тогда Кре-
онъ
При Евридикъ и Эмоновомъ
1555 Одръ, какъ получила известіе
Сте — и яросшь въ немъ заклоконала.
Немедленно онъ спрѣжъ повелѣлъ
Собраться — и не внемая восяямъ, и
Мощилямъ Евридики, и сшенаньямъ
1560 Эмоновымъ, бѣжишь сюда. — (съ ужа-
сомъ)
Смотри! *(вдали показываются и
факелы.)*
Погибли мы!

А Н Т И Г О Н А.

Спундай сюда! ты ихъ
Минешь, и придешь въ градъ про-
ходомъ тайнымъ.
*(Срѣжъ съ робкою по-
сѣвшююстью уходитъ.)*

П О Л И В Ъ.

По крайней мѣрѣ мы его землей
Покроемъ хоть не много. Антигона!

1565 Спасайся! я одинъ останусь и
Умру съ Полиникомъ.

А Н Т И Г О Н А *(въ изступ-
леніи, по томъ
радостно)*

Сшарикъ — покроемъ
Его землей. — Креонъ бытъ мо-
жетъ и
Захочетъ откопать его —
*(оба сбрасываютъ земли
съ могилу.)*

При краѣ сей могилы посажу
1570 Цвѣтны сѣи — пускай они ему
Благоухаютъ —

*(Креонъ приближается.
Антигона ескакиваетъ съ
бесслою миною сумасшест-
вія, и схватываетъ По-
ливу за руку.)*

Но — вотъ и Креонъ!

5.

КРЕОНЪ со спрѣжею.

*(Креонъ долго смотритъ
на Антигону со всѣмъ
гнѣвомъ и презрѣніемъ;
по томъ оборачивается къ
Полну.)*

И ты! а! подлый рабъ! и ты сво-
ими

Преступными рукми прикоснуся
Буинщнику сему — разбойнику?
Часть VII. No. 86. 17

ПОЛИВЪ.

1575 На сихъ рукахъ послалъ я некогда
Эдипа: ими же погребъ сего
Нещаснаго! онъ сынъ Эдиповъ!

КРЕОНЪ.

Спражи!

Окуйте злобнаго раба! велю,
Чтобъ чрезъ три дни его во всей
моей

1580 Всюти сава не видно было.
(Полва отходитъ на
сторону, охватываютъ;
онъ стоитъ неподвижно)

КРЕОНЪ (Антигонъ)

И ты, преступница! ко мнѣ при-
близься!

Какъ ты могла послушаться меня?
Меня — и дяди —, и владыки! —
Какъ

Осмѣлилась съ Поливомъ, подлымъ
сыномъ

1585 Рабомъ, украсься изъ оградъ Он-
вейскихъ?

Безумная! безумная!

АНТИГОНА (послѣ ма-
лаго молчанія.)

Смотри —

Смотри ты на меня, Креонъ! не
ужь ли

Ты видишь хоть малѣйшу ишь
боязни?

Смотри — я улыбаюсь, я смѣюсь —
1590 Твои угрозы презираю — а — шир-
ранъ —

Я сколько знать могу — тогда не-
исповѣ,
Когда передъ собой зрять препен-
ныхъ.

КРЕОНЪ (съ удивленіемъ)

Не понимаю я — опколъ въ шею
Ся кичавосшь!

АНТИГОНА.

Не кичавосшь, а

1595 Рышность умереть — и ты мнѣ
болаъ
Со всемъ усиленіемъ не можешь здѣ-
лашь.

(подходя къ нему ближе)

Смотри, Креонъ, какъ малъ предъ
тѣмъ ширанъ,
Кню не боишься смерти!

КРЕОНЪ (съ яростію.)

Мы посмотримъ —

Посмотримъ. Спража! приступи!
(спража подходитъ къ нему)
Возьмине

1600 Преступницу, и я хочу, чтобы
Она была съ Полинкомъ въ одномъ
Семъ гробѣ.

(Полисъ подбѣгаетъ къ гробницѣ Кадмозой, падаетъ на колѣни, и склонивъ голову къ землѣ, пребываетъ съ семъ положеніи Стражи подходившъ къ Антигонѣ.)

АНТИГОНА.

Фивяне! я дочь Эдипа!
(стражи отступаютъ.)

КРЕОНЪ.

Бездушные! ее спрашиваете? кто
Здѣсь Государь? — Эдипъ кровосмѣшнелъ —

1605 Или я?

АНТИГОНА *(съ ужасомъ отступаетъ тихо, съ робостію.)*

Кровосмѣшнелъ!
(погружается съ задумчивостію.)

КРЕОНЪ.

Я, или
Эдипъ кровосмѣшнелъ?
(стражи подходятъ къ Антигонѣ.)

АНТИГОНА *(съ бѣшенствомъ Крелу.)*

А! злодѣй!

Злодѣй! — чѣмъ оскорбилъ тебя
нещастный

Отецъ нашъ, что ты такъ его
безсмыдно

1610 Поносишь? — О пиранъ, пиранъ!
пль шѣмъ

Ты мнишь въ своихъ рабахъ возжечь
къ нему

И ненависть и злобу? — о безумный!
Ты злобенъ на меня — за что же,

извергъ,
За что порочивъ ты нещастнаго?

1615 Ты смертию меня спращаешь? —
Что,

Что смерть? она хамелеонъ, — и
для

Тебя, чудовище, хамелеонъ
Сей будешь гнуснымъ ословомъ,

какимъ
Изображаютъ смерть: — она взне-
сенъ

1620 На адскую свою главу косы своей
Булавно жало — и своими — такъ!

Своими хладными руками гроба
Откроетъ крышку; — но меня другая

Поснигнетъ смерть: младенецъ
крошкѣй, милый,

1625 Младенецъ иъжкий дасишь мнѣ
розу — я

Украшу ею грудь — и наслажусь
Бя благоуханій — и въ могилъ

Засну спокойно.

КРЕОНЪ (съ яростію.)

Спражи!

(стражи толпятся
къ ней.)

АНТИГОНА (удерживая
паль.)

На минушу —

Постойте; — я готовлюсь умереть —

1630 Въ сей тѣсной мрачной ямѣ; — такъ,
Креонъ!

Такъ, такъ! я вижу на своемъ лицѣ
Довольство, радость — улыбку,
Креонъ!

Ты только улыбку теперь, — и
будешь

Подобіе разящей Фурии!

1635 Разсмѣйся! — — (короткое молчаніе.)

Нынѣ, нѣтъ, нынѣ! бываетъ мигъ,
Что и тиранъ воспоминаетъ — что
Онъ также человекъ; — — но я

умру —
Умру въ могилѣ сей, — и мысль —

сія
Блаженна мысль: „я умираю съ
братомъ

1640 Полиникомъ „ придастъ мнѣ ра-
достни,

И я умру спокойнѣй, чѣмъ Креонъ
На Тирскомъ засынаетъ пухъ!

(становится на колѣни.)

Братъ!

Прими меня въ свои объятія!
(съ воплемъ бросается въ
могилу; долгое ужасное
молчаніе.)

КРЕОНЪ (холоднокровно.)

Спражи!

Землей засынешь яму! (стражи засты-
паютъ яму змѣно.)

А теперь

1645 Пойдемъ во градъ! — мнѣ жаль
Царевны; — но

Она преступница — и мой законъ —
Мое желаніе — исполнить должно. —
Пойдемъ! (стражи стоятъ съ ужасомъ.)

Но что тамъ — я — мнѣ кажется,
Я вижу свѣтъ?

Одинъ изъ ВОИНОВЪ.

Креонъ! се Евридика!

КРЕОНЪ.

1650 Супруга? среди полуночи? за чѣмъ?

6.

ЕВРИДИКА съ невольницами.

(съ бѣшенствомъ подбѣгаетъ
къ нему.)

Куда, куда злодѣй укрыться хочешь?
Тѣль сына моего — повсюду за

Тобой спремешься будешь. — Зри,
злой!

Смотри! я вся въ крови — въ крови
сыновней —

1655 И ты виной всему! — О боги! гдѣ
Перуны ваши? —

КРЕОНЪ.

Гдѣ, супруга, твой
Разсудокъ?

ЕВРИДИКА.

Ахъ, злодѣй! злодѣй! злодѣй!

Но шигру говоришь о жалости!

Что можно говоришь? — глаза твои

1660 Иылающъ кровью — — какъ! не яль
шебя

Модила, чшобъ ты пощадилъ сіе

Невинное дитя, Царевну? — не

Модилъ ли на колѣняхъ, извергъ, не

Модилъ ли и Эмонъ шебя? ойъ пла-
калъ —

1665 Стеналъ — и ты — ее сразилъ! —
злой!

КРЕОНЪ.

Я не былъ въ Мемфисѣ, и не умѣю
Ошгадывать шакихъ гіероглифовъ.

ЕВРИДИКА.

Гіероглифовъ? — о Креонъ! и ты
Смѣешься! — знаешь ли, чшо эта

1670 Улыбка будешь икогда шебъ
Безчисленныхъ конвульсий сионшь —

Гдѣ чуждую съ шебя сорвуть корону? — шамъ,

Увидишь, какъ смѣяишь будешь

Смѣяишь здѣсь воплямъ бѣд-
ныхъ! —

КРЕОНЪ.

Спража!

1675 Возьми и отведи ее во градъ!
Бышь можешь ушромъ возвратишься
къ ней

Разсудокъ. —

ЕВРИДИКА.

А! ширацъ! ты такъ со мной

Осмѣялся! — по чшо — чшо съ
извергомъ

Возможно говоришь? злодѣй! —
знай, я

1680 Изъ града шла, чшоби ошяишь въ него
Не возвращаешься болъ; и на гробъ

Царевны, и въ крови сыновней а!
Ты видишь эту кровь? — и въ сей

Сыновней насиль — и нуишь шебъ,
злой!

1685 Предуголовишь.

КРЕОНЪ (къ стражб.)

Воины! пойдемъ.

ЕВРИДИКА *(удерживает его.)*

Предуготовишь пунь шебъ, злодѣй!
 Я адскія мѣста наполни воплемъ;
 Наполни стономъ и слезами, и
 Вооружу прошивъ себя всѣ тѣни
 1690 И добрыхъ — и злодѣевъ — прочь,
 шираишь!
 Ступай пеперь! — поспой! поспой —
 шебъ
 Была пріятна кровь сто, упейся —
 Упейся и моею *(закалается; ужасное молчаніе; Креонъ длетъ знакъ, одной цѣль невольницъ, чтобъ она приблизилась.)*

КРЕОНЪ.

Что это? ты
 Миѣ можешь объяснить, что это?

НЕВОЛЬНИЦА.

Ахъ!

1695 Твой сынъ пеперь поверженъ —
 мершивъ швой сынъ.

КРЕОНЪ *(съ ужасомъ.)*

Змонъ мой мершивъ?

НЕВОЛЬНИЦА.

И Евридика, — не
 Возмогши перенести удара, впа-
 дилъ —
 Сама себя сразила —

КРЕОНЪ.

Но кто сына
 Сразилъ?

НЕВОЛЬНИЦА.

Онъ самъ, какъ скоро онъ увидѣлъ,
 1700 Чю не преклоненъ ты къ его моль-
 бамъ —
 И хочешь Антигону смертию
 Казнишь — — онъ раны расперзалъ,
 и палъ
 Въ крови, произнося проклятыя.

КРЕОНЪ *(съ трепетомъ.)*

На

Кого?

НЕВОЛЬНИЦА.

Прости рабъ! —

КРЕОНЪ *(съ яростию.)*
 Проклятыя? на

1705 Кого?

НЕВОЛЬНИЦА. *(въ полголосъ)*

Креона —

КРЕОНЪ.

На Креона! *(улыбается; молчаніе)*

Я

Теперь все знаю, *(подходитъ къ Коридикѣ, беремъ изъ ерули кинжалъ, улыбається — и бросаетъ на могилу.)*

СТРАЖЕНАЧ.

Государь! ны блѣдень! —

КРЕОНЪ.

Мы завтра погребемъ ихъ, а пепель
Пойдемъ во градъ. — *(идеть: подхо-
дитъ къ тѣлу Еори-
дъки и шрепещеть.)*

СТРАЖЕНАЧ.

Креонъ, о Государь!

Ты ужаснешь насъ.

*(Креонъ палаетъ безъ чувствъ
на землю; всеобщій ужасъ: —
воины поднимаютъ его и под-
держиваютъ.)*

Г. ВОИНЪ.

Сраженачальникъ!

1710 Гонецъ изъ Фивъ сюда спѣшитъ. —
Конечно. —

СТРАЖЕНАЧ.

Конечно новы бѣденыя разяшь
Нещастный градъ.

(Вѣстникъ прибѣгаетъ.)

Гдѣ Государь? гдѣ онъ? *(увида
Креона, стоить въ недоумѣнии.)*

СТРАЖЕНАЧ.

Что здѣлалось еще во Фивахъ? что?

ВѢСТНИКЪ.

Слышите въ городъ; — тамъ смя-
щенье, бунтъ.

СТРАЖЕНАЧ.

1715 Смященье? бунтъ?

*(Креонъ какъ бы просыпается
съ полголоса.)*

Смященье? бунтъ во градъ?
(схватываетъ изъ рукъ стражи.)

Прочь, прочь, измѣнники! связашь
меня

Хотѣли вы, или сковашь — злодѣй! —
Кто смѣлъ меня держашь, когда во

градъ
Пылаюшъ бунты? А! предашель-
ство,

1720 Измѣна! — и рабы мои — и черви,
И прахи ногъ моихъ ползушце
Кичашя — *(стражи съ шрепещомъ
отступаютъ.)*

СТРАЖЕНАЧ. *(прислу-
шивается къ нему.)*

Государь! не право ты
Пносишь насъ измѣной, естѣли мы
Гонимы кровь пролить за Государя. —

1725 Мы сами ничего не вѣдаемъ
Ни объ измѣнахъ, ни предашель-
ствахъ.

(Креонъ къ вѣстнику.)

Откуда ты? за чѣмъ? — какія вѣсти
Привесъ ты мнѣ?

ВѢСТНИКЪ.

Просни, когда онъ
Не будущъ радостны шебъ. Какъ
скоро

- 1730 Сюда пошелъ ты, чшобъ казнить
Царевну —
Уже молва, вездѣ спѣшащая,
Дала знанъ Фивамъ, чшо ны и каз-
нилъ
Уже ее. — Вскруженные виномъ,
Фивейцы бросили свои покаялы,
- 1735 Подъяли конья — и ваомились въ
храмъ,
Гдѣ сынъ твой былъ съ твоей су-
пругой. Тамъ
Они повѣдали объ Анхитонѣ, —
Объ участи ея и смерти, — и Эмонъ,
Произнеся ужасныя проклянья на
1740 Тебя — раскрылъ въ груди смер-
тедьныя раны —
Упалъ у ногъ твоей супруги. — Съ
воплемъ —
Съ рыданіемъ она спѣшила вонъ; —
И прежде нежели ушла за стѣны —
— Являешся Немена средъ народа; — и
- 1745 Мы ахнули! — мы възшепили, видя
Нещасную Царевну: — ядъ уже
Въ груди ея свирѣсноговалъ. Глаза
Едва, едва мелькнули слабымъ свѣ-
томъ;
Запекшіяся губы не могли
- 1750 Намъ изъяснить ея сненій;
Она рыдала — и мы есъ рыдали.
Пославшія ея слова: „я смерть
Пріемаю за сестру и братьевъ!“,
— Сіи слова уже послѣдніи были.

- 1755 Народъ въ волненіи — и храмъ
живой и
Чертогъ наполненъ: — посѣвши
во градъ,
И успокой. —

К Р Е О Н Ъ (долго стоитъ
молча; но на лицѣ его видны зна-
ки протни; онъ потрясенъ ко-
пьемъ)

Кого мнѣ успокоить?

Червей кичащихся? подъ прахомъ
ногъ

Моихъ они задохнутся! (убѣгаетъ;
воины спѣшатъ за нимъ;
несокольницы уносятъ тело
Евридикы.)

П О Л И В Ъ (сстаетъ.)

Пойду,

- 1760 Пойду — и есъ самомъ адѣ бышь ужа-
снѣй
Не можешъ. (Объитъ) Ахъ! куда?
и не проливши
Ни слезки на могилу сихъ нещас-
ныхъ?
(Падаетъ на могилу.)
- О Ты! Опецъ всего! не ужай я —
Одинъ я для Тебя не вязнешъ? — л
- 1765 Презрѣнный онъ людей, поруган-
ный,
Изгнанный! — нѣтъ! нѣтъ! кто
возможенъ

Внимать черви жужжанью, коль на
 швердан
 Гремятъ перуны и небесны своды
 Трещань? — кино, кино, кромъ Тебя -
 ощенъ
 1770 Зевссь! единъ внимаешь Ты какъ
 червию;
 Такъ и Гиганту; ихъ сненанья лиши
 Восшорги радости; — ны вне-
 маешь и
 Меця, котораго презрѣли люди,
 Которой исключенъ изъ общества
 1775 Живыхъ — Ты внимаешь и меня. —
 Даруй;
 Чшобъ эша, съдиной покрѣпая
 Глава, послѣ сел кровавой ночи,
 Уже не озарялась болѣе
 Восходомъ солнечнымъ! молю! молю!

(Прекланяетъ голову къ землѣ и
 пребываетъ долго въ семъ поло-
 женіи.)

В. Н.

32.

Д О Р И Д А,

Волной переводъ.

Исчезъ свѣтъ днѣ въ сумрачномъ
 туманѣ; лазурь, смѣшенная съ
 багряностию, переливается на западѣ,
 и блѣднѣетъ въ сизобирюзовомъ цвѣ-
 тѣ; луна показывается изъ за хреб-
 товъ горъ; прохладная ночь разсы-
 паетъ сладостныя сны, и благошвор-
 ную росую окропляетъ землю, засох-
 шую отъ полуденнаго зноя.

Приди, Дорида! приди къ сему
 развѣсному буку посѣннѣ по без-
 мянежное мѣсто, гдѣ все молчнѣ,
 гдѣ лишь одно вѣннѣ тихаго зефира
 оживляетъ колеблющуюся зелень, и
 дружескиенно тебя приѣннѣствуетъ.

Зеленая тѣнѣ многолиственныхъ
 древесъ уповааетъ насъ сладостны-
 ми мечидами, которымъ не рѣдко са-
 мый духъ нашъ предается съ ра-
 достнѣю.

Часть VII. No. 87.

18

Онъ приинымъ образомъ ограничиваешь блуждающія мысли, и живешь самъ собою доволенъ.

Скажи, Форида, чувствуешь ли ты въ сердцѣ своемъ по нѣжное, неизъяснимое движеніе тихой скорби, которое сладости въ себѣ удовольствій? ...

Не сіяешь ли въ глазахъ твоихъ благошворная тишина? не слышишь ли льется въ жилахъ кровь, и не дымаешься ли въ прииной тишинѣ нѣжная грудь твоя?

Я знаю — сердце твое вопрошаетъ тебя, и одна мысль говоритъ другой: что со мною дѣлается? что я чувствую? ... Любезная! ты *этого* не узнаешь, но я легко могу тебѣ сказать; ибо еще болѣе *этого* къ тебѣ чувствую.

Ты изумляешься! добродѣтель твоя приходитъ въ смятеніе. Прелестный цвѣтъ непорочной юности покрывается сныдливья твоей ланиты; кровь твоя волнуется отъ сильныхъ движеній: спрота чести отшергаешь любовь, но твое сердце ея не отшергаешь.

Милая! покажи ясность на челѣ твоемъ; предайся твоей судьбѣ, въ которой нѣтъ единой полюшко любви. Ахъ! для чего прощившись своему щастію? Но ты отъ *этого* не избавишься. Кто сомнѣвается, что уже любишь. . .

Цвѣтущая юность прекрасныхъ дней оживляетъ пробужденный духъ твой, въ которомъ нѣтъ хладнокровія. Пламя любви разливается изъ сердца; ты не всегда будешь безчувственно шумишь: кого всѣ любишь, ты самъ — любишь.

Какъ! развѣ ужасаетъ тебя *любовь*? Порокъ только покрывается сныдомъ, а чистой любви совѣтъ отъ несроденъ. Посмотри на твоихъ веселыхъ подругъ: ты чувствуешь тоже, что и онъ; огонь твой есть огонь Природы!

О если бы могла прельстить тебя нѣтъ радости, какую чувствующи два сердца, другъ другу преданныя! ты не потребовала бы отъ природы обратню твоихъ долгихъ

часовъ, копорые сердце швое праздно проводило.

Когда прекрасная не соглашается жить для шого, кшо шолько для нее живешъ: тогда опказъ ее должно почешть шупшкою.

Когда, по испыпанной вѣрности паспуха, добродѣшель сама увѣчиваетъ его миршами, и разумъ говоритъ, какъ сердце; —

Когда шѣжное сопронивленіе, шилое принужденіе, любезная украдка, прелестная борьба уповаешъ оба сердца восхищеніемъ; — когда спидливый, робкій взоръ, прекрасная глава измѣняютъ ей въ шомъ, въ чемъ она опказываешъ; — —

Когда — — — но, возлюбленная! я пересыпану описыванъ шебъ всѣ нешзяснимыя ушѣхи. Едва ли и шо, шно сказадъ я, не одна шолько шѣи и призракъ. Ложная горешъ, шное восхищеніе! можетъ ли изобразитъ васъ языкъ? сердце едва постигаешъ васъ... —

О блаженство! Дорида, шы воздыхаешъ! развѣ спыдвншься? О естнели бы рѣчь моя вздохнула въ шебя чув-

ство любви! Какъ сладостна любовь! когда одно ее изображение возбуждаетъ шѣжныя чувствованія, шо шно же произведенъ сама она?... —

Милая! наслаждайся своею жизнью; не будь шщешно для себя прекрасною, не будь шноль прекрасною для нашего мученія.

Не угрожаешъ ли любви страхъ и горешъ? Но мерный сонъ хладнокровія въ шнечу разв нешноснѣ.

Къ шомужъ, чего шебъ опасашся? Пусть другія охраняютъ сердце, копорое шѣмъ ни овладешъ, скоро оспавляешъ; шы всегда пребудешъ обладашельницею души; красота заключаешъ въ швой оковы, а добродѣшель ихъ укрѣпляетъ неразрушимо.

Избери одного изъ нашихъ говошей. Область швая естн область самой добродѣтели. Но, ахъ! осмѣлось ли шѣнованъ?... Избери — меня. — Къ чему шноль долго скрывать свое сердце? Ты можешъ шона избрать багороднѣе; но не шщешь ни одного, копорой бы шнолько шебя обожалъ, какъ я.

Иной будешь себя хвастаться предками, другой блистать купленнымъ величьемъ; иной искусно будешь извѣщать любовь свою; всякой чѣмъ нибудь спашешь хвалиться: но у меня нѣтъ ничего кромѣ сердца, дарозавнаго мнѣ отъ Бога.

Милая! не вѣрь льстивцу; на уснахъ его пылающъ огонь любви, а сердце . . . сердце его холодно, какъ ледъ. Иной любитъ тебя для того, что ты богата; иной для того, что все любишь; иной, что находишь въ томъ свое удовольствіе:

Но я . . . я люблю такъ, какъ любить должно. Эта грудь моя, прежде неждан начала воздыханъ, научилась вѣрности; глаза мои обращены только на тебя отъ всего прочаго, что можешь достойно быть уваженія.

Пламя чистой къ тебѣ любви вѣчно неугасимо. Дражайшая! нѣтъ, я не хочу величать тебя божествомъ; чудовѣственно много тебя преукрасило. Иной конечно способенъ лучше и нѣжнѣе изъясниться; языкъ мой мало

выражаетъ, но сердце много — много чувствуетъ! . . .

Возлюбленная! познай мой жаръ, любовью возженный. Прекрасный взоръ твой давно уже по многимъ признакамъ открылъ его; и какъ я всегда былъ тебе вѣренъ, то позволи на всю жизнь угождать тебѣ. Одно твое слово — будешь великая мнѣ награда.

Что такъ боязливо озираешься и попутаяешь взоры? Это, кажется, не есть знакъ независимости . . . Дражайшая! могу ли смягчить тебя? Успавшей не показываюти никакого знака; но сердечный вздохъ твой сказалъ мнѣ: *можетъ*.

Съ Немецк. Вас. Полковъ.

1800, Апрѣля 7.

ОТЧАЯНИЕ ЛЮБОВНИКА.

Молодой человек! познай изъ этой повѣсти — она, можешь быть извлечешь слезы изъ глазъ твоихъ — сколь достойно жадосии сльдствие злощасливой любви!

Одинъ хорошо воспитанный молодой человекъ былъ подиророю и опрадою пресшарфлаому родителю. Онъ своими добрыми качествами въ раннихъ еще лѣтахъ подавалъ о себѣ весьма великую надежду: но, ахъ! къ несчастію онъ жестоко влюбился въ нѣжную Климену. Водыхася... зачинаешь се соинвѣствовать любви своей. Все тщетно! — Падаешь на колѣни, исчисляешь свои мученія: — Камена великъ ему убитъ себя. Такъ! воскликнулъ онъ въ изступленіи: я удалюсь отъ тебя, и на вѣкъ съ тобою разстанусь!.. Тутъ — вынимаешь онъ паругъ шагу... и — чню можешь быть

дерзновеніе! — османприветъ конецъ клинка, и — тихо оняпъ владаешь! — — —

ОСЕННИЙ ВЕЧЕРЪ.

Покрылся фибъ — и вечеръ рданный
Изъ за — воздушныхъ, сизыхъ горъ
На воды и поля простираны
Свой бросилъ красно-свѣтлый взоръ;
Воснали отъ земли шуманы,
И съ облаковъ всякъ сполбомъ;
Тамъ шумъ черными крылами
Все небо облегли кругомъ; —
Спустились мраки съ мглой густыя,
На землю шипина сошла,
И въ мѣрѣ съ собою прицела
Сны, привидѣнія сѣсныя.

Но кипитъ шамъ споненій, вдалекѣ,
 Подъ крономъ темной, мрачной ночи?
 И чьи я слышу вздохи, плачь,
 Носятъся на распутии?
 Скалы кремниевыя, абы
 Со превешномъ ихъ повноритомъ;
 Наводятъ ужасы и страхъ
 На всю полмерзвую Природу. —
 Не слытъ ли горести и бѣдъ,
 Презрѣнный всѣмъ въ здѣшнемъ мѣрѣ,
 Лишенный самою Судьбой,
 Главу свою гдѣбъ преклонилъ,
 Клянетъ послѣднѣя минуны
 Нещасной жизни своей
 И смерть несмыну призываетъ? —
 Утѣшься, спривитъ! ободрись;
 Тебя мѣрѣ новый ожидаетъ,
 Гдѣ вкусишь сладостной покой
 На лонѣ вѣчнаго веселья.

Но шумы вдругъ шамъ раздѣлаиань
 И прощинулся снегой;
 Туманы съ мраками сокрылись
 Въ бездонныхъ пронастиахъ морей;
 Въ блестящемъ заревѣ и майскомъ,

Въ одеждахъ радужныхъ и райскихъ
 Я вижу Ангелы лешинъ; —
 Изъ звездъ вѣнды на нихъ горящъ,
 При иблии шихомъ и небесномъ,
 При звукѣ аиръ и арфъ чудесномъ.
 Въ кругу ихъ крошкая душа
 Паритъ съ улыбкой въ небеса. —
 Я зрю вдали — въ мерцаньи свѣта,
 Великолепный, древній шронъ,
 Владыку, солнца въ свѣтѣ одына, —
 У ногъ его сиянъ молнии, громъ;
 Онъ душу крошкую принимаетъ
 Въ шанищенный, священный свой домъ;
 Безмернѣемъ ее вѣчаетъ
 И вѣчныхъ радостей вѣдомъ. —
 Я зрю . . . но вмигъ одинъ сокрылось
 Все онъ моихъ очей.
 Заѣсой черною покрываю
 Пространство облачныхъ полей. — —
 Дува изъ за вуеной шамъ чаши
 Выходитъ съ скромнѣею вдали;
 Алмазы свѣшалье, блестящи
 Рукою сыплениъ на ручьи;
 Лучемъ дрожащимъ освѣщаетъ
 Рядъ длинный дремающихъ холмовъ;
 Въ поляхъ все шравки посребрениъ
 И гордые верхи дѣсовъ.

Тамъ роши, въ мрачной шпши, тамъ;
 Гдѣ монушныи зряшея смернныхъ,
 Делашъ гдѣ коши по мѣшамъ,
 Черешевъ шучи пожелнвлыхъ;
 Гдѣ бурны вѣтры изъ шелей,
 Свнсныи и шомно завывающъ;
 Гдѣ, мнштся, шнелачи швей
 Недаснныхъ средѣ моталъ вздыхающъ:
 Я вижу, новый гробъ шонншъ,
 Простой рукой сооруженный
 И киварисомъ освѣщенный — — —
Здѣсь человекъ другъ лежнть.
 Я надншь зрю. —

— — — — — Любовь ушгаа
 Со Благодарношью сидншъ
 При самомъ гробѣ; — нхъ покрыла
 Всегдншнхъ скорбей мгла; —
 Главу склоннлъ на рамена,
 Рѣкою слезы проливаюшъ;
 Сердца нхъ вздохъ, грудь снѣбнющъ —
 Сидяшъ въ глубокой шншншъ
 Надъ урвою облакошнвшнсь,
 Какъ машери сыновъ лшнвшнсь.

✠

Еще сокрылся въ шайной шмѣ,
 Иль вѣношн нѣ шрапахъ безмѣрннхъ
 Одншъ изъ человекъ брнннхъ,
 Сказалъ я самъ съ собой. —

— — — — —
 — — — — —
 Блаженъ шы будь, когда снарался
 Члншь добродѣшель есей душей,
 И злобы, гордоснн чуждался! —
 Блаженъ шы будь онщевъ въ шравѣ,
 Сыиъ правды, честнвоснн любезной!
 Герой лншь въ мнрь, не въ войнѣ,
 Другъ вѣрной человекоевъ, вѣрной; —
 Споковнъ будь послѣ шрудоевъ,
 Тобое въ мнрь понеснннхъ,
 Задншннхъ бѣдннхъ, шрыхъ, вдовѣ,
 Пешасннхъ шншъ и угнѣшенннхъ! —
 Давно шебя ждала шамъ — шамъ —
 Безмѣрннн слава и веселье;
 Теперь подобенъ шы Духамъ,
 Тоя арншннмъ съ ослабашлемъ. —
 Хотя шебѣ шрофеевъ лвшъ
 Здѣсь шншннхъ, мраморннхъ, богашннхъ;
 Хотя не шелъ шы шавы нѣ сабѣ
 Съ мечемъ, въ брнннхъ, надѣвшн лашы;
 Хотя не побѣждалъ враговъ
 И не псвалъ вшнщевъ лшровнхъ,
 Средѣ молнй, шресковъ и громовъ
 Чуждой не проналъ каналъ вровн:
 Но швой шрофей людей въ сердцахъ,
 Почтавенный шобою вѣшной; —
 И здѣсь шы будешь жншь въ душахъ .
 Друзей, попомшнша онщаснннн. — —

Что наша жизнь? — одинъ есть путь,
 Ведущій къ славѣ насъ безмерной,
 Путь, шеры гдѣ одни распушь; —
 Смягчишь чинобъ ихъ — бышь нужно чест-
 нымъ.

35.

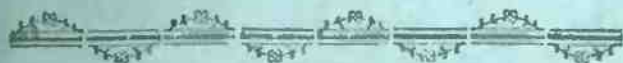
Къ. Д... А... Б... ву. —

Служишь Царю правдиво, честно,
 Его законы почитая,
 Чинишь правоту душой нелицебно,
 Ему въ щедротахъ подражая; —
 Держа вѣсь Омиды прямо,
 Ему Опретъ Россіи дани,
 Нерколькою шони свезей
 Прямой въ храмъ славы, въ храмъ свя-
 щенной;
 Бышь своему Монарху вѣримъ: —
 Воишь цѣль всенкъ всѣхъ людей!

Кто, добродѣтель починя,
 Умѣишь истинну ибину;
 Религію кто сохраняя,
 Творца всѣмъ сердцемъ знаишь яини;
 Улыбкой благосклонной, милой,
 Духъ бѣдныхъ веселишь утѣдой;
 Сиремнишь помощь принесши
 Блуждаемъ, сиромъ и несчастнымъ,
 Опець кто вѣмъ своимъ подвластнымъ:
 Тотъ въ мѣрѣ — Ангелъ во плоти.

Кто злобу, зависть истребляя,
 Порки гонитъ и казнишь;
 Царю кто въ правдѣ подражая,
 Вѣсь мѣды судъ и правый вѣсь и шоритъ;
 Кто знаишь, что съ душою честной
 Прѣбръишишь рай небесной;
 Кто выше щастія и бѣдъ;
 Чей гласъ — одно благотворенье;
 Чей гласъ — неправды истребленье:
 Б... съ! — это швой поришъ. —

Се ты, любитель правды, чести,
 Другъ всѣхъ людей! изображенъ
 Рукою слабой, но — безъ лести,
 Мой Благодѣтель! ты почтенъ. —
 Любимъ Царемъ и всѣхъ сердцами.
 Спущай Гигантскими шагами
 Безмерныя въ храмъ прямымъ пушемъ!
 Пущь жизни дни твоей прекрасной
 Сравнятся съ днями Феба ясна; —
 Самъ Богъ и Царь — твоей щитъ и шлемъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ПОРТУГАЛЛИИ,

Отъ Голландки къ Нѣмкѣ, ея пріятельницею.

Лиссабонъ, 16 Авг. 1799.

Въ надеждѣ, что вы, милая моя, получили письмо изъ Лиссабона съ полнымъ описаніемъ нашего путешествія изъ Голландіи въ Португаллію, которое я сама вручила на бортѣ Капитану Корабля, Принцессы Луизы, теперь беру новой листокъ, и располагаюсь отъ времени до времени сообщать вамъ, что мнѣ вспрѣпнися здѣсь любопытнаго. Еслили впрочемъ это и не будишь какія нибудь чудеса на морѣ или на сухомъ пуши, однакожъ знаю, что сердце друга съ жаромъ прилѣпится ко всякому предмету, которой будишь въ связи съ моими мыслями

или приключеніями. Въ понедѣлокъ же самой вечерѣ, какъ печальное пришествіе моего Марино помѣняло мнѣ даже кончинѣ къ вамъ письмо, мы пошли прохаживанься по валу. Но сколь велико было мое удивленіе, когда я увидѣла, что эшонѣ прекрасной снаружи по виду Лиссабонѣ есть только расписанный красками (*) гробъ! Никакъ не могу я вамъ дать описанія о крайней его нечистотѣ! Мнѣ кажется, жилиши никогда не докажутъ, чтобъ они имѣли иякъ чувствъ! какъ могли бы они сидѣть по вечерамъ на балконахъ и у дверей дому, гдѣ кучи всякой дряни, есмьлибъ имѣли обоняніе? Но вечерамъ въ десяти часовъ изъ всѣхъ окошекъ все выкидываютъ на улицы, такъ что взоры и обоняніе крайне эшѣмъ озлобляются. При всемъ томъ наблюдение численности города эшонѣ ежегодно 30,000 Голландскихъ червонцовъ! Судите по сему о здѣшней Полиціи.

(*) Познавательный.

Улицы идутъ по вѣрхѣ, по низѣ, что вмѣстѣ съ упомянутою неприличностію препятствуетъ женщинамъ часомъ выходить. Впечатлѣніе, здѣланное при первомъ взглядѣ на городъ, еще горше испортило множество развалинъ, попадающихся на каждой улицѣ. Связь идей быстро увлекаетъ къ мыслямъ о лѣности, небреженіи, безпорядкѣ и неопрятности, когда взоры со всѣхъ сторонъ поражаются такими жалкими зрѣлищами. Правда, здѣсь найдешь прекрасныя, даже и великолѣпныя зданія; но эшо почти все церкви и монастыри, да и ничего нѣтъ конченнаго. Новое вездѣ въ сохдствѣ съ такимъ великимъ множествомъ снараго, худаго и безвкуснаго, что и подлинно прекрасное не производитъ ни малѣйшаго дѣйствія.

Мы остановились въ Эспреллѣ, что есть въ самомъ лучшемъ практирѣ въ городѣ. Но ежелибъ эшотъ домъ и преогромная площадь хозяйки дѣлали указку на превосходство зданій и на красоту женщинъ Лисса-

боискихъ; то иѣ были бы сполькожѣ дурны, какѣ и эиѣ спириты. Въ иѣхѣ сноиѣ было бы ѣснѣ въ великой поспѣ, а сѣ сими лучше ѣснѣ, нежели драпѣся. На сихѣ дняхѣ мы имѣли удовольствіе испрѣпитиѣся сѣ нашимѣ одноземцомѣ Н.; онѣ прѣѣхалѣ изѣ Ишадіи, но ему пакѣ же здѣсь не полюбилось, какѣ и намѣ, и онѣ скоро думаетѣ исправитиѣся въ сѣверную Америку. Какѣ прѣятно одноземство въ чужихѣ краяхѣ! Человѣкѣ, котораго мы не знали и не видѣвали въ своемѣ отечествѣ, еѣ ондаленіи за нѣсколькѣ сонѣ миль спановиѣся намѣ любезнѣ и дорогѣ. Одна уже та мысль, что сердце его бѣснѣся сильнѣе при имени Амспердама, что и онѣ охотно разговариваетѣ о предметахѣ намѣ знакомыхѣ, которые пакѣ недавно еще насѣ окружали, — одна эта мысль дѣлаетѣ насѣ душевными друзьями. Сколь дорого намѣ не лишиѣся такой случайной испрѣчи!

Прошлую недѣлю мы въ повозкѣ ѣбо каретѣ шумѣ не сыщениѣ ѣздили въ Беллемѣ, здѣсь обѣдали

сѣ Р — скимѣ Посланникомѣ, которій, не знаю какѣ, сюда забѣхалѣ. При возвращеніи осмоирѣли Беллемскую церковь, гдѣ погребенѣ Игнецѣ де Касиро. Она особливо достопамятна по своей древности. Нѣкогда эиѣ была мечеть у Мавровѣ, и эиѣ почти одно зданіе, которое пощажено землеприсеніемѣ.

*Сент-Абесѣ, или Сступаль,
29 Августа.*

Мы прѣѣхали сюда Августа 26. Сей опасный, ошважный и многошрудный путь больше нанесѣ мнѣ безпокойства, нежели все путешествованіе изѣ Голландіи въ Португаллію. Подлинно все казалось въ заговорѣ противѣ меня, и одно худое приключеніе сѣдовало за другимѣ до послѣдней минушнѣ моего пребыванія, когда я въ колескѣ . . . скаго Консула сѣ двумя моими дѣтьми, вечеромѣ въ 11 часовѣ, на бѣшеныхѣ лошакахѣ

доѣхала до города къ Entrée glorieuse. Когда лошаки насѣ съ полчаса тащили по улицамъ, то забѣжали наконецъ въ домъ, гдѣ по щастію были остановлены, и мы получили время выпити и избавились отъ опасности, которой рѣдко кно подвергается на здоровыхъ своихъ ногахъ. Такимъ образомъ я наконецъ, поумеривъ будучи отъ страха, съ дѣтьми моими пришла въ свой домъ пѣшкомъ, гдѣ гошеры были приняты насѣ. Вы знаете, милая моя, Голландокъ не рѣдко упрекаютъ въ ибжномъ ихъ и нугливомъ характерѣ. Но я въ этомъ пунктѣ только развѣ немного подойду подъ общее правило. Человѣкъ очень много можетъ морально и физически, еслиди только есть на то важная его рѣшимость. Хорошій ужинъ и ночное успокоеніе привели опять жизненные мои силы въ надлежащій порядокъ, и я не чувствовала ни малѣйшаго нарушенія въ моемъ здоровьѣ. Какъ скоро я встала поутру, то весьма пріятно изумилъ меня величественный видъ простирающейся отъ гавани, подобно какъ

въ Амстердамъ видъ Вюйтканпта. Я сняла поначасъ легкій рисунокъ, который надѣюсь сообщить милой моей вмѣстѣ со многими другими, когда мы опять спокойно въ собственныхъ жилищахъ будемъ спѣшь у каминна. Это однакожъ выгода для всякаго молодато путешествующаго чловѣка, умѣть поначасъ въ ибсколькихъ чертахъ положить на рисунокъ по мѣстоположенію, которое онъ видитъ предъ собою. Такая способность есть источникъ многихъ удовольствий. Какъ я Гишпанію признаю за свое опечесиво, то соседственная Португаллія не могла мнѣ представить много опимѣнаго, и не справедливо было бы ожидать мнѣ того въ Сент-Иберѣ, что Кадиксъ имѣетъ въ себѣ прелеснаго. Городъ этотъ, подобно Лиссабону, гористъ, и во многихъ мѣстахъ въ развалинахъ. Мнѣ кажется, люди въ Гишпаніи гораздо жиѣе, нежели здѣшніе, гдѣ при всякомъ случаѣ, ежели у нихъ чего попросишь, отвѣчаютъ: *à Maniana, завтра, завтра, только лишь бои не сего дни!* Спорона эта

прекрасна, и вѣрно не дурна. Но туслая пыль, покрывающая всю зелень, когда нѣсколько мѣсяцовъ дождя не бывало, препяшпвуемъ увеселяться свѣжимъ цвѣтомъ, столь любезно одѣвающимъ въ другихъ мѣсяцѣхъ всю Природу.

* * *

Сентябръ 4.

Что должна я вамъ сказать, милая, о нашемъ обращеніи въ общество? То, что я до сихъ поръ видѣла, было замѣчательно для меня только по небрежности и невѣжеству. Инакъ судите, могу ли я по привычкѣ моей вспомнить безъ горести о дружескомъ обращеніи въ бывшемъ моемъ кругу? Вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ приглашала насъ къ обѣду Донна Эльвиръ. Она и сестра ея приняли насъ. Дамы большею частью говорящія здѣсь по Португальски и перековерканымъ Французскимъ языкомъ. Не охотно я говорю съ ними симъ по-

сѣднимъ, потому что слишкомъ мало у нихъ упражненія на немъ, онѣ чего и выходящія самыя странныя смѣси. Такъ одна изъ нихъ сказала: *la chaleur me fatigue. Je desire l'infirmer, même l'hiver!* гдѣ онѣ хопящія сказаны *très*, шамъ все у нихъ *trop!* Донна Эльвиръ, не будучи прекрасна, имѣетъ нѣчто онимѣнно нѣжное въ своемъ характерѣ. Она тонкой сухощавой фигуры. Мы не заспали се въ городѣ, но въ виноградникѣ, гдѣ она проводилъ дѣно, такъ какъ почти всѣ жили. Тамъ прожилъ мы и слѣдующее воскресеніе, гдѣ видѣла я всѣхъ ея пріятельницъ, которыя — пусть не погибаютъ — почти всѣ очень дурны. Онѣ совѣмъ не пудрятся, и волосы остригающія въ кружокъ, такъ какъ у насъ дѣлны. Это сопряжено будучи съ безпорядкомъ, придаетъ имъ видъ нерадивости. Платье по виду и манерѣ похоже на наше, только въ стану слишкомъ коротко и узко. Дамы въ нарядномъ платьѣ носящія шляпы, очень похожія на Турецкія чалмы, на конюрыхъ спереди насажены всѣ наполо-

щѣ и поддѣланные брильянты, какіе только у нихъ есть. Но все это безъ вкуса и порядку. Тѣ, которыхъ не имѣютъ такого богатства, довольствуются цѣпками. Шляпа глабоко прижата къ головѣ, и волосы все такъ же обстрижены. Если онѣ выходятъ, то носятъ большею частію мужскіе шляпы. А простыя женщины повязываютъ голову большимъ кисейнымъ плашкомъ. Въ другое воскресенье была я на сраженіи быковъ. Но это судая дѣтская игра противъ Гиншанскихъ такихъ же пошлѣхъ. Тамъ и самая чернь снрасно привязана къ эшамъ забавамъ.

Вообще здѣсь я встрѣчаю много убогихъ людей, и къ тому же болышой частію такъ снрасно изуродованныхъ, что хотя очень нѣтъ въ этомъ причины къ шушкамъ, однакожъ я часто слышу могу удержаться онѣ смѣха, когда смотрю на эти чудесныя фигуры, встрѣчающіяся въ публикѣ. — Прондую педью мы были на борнѣ одного корабля, гдѣ было очень пріятно. — Въ сей спорнѣ снрасно любящъ шапцы, и

хотя въ этотъ день было чрезвычайно жарко, однакожъ все продолжали шапцованъ. Одна Португальская Дама лучше повалилась на полъ, а не откачалась онѣ шапцовѣ. Настоящее общество находится еще по деревнямъ, и слишкомъ жарко дѣлать туда посѣщенія.

*
*
Сент. 16.

Я хочу, милая моя, занимать тебя иногда моимъ хозяйствомъ. — Начну съ самаго дому, чтобъ дать тебѣ обо всемъ правильное понятіе. Онѣ по здѣшнему не изъ самыхъ худыхъ. Какъ положеніе его у самой пристани, но мы имѣемъ передъ окошками не только прекрасныя виды, но и живую всегда картину. Когда бываетъ приливъ, то всякую минуту илюбки и барки проходятъ мимо нашихъ дверей, и непрерывно пѣняются воды, изъ которыхъ онѣ выгружаютъ, другія нагружаютъ. Первый эшажъ по причинѣ порту есть большею частію кладовая для

книж; взойдите по лестницѣ, и откройте дверь наверхъ, но и найдете тамъ друга въ довольно большой залѣ, возлѣ которой полуосвѣщенная комната служившій для сна. Возлѣ нее два покоя: этакъ я принуждена употребить вместо кладовыхъ, хотя они одну часть ихъ помещаютъ имѣющіе. Отъ небольшого внутренняго дворика ближайшая кухня получена свѣтъ. Этакъ лестницею выше, гдѣ живушій мои дѣти, разделены такъ же. Но что при этомъ странно показанно и можетъ подать вамъ правильную идею о горничныхъ улицахъ и домахъ, — то дверь верхней кухни имѣетъ такой выходъ, что можно перешагнуть на улицу. Моя прислуга состоятъ впервыхъ изъ повара, которой свое дѣло очень хорошо разумѣетъ, и спрятанъ на Голландской вкусъ, по тому что долго служилъ на корабляхъ компаніи. Здѣсь рѣдко употребляютъ въ услуги женщинъ, и мы принуждены были принять поначасъ двухъ яванозъ, *Асри* и *Ишроа*, изъ которыхъ одинъ взялъ на себя то, что

называется бѣлая работа въ домѣ, числится и напирать мебели, и все, что идетъ до прислуги господамъ; а другой взялся прислуживать повара и опривлять черную работу. Далѣе слѣдуетъ еврейскій Жанъ, какъ Обер-Коммандантъ, *Homme d'affaires*, *Valet de chambre* и пр. и пр. Имъ замыкается вся свита. Щастье мое, что я взяла съ собою горничную дѣвушку: ибо, не смотря на всѣ старанія, и не могла найти служанки, и здѣсь, такъ же какъ и во всемъ свѣтѣ, доброе въ каждомъ родѣ есть великая рѣдкость. Пуще всего мнѣ бѣда съ бѣльемъ. Мышь, крахмалъ и гладиль здѣсь вовсе не смыслишь; а знаешь спанья Голландскія очень близка къ сердцу. Шьюшій бѣлье довольно изрядно, а смотрѣть за нимъ не умѣющій, и посялъ изодранное, пока не останется ни рубца. Свѣстные припасы хороши и не дороги, и во всей здѣшней сторонѣ не такъ худо, какъ вы можете быть думаете; даже есть некая выгода, которой мы бы дѣлательный классъ людей не оставилъ воспользоваться. Мало не

малу я надѣюсь еще здѣлать во мно-
гомъ лучшее распоряженіе, дабы об-
легчить главные трудности, и ша-
кимъ образомъ ласкаю себя, что съ
моимъ участкомъ *терришия*, или,
если вамъ угодно, *Национальной*
флегмои, я проведу здѣсь очень при-
ятную и спокойную жизнь въ иждѣрѣ
дорогата для меня моего семейства. —

Вы спрашиваете, живутъ ли пышно въ до-
машнихъ уборахъ? Въ описаніи я со-
общаю вамъ описаніе одной изъ са-
мыхъ лучшихъ *гостиницъ*. Зала,
въ которой мы были за нѣсколько
дней, и которая не несходна со все-
ми своими соперниками, имѣетъ длину
и форму кладовой съ книгами въ
Амстердамѣ; ея стѣны безъ обоевъ,
полъ безъ паркета и ковровъ, двери
и окошки безъ всякихъ украшеній.
Мебель состоитъ въ большомъ и
древнемъ зеркалѣ съ рамами, каковы
бываютъ въ ираклирахъ: оно все
такъ замарано мухами, что надо
искусства, чтобы узнать въ немъ
свое лицо. Сей прекрасной *оптикъ*
виситъ у задней стѣны; но боковымъ

стѣнамъ сплотивъ съ посудой и виде-
ломъ шкафы, такъ какъ у повар-
ихъ на кухнѣ, а у передней стѣны
всякаго рода стулья развѣшаны
врядъ иодитъ за другими отъ просныхъ
деревянныхъ скамеекъ до самыхъ кре-
селъ, обитыхъ краснымъ сѣфьяномъ. —
Такъ - но здѣсь все въ порядкѣ! —

Съ прошедшаго воскресенья идуиъ
у насъ дожди. Здѣсь, такъ какъ у
насъ при наступленіи весны, былъ
громъ. Но какой это дождь! я начи-
наю ужъ думать о вѣпоромъ попопъ;
ибо съ того дня все еще льетъ дождь
столь же сильной. То бѣда, что око-
пикъ въ *Сени-Ибесъ* не такъ хоро-
шо закрытъ, какъ въ ковчегѣ у пра-
оща Ноя, и когда дождь при юго-за-
падномъ вѣтрѣ усилится попока-
ми, какъ домъ нашъ становится кора-
блемъ, но такой дождь называется чи-
стипельной огонь мапросской. Одна-
кожь воздухъ очень благотворенъ, и
кажется самымъ лучшимъ майскимъ.

Будьте всегда столь щастливы,
сколько желаетъ вамъ искреннѣйшая
ваша! —

М . . .

37.

ИЗОБРАЖЕНИЕ

Графини де ла Зюзе.

Какая изъ Богинь грядетъ къ намъ съ
 вышня шрона?
 Венера ль то, или Минерва, или Юнона?
 Но истины въсхъ прехъ мы видимъ въ
 ней одной:

Юнона по рождению,
 Минерва по ученью,
 Венера красной.

Съ Французскаго.

АДЕЛАИДА БУРГУНДСКАЯ,

Историческая повесть.

(Окончаніе.)

Оппо, обладатель Германіи, гитанскими шагами спремился къ величеству и славе. Удивленные народы опъ волиъ Гибра до бреговъ Эйдера преклонились предъ его скипетромъ. Венгрія признала его своимъ Государемъ. Онъ положилъ преграду возрастающей силе Даніи, и мрачные брега Бельна озарилъ свѣтомъ вѣры Христіанской. Слѣдуя чувствованіямъ сердца, вложилъ онъ наконецъ въ ножны мечъ свой, и наслаждался миромъ и спокойствіемъ. — Но вдругъ достигнувъ до слуха его жалобной гласъ Ишаліи: Государь! зывали къ нему народы шамъ обитующіе: защити, защити насъ опъ Крости Беренгаровой!... Оппо долго пребылъ въ нерѣшимости; кровавый

Томъ VII. No. 91. 82

ужасъ войны удерживалъ мстительную руку его, но соспранданіе къ нещаснымъ народамъ побудило обнажить мечъ правосудія. — Никогда не переставая изъ памяти моей на минуша, какъ я, облеченный въ одежду странника, и никѣмъ не знаемый, предсталъ предъ лице сего Государя. Душа моя изображалась въ моихъ взорахъ. Онъ дружелюбно просверъ правую руку, и съ видомъ искренности говорилъ мнѣ: странникъ! безъ сомнѣнія возвращаешься ты изъ Палестины: повѣдай мнѣ о опасностяхъ вспрѣчающихся на семъ путешествіи? Сипенаніе Христіанъ часно поражаетъ слухъ мой. Сколь бы починалъ я себя щасливѣымъ, ещда бы рука моя могла оъбодить ихъ! — Государь! говорилъ я, почитай себя благополучнымъ: тебя призываетъ на помощь гонимая невинность, тебя призываетъ на помощь спраждающая добродѣтель; ты одинъ можешь спасти ее; въ тебѣ одномъ найдетъ она защиту. Внемли жалобамъ странника! — Тогда оскорбленная душа моя изображала ему не-

щасіе Аделанды, опасностьъ Каноссы, и плачевное соспраніе Италіи. Наконецъ возопилъ я: ужасна война кровавая! спрашенъ громъ ея, возбуждающій разрушеніе. Но Ахъ! ещда ли въ поляхъ и долинахъ зной солнца праву пожигаетъ; тогда съ восхищеніемъ смотримъ на приближающуюся бурю, на черныя тучи наполненные дождемъ благодатнымъ. — Такъ, говорилъ я, и слова мои пронули сердце слушающаго. Крошкая, чувствительная душа его поспепенно огорчалась; ланипы пламенѣли, очи сверкали гнѣвомъ, яростью, и грознымъ голосомъ заклиналъ онъ себя опмстить за Аделанду. Такимъ образомъ сѣжисный унесъ съ вершинъ Альпскихъ долго угрожаетъ своимъ паденіемъ, и наконецъ при звукѣ ноцной пѣсни странника онъ слабого сего попрясенія въ воздухѣ повергаешя съ шумомъ въ долину. Онъ снялъ съ руки перстень и говорилъ мнѣ отдавая его: вручи сей залогъ Аделандѣ; вручи, и увѣрь ее о скоромъ защищеніи ея невинности.

Сынъ мой! продолжалъ онъ обращаясь къ Рудольфу, прими сей обнаженный мечъ; я препоручаю тебѣ опмстивше оскорбленіе Царицы; опмсти, и будь Государемъ Италіи. — Рудольфъ повергнулся на колѣни, приемыши мечъ павъ рукъ родителя, и увѣренныи въ своемъ мужествѣ, собираешъ полки храбрыхъ Германцовъ. Вступивши съ войскомъ въ Италію, онъ узналъ, что Беренгаръ осаждаешъ Каноссу, что крѣпость не можетъ долго противившея, что несчастной Аделаидѣ предстоитъ опасность. Сей благородной юноша удвоилъ поспѣшность войска. Скоро достигнулъ онъ до Вероны, вступилъ въ Гваспаллу, и неупомимо продолжалъ пушь до того времени, какъ лучъ заходящаго солнца показалъ ему вдали башни Каноссы. Восхищенный Рудольфъ успокоился на нѣсколько времени. Всѣ воины собрались вкругъ спавки полководца. Геройство, презрѣніе опасностей блистало въ величественныхъ взорахъ его. Каждый воинъ чувствовалъ себя храбрѣе; каждый воинъ испытывалъ крѣпость руки своей;

какъ будто бы онъ него единаго зависѣла слава побѣды. Ночь прошекла въ воспоминаніи геройскихъ подвиговъ временъ пропекшихъ; а когда зоря начала показыванше на горизонтѣ, служители оларей привѣщивали юный день торжественнымъ пѣніемъ. Громкіе гласы воиновъ къ нимъ присоединились, и священныи гимнъ воспарилъ къ небесамъ на крыліяхъ благоговѣнія. Военное знамя по среднѣ снана развѣвалось; на немъ изображенъ былъ Ангелъ, держащій въ рукъ своей мечъ мспящаго правосудія. Видъ сего знамени воспламенялъ ошважность и мужество въ геройскихъ сердцахъ воиновъ. Какъ въ хладную осень бореи шумишъ въ лѣсу дремучемъ и нагибаешъ съ шрескомъ оледенѣлыи древесъ вершины; шакъ по всему спану спальные досѣхи звучали. Каждой воинъ говорилъ пожимая руку своего товарища: Другъ! просни досады, здѣланныи тебѣ мною; вспомоществуй миѣ въ сраженіи, а я до самой смерти не разлучусь съ тобою — будь правымъ Германцомъ! —

Мужественный, отважный Рудольфъ имъ предшествовалъ. Перья на шишакъ его величественно развѣвались. Аделаида! Аделаида! вскричалъ онъ громкимъ голосомъ. Аделаида! повнорили всѣ воины, и бросились на непріятелей. Мы пробились сквозь первые ряды ихъ, и преложили кровавый пушь въ средину ополченія. — Рудольфъ искалъ взорами злобнаго возмущителя; съ презрѣніемъ ярости ожидалъ онъ минуты, чинобъ вонзить мечъ въ коварную грудь его. Но вдругъ разступились ряды воиновъ, и — какъ зрѣлище! мы увидѣли Беренгара окобаннаго цѣпями онъ своихъ сообщниковъ. Преклонивши коны предъ Рудольфомъ, говорилъ онъ: Рудольфъ! скоро ты побѣдилъ меня; но не героизмомъ, не храбростію твоею, — нѣтъ, измѣна поддыхъ рабовъ тому причиною. Теперь я твой пѣшникъ. — Такъ онъ пѣшникъ твоей! вскричали его сообщники. Мы приводимъ въ цѣпяхъ дерзкаго возмущителя. Рудольфъ! ны наша защита; предъ тобою преклоняемъ колѣни: пока-

ди насъ! Мрачныя тучи гнѣва скоплялись на челѣ Рудольфа, и слова сии: гнусны мнѣ сообщники возмущителя! какъ молнія поразили ихъ. По шомъ съ величественно обращаясь къ пѣшнику, говорилъ онъ: Беренгаръ, ты свободенъ! побѣда, пріобрѣтенная измѣною, не есть побѣда. — Германцы достигаютъ славы своимъ оружіемъ. Не ослабѣла еще рука, покорившая нѣкогда Датчанъ и Гуиновъ; повинуйся добровольно законамъ! — я есмьли твоя совѣсть не принудитъ тебя помиланъ ихъ, ты принудитъ къ шому оружію. Рудольфъ умоажъ, робкіе измѣнники не могли понять словъ его; но мы проникли мысль Героя, и громкое восклицаніе воиновъ по ясно подивердило.

Возмущители разсѣялись. Освобожденный Беренгаръ скрылся въ толпѣ ихъ. — Рудольфъ! торжествуи, наслаждайся чувствами достойными челоука! никто еще не достигалъ до сей степени величества. — Ахъ! теки, теки слеза возмущенія изъ очей мо-

ихъ! — Я какъ теперь вижу образъ великодушнаго сего побѣдителя: онъ, подобно полубогу, стоялъ среди восклицаннаго воинства, опустилъ къ землѣ щитъ, и съ сожалѣніемъ на лицѣ изображенномъ сморщилъ въ слѣдъ Беренгара.

Но, ахъ! вдругъ изъ удаляющейся толпы мятежниковъ коварная стрѣла поразила его. Увы! она покрыла вѣчнымъ мракомъ очи Героя. Палъ знаменитый Рудольфъ. — Въ безмолвіи окружилъ шуршъ ужаснувшіяся воины. — Но да не умолкнетъ пѣснь моя! — нѣтъ! я воспую мщеніе раздраженныхъ сыновъ Германіи. Подобно ударамъ грома, преслѣдовало оно толпу мятежниковъ, цѣпущія долины Умбріи покрыла шуршами, оросило ихъ кровью. Освобожденная Каносса вознесла чело свое, и съ восхищеніемъ, съ сердечнымъ воспоргомъ сибидь къ Аделаидѣ.

Она приняла отъ меня драгоценный залогъ помощи, и смывши его горя-

чими слезами, говорила мнѣ: Возо! сей персень обогрѣй кровью великодушнаго Рудольфа: я хочу видѣть огорченнаго родителя его. Но ахъ! онъ буденъ проклинаетъ Аделаиду. Я лишила его сына; пойдемъ, пойдемъ къ сему оскорбленному Государю. Я упаду къ ногамъ его, обниму его колѣна, пролью слезы благодарности. — Я не пропитался ея желанію, и въ продолженіи путешествія извѣстивъ ей сонъ, которой она видѣла предъ смертію супруга. Аделаида! говорилъ я: вѣнчисной дубъ означалъ Германію, куда при хладномъ вѣяніи зефира призываюшь небдѣшница и спокойствіе,

Мы предстали предъ лице Госудря, въ то время, какъ плачевное извѣстіе поразило его. Увы! возопилъ онъ: Рудольфъ! сынъ любезной моей Эдифы! ны поибъ въ цѣпущемъ возрастѣ; ны оставилъ меня при спаросилъ моихъ; но я хочу довершить начатое побоею. — Говоря сіе, взялъ онъ священное копіе, которымъ нѣкогда

рука Константина поражала лзычниковъ. Воины Германіи, какъ громомъ пробужденные, спеклись вокругъ Государя своего. Тренещи, пренещи, Беренгарь! мечь обнажь, чтибъ принудить тебя покоришься законамъ. — А ны, погруженная въ пыжкую гореснь, Аделаида! уиѣшайся приближеніемъ щаспія. — Зри, пыль облакомъ крупится въ воздухъ; виемлі, удары подковъ глухо звучатъ въ ондаленности; не предавайся унынію: скоро предшавешъ Ошию защищатъ тебя: —

Въ долиѣ Веронской встрѣпили мы приближающееся его ополченіе. Чувствительность, благодарность Аделаиды, и добрыя свойства великодушнаго Государя Германіи сблизили сердца ихъ, и любовь, соупница благодарности, не умедлила оцщасливить чену сію. Священный союзъ заключенъ былъ прежде, нежели пренещуція усна ихъ могли произнести единое слово. Великодушной защитникъ! говорилъ

Аделаида: я жертвую тебѣ всемъ, чтио мнѣ принадлежиѣ по праву изелѣдсшеа, какъ единственной дочери Рудольфа и супругѣ Лошарія. И еспыли моя похищенная, еспыли она ондаленъ тебѣ права родителі, и съ иѣжною улыбкою взглянешъ на обонхъ насъ: — ахъ! тогда будешъ щасливъ союзъ сей, и я на вѣки буду пвоею. —

Такъ говорила она, и восхищенный Ошию, препрождаемый ею, вступилъ въ гордую Верону. Жители города осыпали пышь ихъ цѣбшами. Будь щаслива, коронающая чена супруговъ! говорили они, будь щаслива, и возврати намъ блаженство занаго вѣка. —

Но Герой Германіи, неутомимый въ своемъ предиріиши, оиказался отъ спокойсшия призывающаго его въ свои обѣянія. — Соупсщивуемый Аделаидою, савдовалъ онъ за Беренгаромъ. Побѣда и ужасъ предшешзвали

его ополченію. — Воспрещеналъ измѣнникъ, видя приближающееся войско ... Подобно какъ пощіяя пшеница, спрашась восходящаго солнца, кроушится въ мрачныхъ ущелинахъ горы каменистой: такъ посрамленный Беренгаръ, терзаемый стыдомъ и раскаяніемъ, скрылся въ Леопольсбургъ, въ крѣпости, построенной на высокой скалѣ облаковъ доспигающей. Прѣнѣнъ, мщеніе себя преслѣдуешъ! Зри, оно чернѣетъ вокругъ тебя какъ грозная туча. — Беренгаръ! приближается часъ рѣшишельный, въ который получишь возмездіе за всѣ злодѣянія. Но ты не внемлешь, убѣдишельному гласу совѣсти, не внемлешь словамъ твоего Государя; ты съ презрѣніемъ взираешь на всѣ приговоренія къ осадѣ. Такъ знай, что гладъ, сей неумолимый врагъ челоуѣчества, покоришь тебя.

Съ блѣднымъ лицомъ, со впадшими очами, поснался онъ восемь ужасныхъ мѣсяцовъ надъ замкомъ. Наконецъ, подобно какъ изъ града опустошае-

мало моровою язвою слышенъ унылый колокольный звонъ, возбуждающій погребеніе. Такимъ образомъ при угрешеніи сумракъ услышали мы пощюитъ гласъ осажденныхъ, просящихъ себя пощады, и вскорѣ увидѣли Беренгара и Виллау, сходящихъ медленно съ крутизны утеса. — Не прещеще, несчастные! Ишь, карашъ наказаннаго судьбою, есть пища души подлой и низкой. —

Чувствительный Юппіо не могъ видѣть сего позорища блѣдності. Операвившись, отеръ онъ слезу сопраднія, умолкъ, и погрузился въ размышленіе. Вилла къ нему приблизилась. Она несла на рукахъ Эмму, и просила себя и Беренгару пощады. Печальные взоры побѣдишель озарилась лучемъ радости. Самъ Богъ, вскричалъ онъ, самъ Богъ спасъ невиннаго младенца сего! Онъ вразумилъ насъ, чтобы вы его пощадилн. Живите, несчастные! да будете къ вамъ сколько же милосердѣ Судія въ день судный. — Великодуш-

ный Ошино хотѣлъ еще говорить, но былъ уже не въ силахъ. Преступники скоро удалились изъ виду воиновъ, и въ предѣлахъ Франконіи влачили жизнь уединенную и несчастную.

Умолкни, пѣснь моя! Кто дерзнулъ воспѣть сладостныя чувства мавери? Когда Ошино привелъ обрѣщенную Эмму къ Аделаидѣ, покрасившею крѣпкимъ румянцемъ, пала она тогда въ объятія своего защитника. — Умолкни, умолкни, пѣснь моя! Хаала блаженной четвѣ супруговъ разделяется еще въ предѣлахъ Ишалія. Глазъ благодарности заглушаетъ звукъ моей лиры. Онъ соединяется съ величественнымъ шумомъ рѣкъ Ню и Дуная. Благо мнѣ! я видѣлъ, какъ счастье народовъ соединено было съ счастьемъ сихъ супруговъ. Теперь спокойно лягу въ могилу.

Блаженъ, кто бывши долго жертвою превращеніемъ фортуны, уда-

лился наконецъ въ ширину уединенія! Онъ, пробѣгая иногда мысленно происшествія случившіяся съ нимъ въ жизни, утѣшается тѣмъ, что достигъ спокойно припанища.

Завидуи мнѣ, юноша! я наслаждаюсь симъ счастьемъ. Съ восхищеніемъ удался я изъ Гарденской обители: но радости, довольствія возвратился къ берегамъ симъ; зри, уединенная моя хижина хоня и мала, но служилъ мнѣ защитною стѣною дождя и шпрровъ. Изъ нее можно видѣть положеніе всей окрестности. Удары вѣсовъ, видъ шаросовъ, и удаленность путешественники не имѣютъ болѣе на меня прежняго дѣйствія; страсти мои уже поухли. При звонѣ колокола на башнѣ, покрытой мхомъ, при шумѣ озера и роши, сердце мое наполняется пріятными чувствами; і я надѣюсь, о Творецъ Природы! что и унылой звонъ послѣдлаго часа жизни моей не усмирятъ моей души. Я подобенъ сиранику, послѣдующему въ объятія своего роди-

шедя. Онъ съ нетерпѣливостію ожидаеиъ дня, долженсвующаго соединеніи ихъ. Наконецъ послѣдняя ночь наступаетъ; цѣлымъ вѣкомъ она ему кажется, и гласъ его соупитника, возвѣщающій восхожденіе деицы, пріемленъ онъ за гласъ Ангела хранителя. Такимъ образомъ и я теперь ожидаю послѣдней минуты, которая призветъ меня къ вѣчности.

Перевелъ съ Нѣмецкаго Г. Каленъ.

Казань,
1800.

41.

Д Е Н Ъ

ЗЛОДѢЙСТВА и МЩЕНІЯ,

Драматическій отрывокъ, выбранный изъ изустныхъ преданій.

Дѣйствующіе:

ГРАТЬ, Петръ Лѣвничій.
 МАРГАРИТА, супруга его.
 МАРІЯ, { дочери ихъ.
 ЛИЗА, {
 БАНИТЬ ЗЕЛЬСКІЙ.
 ПРЕЛЕСТА, его подруга.
 ВООЗЪ, Еврей.
 ЧЕРНОМОРЪ, { начальникъ Черномор-
 ЖЕЛѢЗНЫЙ, { скихъ козаковъ бѣжавше
 изъ унитоженной Сѣчи.
 МУЗЫКАНТЪ.
 ДАРЬЯ, горничная Прелесты.
 РЖЕВСКІЙ, помѣщикъ.
 Садовникъ.
 Слуги Банитовы, козаки, пѣшые и пр.

Дѣйствіе въ Польской Украинѣ.

Часть VII. No. 92.

23

ДЕНЬ ЗЛОДѢЙСТВА и МЩЕНІЯ.

1.

У Т Р О .

(Госредствѣнная, но довольно чисто убранная комната. На стѣнахъ ибсвольго картинъ; въ углу стоить фортепьяно. А Бенциій и Маргарита обнимаются.)

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

Здравствуй, здравствуй, Маргарита! — Овъ чегожъ ты такъ печальна? Ты сильно перемѣнилась! Для чего перенесла сюда домъ, — и въ такой бѣдѣй —

М А Р Г А Р И Т А.

(съ улыбкой утирая слезы.)

Ахъ, другъ мой! посмотри вокругъ себя — и ты прочтешь оцѣвѣнъ. —

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

(Осматривая кругомъ комнату.)

Правда, правда! уже болѣе не вижу я тѣхъ великолѣпныхъ картинъ, тѣхъ огромныхъ зеркалъ, копорыя украшали прежде замокъ Графа Лѣсницкаго. — Но — еснъли у насъ оспалось то же спокойствіе — я доволенъ.

М А Р Г А Р И Т А.

Но — (оздыхаетъ) еснъли и этого не сыщешь, любезный старикъ! (плачетъ.)

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

Маргарита! ты плачешь? перестань! 25 лѣтъ живемъ мы вмѣстѣ — и я въ первой разъ вижу такія слезы.

М А Р Г А Р И Т А.

Ахъ! еснълибъ и ты зналъ наше несчастіе — и ты бы не былъ такъ равнодушенъ.

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

Пусть правящая сила опинметъ у меня все имѣніе! пусть пожаръ попалянъ мой замокъ, сады, лѣса — пусть наводненія Дибира опшонянъ снада моя — до конхъ поръ я сохранио честь свою — Маргарита! повѣрь мнѣ — я спокоенъ! Богъ, допустившій просинрать лѣбую руку для принянна милоснннн — позволинъ правую убинъ того, кто осмѣлился сказанъ: это безтеснннн снарикъ!

М А Р Г А Р И Т А *плачетъ.*

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

Что это! я не думалъ, чтобъ умная, добрая жена моя была такъ малодушна.

М А Р Г А Р И Т А.

Петръ! сурругъ мой! ты такъ спокоенъ, надбась на честь своего; — но еснъли я — Боже мой! — еснъли я при-

нуждена буду сказать тебѣ — что мы
лишились и чести. . . (рыдающе.)

Л Ъ С Н И Ц К И Й.

(горестно, но твердо.)

Нѣтъ! Богъ милосердѣ! одного не
поразишь двумя ударами. (убрительно)
Мы не потеряли своей чести.

М А Р Г А Р И Т А.

Оеспылибѣ это была правда! ты не
засталъ бы дому своего въ такой бѣдно-
сти и жены своей въ слезахъ. — Не по-
жаръ и не попой, не Божескія силы
поразили насъ, — но человекъ, человекъ
причиною нашей бѣдности и поношенія.

Л Ъ С Н И Ц К И Й.

И такъ мы лишились чести! Марга-
рита! извини меня; ты добрая и умная
моя супруга, ты плакала о потеряннѣ
своей чести. — Но какимъ образомъ? кто
могъ? — Боже мой!

М А Р Г А Р И Т А.

Ты хочешь это знать?

Л Ъ С Н И Ц К И Й.

Хочу.

М А Р Г А Р И Т А.

И въ состояніи выслушать?

Л Ъ С Н И Ц К И Й.

Говори.

М А Р Г А Р И Т А.

(съ шломъ иѣмъ? горе-
сти выходитъ въ бока-
чую комнату.)

Л Ъ С Н И Ц К И Й.

(Садится въ кресла.)

Что это? что это? одинъ годъ оп-
лучки сколько здѣлалъ! — я лишился
богатства — это ничего; — я лишил-
ся чести — клянусь Богомъ — я не за-
служилъ сего.

М А Р Г А Р И Т А.

(Идетъ съ младенцемъ.)

Посмотри на это дитя — и естѣ-
ли ты не содрогнешся — естѣль не за-
кинулъ въ шею кровь —

Л Ъ С Н И Ц К И Й.

(перебегаетъ съ дикимъ взоромъ.)

Опущеніемъ потерянной чести, —
что я не достоинъ даже называться чело-
вѣкомъ, мужчиною. Боже мой! я пони-
маю, понимаю спрашивую, мучительную
загадку, и предчувствую ее рѣшеніе. —
Это . . .

М А Р Г А Р И Т А.

Взвукъ твой!

Л Ъ С Н И Ц К И Й.

(съ улыбкою просит садиться.)

Что жъ? нѣмъ лучше. Богъ благо-
словилъ домъ мой надобордѣемъ; раду-
юсь! —

МАРГАРИТА.

(Съ безпокойствомъ.)

Петръ! что тебѣ здѣлалось?

ЛЪСНИЦКІЙ.

(Съ сѣщенствомъ на лицѣ медленно поднимается, и закрывъ лице обѣими руками, склоняется къ стѣнѣ.)

МАРГАРИТА.

Петръ! мущина! ты упрекалъ меня малодушіемъ!

ЛЪСНИЦКІЙ.

Боже мой! Боже мой! я и не воображалъ сего!

МАРГАРИТА.

Ушѣшься, старикъ! ушѣшься.

ЛЪСНИЦКІЙ.

И ты можешь меня ушѣшить?

МАРГАРИТА.

Могу, супругъ мой! я знаю тебя, знаю ильскій нравъ твой, — но и твою рассудительность, — все это знаю, и надѣюсь тебя ушѣшить!

ЛЪСНИЦКІЙ.

Чѣмъ?

МАРГАРИТА.

Тѣмъ, чѣмъ ушѣшается несчастный въ темницѣ, на что надѣется бѣднякъ, скидающийся въ снѣгахъ Сибирскихъ, и что осмалось у насъ единственнѣмъ

ушѣщеніемъ — это святая увѣренность въ своей невинности.

ЛЪСНИЦКІЙ.

(Хочетъ.)

Невинности? — Это дитя каждымъ своимъ движеніемъ, своимъ плачемъ и улыбочкою напоминаетъ намъ, сколько мы невинны! Увѣренность въ невинности?

МАРГАРИТА.

Подозрительный старикъ! клянусь небомъ — наша дочь, Марія невинна!

ЛЪСНИЦКІЙ.

Жена! не напоминай мнѣ болѣе ея имени. При каждой обѣ ней мысли сердце мое поспѣ — я чувствую судороги.

МАРГАРИТА.

Клянусь небомъ, Марія невинна! — Ты прожилъ уже полвѣка, и до сихъ поръ не знаешь, сколько страдала подобнымъ образомъ невинность. Да и можешь ли слабая, осмнадцатилѣтняя дѣвушка противиться шопъ развращенныхъ похитителей?

ЛЪСНИЦКІЙ.

Маргарита! я весь въ безмятествѣ. Почти ничего не понимаю. — Скажи, что здѣлалось во время моего отсутствія? Господи! Ты казнишь меня жестоко. Маргарита! расскажи мнѣ все, все. — Странись извинять дочь, есльи она виновна!

МАРГАРИТА.

Послѣ шого роковаго дня, когда ты поѣхалъ отвезши сына своего въ козацкой полкъ, скука и уныніе разсѣялись по всему дому. Соеѣдка наша Маршалша Б° просила меня къ себѣ въ деревню, ошѣ насѣ версшахѣ въ пашпадиши. Чего опасаться? я взяла меньшую дочь Лизу, и поѣхала. — Не успѣла я пробыти шамѣ двухѣ дней, какѣ прискакалъ парочный, и просидѣ, чтошѣ мы какѣ можно скорѣе воронились. — „Тутѣ нужна помѣщи, говорилѣ ошѣ, надобны люди, — Я взяла вооруженныхѣ Маршаловыхѣ людей, и поскакала. Но, Боже! что я увидѣла! замокъ нашѣ пыдалѣ въ огнѣ. Крикѣ и вопль наполнялѣ воздухѣ, и я не знала что начать. „Вѣги за нимѣ! кричали крестьяне, ошѣ еще не далеко! — Кто? „Бандитѣ Зельскій! ошѣ увезѣ Марцю!“

А Б С Н И Ц К І Й.

А! злодѣй! извергѣ!

МАРГАРИТА.

Представѣ себѣ мое положеніе, мою материнскую любовь и опчаяніе. Едва я могла сказать, чтошѣ за нимѣ поскакали. Одинѣ изѣ крестьянѣ повелѣ ихѣ.

А Б С Н И Ц К І Й.

(*Влетѣ себя съ любовью.*)

За чѣмѣ я отпаучался!

МАРГАРИТА.

Между шѣмѣ въ 5 часовѣ пламенѣ урхилилѣ почти все, что оставили намѣ наши предки и мы прѣбщили. Долго ждала я посланныхѣ — наконецѣ они воронились; 6 человекѣ изѣ нихѣ убито, нѣсколькѣ ранено, и они прѣбщали, едва спаслись ошѣ пораженія. Жаркое было между нами и злодѣемѣ сраженіе, — но ошѣ побѣдилѣ; рабы наши прогнаны, и ошѣ въ триумфѣ съ Марією возвратился въ замокъ.

А Б С Н И Ц К І Й.

Переснянѣ, переснянѣ! Горестѣ жала мое сердце — я едва могу дышати. (*съ силою пересодя духѣ*) Боже!

МАРГАРИТА.

Тутѣ - шо сердце мое разорвалось на части. Я собрала шо, что на мнѣ было драгоценнѣйшаго, и шо, что могли спасти добрые крестьяне; отправилась въ штонѣ лѣсѣ, и въ самомѣ укромномѣ мѣстѣ построилась, дабы по крайней мѣрѣ посторонніе не слышали моихѣ воплей. Въ семѣ заоченіи прожила я два мѣсяца, и не было руки, которая могла бы очерпѣ мои слезы.

А Б С Н И Ц К І Й.

И я не получалѣ ни малѣйшаго извѣстія!

МАРГАРИТА.

Много разъ писала я къ тебѣ, но отъ тебя не получала ни строчки. Впрочем наши письма не доходили!

Л Ы С Н И Ц К И Й.

Чтожъ Лиза? милая наша Лиза? не ужали и она не могла тебя утѣшить?

МАРГАРИТА.

Малышья ласка ея казалась мнѣ тогда няготною, каждую улыбку ея почтала я почувствованіемъ махерней горести. Я плакала, чтобы весь свѣтъ со мною плакала.

Л Ы С Н И Ц К И Й.

(Склонился къ столу, подперъ голову обѣими руками.)

МАРГАРИТА.

Однажды ночью, когда Лиза предъ образомъ Богоматери читала вечернюю молитву — и я сползла подлѣ нее на колыняхъ и рыдала — увидѣли мы привидѣніе вошедшее къ намъ въ комнату. Лиза вскрикнула и упала ко мнѣ на руки. Холодный потъ выступилъ у меня по всему тѣлу, — но я окаменѣла — когда это привидѣніе бросилось ко мнѣ на шею, и назвало своею махерю.

Л Ы С Н И Ц К И Й.

Это была —

МАРГАРИТА.

Марія. — Лице ея было блѣднѣе мрамора; вѣсные глаза ея здѣлались бы ровны оныи всегдашнихъ слезъ; слотомъ, она походила на скелетъ, одѣтый въ женское платье. — Я упала ея, обняла съ шрепетомъ, и обѣ безъ чувствъ упали на полъ.

Л Ы С Н И Ц К И Й.

Боже! что безъ меня душъ было! — Какъ же она могла спастись?

МАРГАРИТА.

Ты знаешь Зельскаго. — У этого адскаго сластолюбца замскъ всегда наполненъ дѣвками; но изъ всѣхъ ихъ есть одна пишеница Ржевскаго. —

Л Ы С Н И Ц К И Й.

Ржевскаго! — такъ и Прелесту похищали?

МАРГАРИТА.

Благодари Бога, спарикъ — мы не такъ еще недасны, какъ ты воображаешь. — У насъ похищали дочь; — но Прелестна предала своего благодѣтеля и ушла къ Башишу.

Л Ы С Н И Ц К И Й.

Бѣдный другъ мой!

МАРГАРИТА.

Къ ней — но привязанъ оныи преимущественно, — и она натурально — не можешь терпѣть совмѣстницы. — Она

подобрала ключи къ темницѣ Маріиной, и дала ей свободу съ нѣсколькими десятками другихъ жершѣвъ, которыхъ почитала она опасными красотъ своей; — прочія и понынѣ помянся въ подземельяхъ.

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

И какъ дочь моя была въ темницѣ? — моя Марія помилась въ подземельяхъ?

М А Р Г А Р И Т А.

У него только тѣ пользуются свободою и богатствомъ, кошорыя жаждутъ его обьявить и сами стараются предъстипить его; — но кто защищаетъ свою невинность, тотъ гонимъ въ подземныхъ погребахъ, и не видитъ свѣта Божія; такова была участь Маріи.

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

(*смотрятъ на нее пристально.*)

При всемъ томъ она не могла спасти невинности?

М А Р Г А Р И Т А.

Прежде нежели пришла она къ себѣ отъ обморока; — она — другъ мой, — повѣрь, что Марія при всей винѣ своей самое невинное швореніе.

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

Благодарю Тебя, Боже, благодарю Тебя! моя дочь не была предлюбодѣйцею!

М А Р Г А Р И Т А.

Спустя нѣсколько мѣсяцовъ послѣ своего позвращенія, она мало по малу оправилась: — прошло извѣстное время — она здѣлалась мащерью.

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

(*дикое смотритъ на дѣтя.*)

Такъ, это онъ! видала ли когда нибудь што изверга?

М А Р Г А Р И Т А.

Нѣтъ!

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

Божусь честно — это онъ! смотри, тѣ же глаза, носъ, брови, та же злодѣйская улыбка; — это будетъ извергъ, подобный отцу своему! онъ не внукъ мой. —

М А Р Г А Р И Т А.

Минутальный старикъ! чѣмъ виновно это бѣдное швореніе? — Или сынъ обязанъ отвѣчать за преступленіе отца своего? Нѣтъ, другъ мой! это сынъ невинной Маріи — нашъ внукъ. — Милый младенецъ! (*цѣлуетъ дѣтя.*)

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

(*послѣ нѣкотораго молчанія.*)

Введи сюда дочь мою.

М А Р Г А Р И Т А.

Успокойся. —

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

Я хочу ее видѣть. (*Маргарита съѣздитъ*) Я рѣшился. Пусть потерялъ я свои замки, свои вѣнчики, пускай лишился я сокровища оставленныхъ предками; — я не потерялъ еще бодрости, не лишился чувствованія чести, или мнѣ вдохновеннаго. — Такъ! я принужу его! — о! не надѣйся Бабушъ на множество наемниковъ себя окружающихъ; не надѣйся на широкіе рвы, каменная стѣны тебя защищающія, — не надѣйся! мгновеніе, мгновеніе оскорбленной чести постигнетъ тебя и въ могилѣ! — Гей! Иванъ!

С Л У Г А (*входитъ*).

Что прикажете?

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

Будь готовъ; заряди цѣ пары пистолетовъ и пригонишь по кинжалу — мы ѣдемъ. (*слуга уходитъ*) Мщеніе оскорбленной чести постигнетъ тебя и въ могилѣ!

(*Маргарита съ Марією входитъ*).

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

(*Алеко смотритъ на нее съ уваженіемъ и въжностію и состраданіемъ*).

Марія! дочь моя!

М А Р І Я.

(*Съ плачемъ поворачиваетъ къ ногамъ его.*)

Бабушка! бабушка!

Л Ъ С Н И Ц К І Й

(*Прижимаетъ ее къ груди.*)

Ты невинна!

М А Р І Я.

Богъ свидѣтель!

(*Маргарита подходитъ къ колыбели, लेकरъ дитя и цѣлуетъ*).

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

Такъ! Онъ свидѣтель невинности, и беззаконія злодѣевъ! былъ свидѣтелемъ нечестія, и будетъ свидѣтелемъ казни. Встань, дочь моя моя! милая, любезная дочь! Обними меня! дай мнѣ поцѣловатьъ себя. (*цѣлуетъ ее*) Этому родителескій поцѣлуй будетъ знакомъ шире примиренія съ невинностію. — — Гдѣжъ сынъ твой?

М А Р І Я

(*Съ стыдливою подноситъ къ нему младенца.*)

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

Это сынъ твой — мой внукъ! — (*задумывается. На лицѣ его показываются знаки ярости.*) Внукъ ошъ шакого зяня!

М А Р І Я.

Бабушка! что вамъ? —

Л Ы С Н И Ц К И Й.

Ничего, ничего, дочь моя! дай мнѣ своего сына; я пойду съ нимъ. —

М А Р И Я

(съ робостію.)

Куда, батюшка?

М А Р Г А Р И Т А.

Куда?

Л Ы С Н И Ц К И Й.

Молчише, мои милыя! я скоро буду. Ивай!

С Л У Г А

(сходитъ.)

Л Ы С Н И Ц К И Й.

Готовъ?

С Л У Г А.

Совсѣмъ.

Л Ы С Н И Ц К И Й.

Ну, прощайше! — Между шѣмъ Марія будь готова. Еслии я пришло къ тебѣ записку, то ны вѣрно ее исполни. — Гдѣжъ Лиза? я съ нею и не видался.

М А Р Г А Р И Т А.

Она спитъ еще. Вчера вечеромъ сильно уснула.

Л Ы С Н И Ц К И Й.

Послѣ увидимся. (уходитъ съ слугою.)

КОМНАТА ВОЗОВА.

(На сѣнцахъ видно богатое украшеніе, между прочимъ мраморная группа, гдѣ Грации убиваютъ обидками бюстъ Эпикуровъ.)

В О О З Ъ

(Разсматриваетъ портретъ Лизы.)

Ну, кажуся моею бородою, — лучь солнца на такъ прекрасенъ, какъ свѣтъ очей ея, даже на колосѣ. Она вдвое, впрое, несравненно прекраснѣ Прелестны — а я не люблю ее! Но эшотъ дьяволъ развраща и безсмыслена для меня кажецца Ангеломъ. Поспой! не уже ли я, — я, котораго кинжалъ прониклъ шемницы, освобождалъ виновныхъ и заключалъ невинныхъ; котораго остроуміе возмущало тысячи протіевъ начальства, — не уже ли я долженъ поминься у ногъ ея и рабски жданы рѣшенія? Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! я объянюсь. Одишь взоръ рѣшилъ все. Благопріянный будешь ядомъ для Баниша; — презрительный — образилъ на нее всѣ ужасы ада. (думаетъ) Такъ! сначала долженъ я посѣять между ими ненависть, или по крайней мѣрѣ несогласіе. — Адскіе духи! клязи буйства и раздора! одушевише меня своимъ пламенемъ; вдохнише въ меня свои силы — и ешьли я уснью — я вѣчный рабъ вашъ!

Часть VII. No. 93.

КАБИНЕТЪ БАНИТОВЪ.

БАНИТЪ и ВООЗЪ.

БАНИТЪ.

Ну!

ВООЗЪ.

Дно значить спросишь: можешь ли ты различить красавицу отъ посредственной?

БАНИТЪ.

Ну, хоть бы и шакъ! Чижъ, не бошь ты значокъ?

ВООЗЪ.

Хотя и не великой, однако Турецкѣ Пани наперерывъ шарались покушать невольницъ у Вооза.

БАНИТЪ.

Право! поздравляю тебя знаткомъ женской красоны. — Скажижъ мнѣ, много ли у тебя бывало шакихъ красавицъ, какъ Прелесна?

ВООЗЪ.

Ни одной.

БАНИТЪ.

Какъ шакъ?

ВООЗЪ.

У меня не было ни одной посредственной.

БАНИТЪ.

Посредственной? — По этому Прелесна —

ВООЗЪ (кольно.)

Самая посредственная дѣвка.

БАНИТЪ.

Ты ажешь, Воозъ!

ВООЗЪ.

Помните ли вы Марію, дочь Петра Лвсницкаго? ту самую, которая съ полтора году назадъ сидѣла у насъ въ шюртъ и ушла?

БАНИТЪ.

Да, она прекрасна! но признайся, что Прелесна гораздо милѣе, привлекательнѣе? —

ВООЗЪ (выразительно.)

Марію можно было побѣдить только въ обморокъ; — — однакожъ не обѣ ней дѣло — у нее есть сестра. —

БАНИТЪ.

Сестра?

ВООЗЪ.

Которая несравненно прекраснѣе вашей Прелесны; — и ешьли невинность дѣвушки что нибудь значить и возвышаетъ ее въ глазахъ мужчинъ, то Лиза

отолько превосходитъ Прелесту, какъ молодая, еще неразвернувшаяся роза полуотцвѣтшій шиновникъ.

БАНИТЪ.

Да не влюбленъ ли ты въ нее?

ВООЗЪ (*показывая портретъ.*)

Мнѣ кажется и невлюбленные глаза отличаютъ жившій небесный огонь певничности отъ погасающаго пламени расплавленнаго сладострастия. Скажите сами, Банитъ, можетъ ли Прелестна похвалиться этою смѣсю — шонкою, таинственною смѣсю розъ и лилей, и вообще этою гармоническою нѣжностію; скажите сами?

БАНИТЪ. (*углубясь въ разсмотрѣніе портрета.*)

Правда, правда! (*вспыхнувъ.*) Воозъ, гдѣ ты взялъ этошъ портретъ?

ВООЗЪ.

Купилъ у крестьянина, которой сохранилъ его во время пожара, — помнишь, Банитъ, при похищеніи Маріи? —

БАНИТЪ.

Воозъ! сегодня же шель тосо червонныхъ, ешлы достанешь подлинникъ.

ВООЗЪ.

Что прикажете, Банитъ? — А! признайшесь, что я знаюкъ женской

красоты, и что красавица ваша не годится къ Лизъ и въ горничныя?

БАНИТЪ.

Правда. — — Воозъ! ты меня узнаешь! я хочу достать ее —

ВООЗЪ.

Трудно.

БАНИТЪ.

Однакожь не невозможно?

ВООЗЪ.

Почти не возможно! По похищеніи Маріи снаруха поселилась въ Заднѣ-урокскомъ лѣсу, на рубежахъ Россіи; а шамъ ее и чоршъ не достанешь. Со всѣхъ сторонъ озера, болоты, чащи — да и прежде нежели къ ней продерешься, достанешься какомунибудь медвѣдю.

БАНИТЪ.

Не ужъ ли нѣтъ надежды?

ВООЗЪ.

Банитъ! (*тихо.*) вспомните, у васъ есть Прелестна; — а всякая хорошая женщина ревнива.

БАНИТЪ.

Пусть будетъ она болѣе, нежели женщиной, пусть будетъ дьяволомъ: я и шущъ ею не уважу. — Я теперь рас-

проганъ. — Иду въ садъ — а ты подумай о планахъ. Издержекъ жалѣнь не надобно. (*уходитъ*)

В О О З Ъ.

Браво! браво! начало положено. Вивать, Воозъ! — А! это и она; — съ нею я что-то не шакъ боскъ. — Но она женщина!

П Р Е Л Е С Т А. (*входитъ*)

Гдѣ Банниъ?

В О О З Ъ.

Онъ теперь, Сударыня, занятъ мыслями — и одинъ. —

П Р Е Л Е С Т А.

Какъ будто я не могу быть участницею его мыслей!

В О О З Ъ.

Извинице. Я замѣнилъ, что гдѣ участвуешь Прелесна, шамъ Воозъ не имѣешь мѣсна; гдѣ позрѣннымъ Воозъ, шамъ ивишь мѣсна для Прелесны.

П Р Е Л Е С Т А.

Право! шакъ это его мысли? ты знаешь?

В О О З Ъ *улыбается*

П Р Е Л Е С Т А.

Я иду къ нему. —

В О О З Ъ.

Не лъзя.

П Р Е Л Е С Т А.

Не лъзя!!

В О О З Ъ.

По крайней мѣрѣ я прошу васъ объ этомъ. Вы сами узнаете, Сударыня, что когда свѣшится солнце, шамъ луна блѣдна, и едва, едва примѣтна. — Ахъ, извините; какъ я неостороженъ!

П Р Е Л Е С Т А.

Это значить . . .

В О О З Ъ.

Я всегда, Сударыня, былъ къ вамъ сердечно преданъ; — но вы сами знаете, — одно лишнее слово будетъ мнѣ стоить жизни.

П Р Е Л Е С Т А.

Небось, небось, Воозъ! клянусь тебѣ, — я не скажу ни одного лишняго слова, не здѣлаю ни одного неосторожнаго взгляда.

В О О З Ъ. (*показываетъ портретъ Аннѣ*)

Посмотрице, Сударыня, вотъ новая обладательница его сердца, и можешь быть сего дня же раздѣлишь . . .

ПРЕЛЕСТА (съ намернувшимися слезами отворачивается къ окну, и поправляет ожерелье, садится въ креслы.

ВООЗЪ.

Какова вамъ кажется новая его обладательница, — женщина идола, по которому выдыхаетъ уже нѣсколько недѣль?

ПРЕЛЕСТА.

Недѣль? — вѣроломный! не всякой ли день видѣла я оиъ него новыя доказательства его любви!

ВООЗЪ.

И я-было осмѣялся ему это предсказать, но оиъ ошѣчалъ съ улыбкою, — что не одиъ женщины умѣютъ прищипываться, и въ одинъ часъ ласкать мужа и награждать любовника.

ПРЕЛЕСТА.

Дьяволъ! — не для него ли я предала отца, осинавила милого молодого человека, который любилъ меня? — я все, все осинавила — а оиъ — оиъ — подай! (смотритъ на портретъ, — потомъ критически улыбается.) Скажи, Воозъ, справедливо, находишь ли ты въ ней какое нибудь преимущество?

ВООЗЪ.

Предъ вами преимущественно? ахъ, Сударыня! клянусь небомъ, вы совершенная Прелеста!

ПРЕЛЕСТА.

По крайней мѣрѣ — что оиъ говорилъ обо мнѣ, объ ней? —

ВООЗЪ.

Оиъ либо и понятія о красотѣ не имѣетъ, либо оиъ самое вѣроломное въ свѣтѣ изобретѣе. Оиъ говорилъ — не вѣрите ему — оиъ говорилъ, что еверный огонь, сверкающій въ голубыхъ глазахъ Лизы, гораздо превосходитъ сладострастнаго пламени, пылающаго въ черныхъ глазахъ Прелесты. —

ПРЕЛЕСТА (покраснѣвъ отъ раздраженія.)

Чудовище!

ВООЗЪ.

Я не намѣренъ раздражать вашего слуха тѣми нѣжными названіями, которыми почтила васъ любовь его. Оиъ сказалъ наконецъ, что хотя бы Лиза и ни въ чемъ васъ не превосходила, то по крайней мѣрѣ ея невинность, — одна невинность ея драгоценнѣе всѣхъ примащивыхъ красотъ пожилой прелестницы. Подлецъ!

ПРЕЛЕСТА.

И шы это чувствуешь?

ВООЗЪ.

Онъ дьяволъ; онъ достоинъ презрѣнія!

ПРЕЛЕСТА.

Мщенія! онъ достоинъ мщенія! Гдѣ онъ? (*хочетъ идти.*)

ВООЗЪ (*удерживая ее.*)

Не спѣшите, Сударыня! не спѣшите! — *лице хитро* — говорятъ умные люди, Это совершенная правда!

ПРЕЛЕСТА.

Чтожъ мнѣ дѣлать?

ВООЗЪ.

Сколько можно пришеваряться. — За прочее берусь я. — иди! кто-то идетъ; уйдите, уйдите! (*Прелеста уходитъ*)

СЛУГА (*сходитъ.*)

Пришелъ какой то незнакомый, и требуетъ, чтобъ его впустили въ замокъ.

ВООЗЪ.

Чтожъ, впусти его.

СЛУГА.

Онъ съ слугою и вооруженъ.

ВООЗЪ.

Слугу искусно оспанови, — а онъ — пусть его хоть ободается желѣзомъ. Чего ему? (*слуга уходитъ.*) Прекрасно! не робѣй, ВООЗЪ. Природа произвела тебя Евреемъ, самымъ презрѣннѣйшимъ швореніемъ въ спиравахъ Христіанскихъ; она разсыяла народъ нвой по всему лицу земли — я опомщу за всѣхъ. Я вооружу брата на брата, отца на сына; я распоргну сердца любовниковъ, и буду поражать ихъ непримѣнными ударами. (*Лѣсницкій уходитъ.*) Что прикажете?

ЛѢСНИЦКІЙ.

Доложи Баниту, что пришелъ Лѣсницкій — онъ меня знаетъ.

ВООЗЪ. (*смотритъ на него нѣсколько времени.*)

Сей часъ! побудьте здѣсь. (*уходитъ.*)

САДЪ ВЪ ЗАМКѢ БАНИТА.

БАНИТЪ и ВООЗЪ.

ВООЗЪ.

Нѣтъ! вашъ планъ не по моимъ мыслямъ, конечно! убишь его не мудро —

но гдѣ мы съедемъ Лизу — гдѣ съедемъ Лизу? — у меня въ головѣ другое. —

БАНИТЬ.

Что такое?

ВООЗЪ.

Безъ сомнѣнiя онъ пришелъ за какимъ нибудь важнымъ намѣренiемъ; — и такъ я совѣдовалъ бы употребить хитрость, соглашаясь на все, что онъ предлагать ни будетъ. Старикъ смягчился — а этого — то и надобно. Мы прижмемъ его, и Лиза наша! — —

БАНИТЬ.

Хорошо, хорошо; пойдѣмъ!

ПОКОЙ ВЪ ЗАМКѢ.

ЛЪСНИЦКІЙ, БАНИТЬ и ВООЗЪ
(*сходясь.*)

БАНИТЬ.

Здравствуйте, почтенный Лѣсницкiй! позволили ли обнять себя?

ЛЪСНИЦКІЙ.

Поспойте, Банитъ! — можно ли намъ остаться однимъ?

БАНИТЬ.

Этотъ человекъ — другой я; — но еспьли угодно, — ВООЗЪ. (*дастъ знакъ — ВООЗЪ удаляется.*) Что скажете?

ЛЪСНИЦКІЙ.

Банитъ! ты оскорбилъ меня — оскорбилъ ужасно! ты лишилъ меня имѣнiя — это не важно; — ты лишилъ меня чести — это грѣхъ и предъ людьми и предъ Небомъ! — я пришелъ . . .

БАНИТЬ.

Великодушный человекъ! — такъ, признаюсь, я оскорбилъ тебя! — но ты самъ бывалъ молодъ: — сколько ночей проводилъ я безъ сна, дѣлая планы! сколько потерялъ дней, стараясь открыть цвое жилище! — ищетно!

ЛЪСНИЦКІЙ.

Мое жилище? и шамъ не дать покою? ты хотѣлъ . . .

БАНИТЬ.

О, иѣтъ! я хотѣлъ найши васъ, повергнувшись на колѣни предъ раздраженнымъ опцемъ и оскорбленною его дочерью! у одного просить прощенiя — у другой руки. —

Л Ы С Н И Ц К И Й.

(сѣ изумленіемъ.)

И ты это хощеаь здѣлать, Банитъ?

Б А Н И Т Ъ.

Клянусь Небомъ — я бы это здѣлалъ.
Я бы перенесъ васъ сюда, примирася бы
сѣ вами и сѣ самимъ собою.

Л Ы С Н И Ц К И Й.

И это невинна?

Б А Н И Т Ъ.

Священная!

Л Ы С Н И Ц К И Й.

Чѣмъ ты докажешь ее?

Б А Н И Т Ъ *(падаетъ иъ
погамъ его.)*Прозьбою, сыновнею прозьбою, чтеби
ты назвааь меня сыномъ, — а Марія
супругомъ.

Л Ы С Н И Ц К И Й.

*(пронувшиаь.)*Поспей! *(выходитъ и друаь возвра-
щается сѣ диттемъ.)* Банитъ! посмотри,
узнаешь ли ты этого младенца?

Б А Н И Т Ъ.

*(сѣ восторгомъ.)*Смѣю ли отгадывать? — Это —
это . . .

Л Ы С Н И Ц К И Й

*(сѣ улыбкаго радости и
восторга.)*

Это сынъ твой — это сынъ Маріи.

Б А Н И Т Ъ.

*(обнимаетъ его
колѣни.)*Ты родитель мой — я супругъ пвоей
Маріи — это сынъ нашъ!

Л Ы С Н И Ц К И Й.

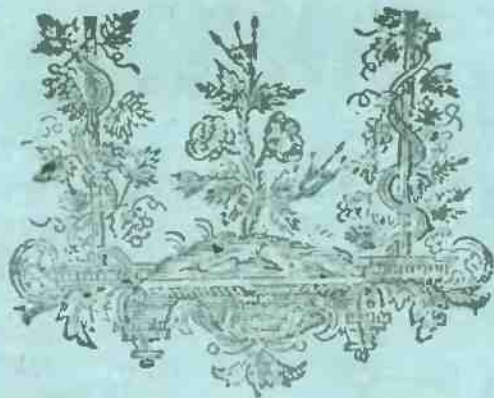
*(плача отъ
радости.)*Это сынъ вашъ, Банитъ! посмотри,
какъ этотъ Ангелъ улыбаешся! онъ
просятиваетъ къ себѣ свои руки. Ба-
нитъ! посмотри, посмотри . . .Б А Н И Т Ъ *(оставъ цѣлуешь
младенца.)*Почтенный родитель мой Марія!
не привелъ ли ты ее сѣ собою? гдѣ она?
гдѣ пвоя супруга? — гдѣ — гдѣ вся сѣмья
пвоя?

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

Естьли ты сего хочешь, — они всѣ
здѣсь будутъ. Подай мнѣ перо и бумаги,
я напишу къ нимъ. — (сидитъ за сто-
ликъ.)

Б А Н Н Т Ъ.

Покуда извинишь, — я пойду дань
иѣкоторые приказы — и съ шобою —
(беретъ дитя) милый Ангелъ — испрѣбу
машь швою! (уходитъ съ дитятемъ.)

ДОМЪ Л Ъ С Н И Ц К А Г О.

ЛИЗА и МУЗЫКАНТЪ.

Л И З А (сидитъ за форте-
пьяномъ; учитель подлѣ нее.)

М У З Ы К А Н Т Ъ.

Еще разъ! (нерастъ) Ахъ, Судары-
ня! для чего не могу я перелитъ въ
васъ своего чувства! для чего не могу
воспламенить вашего сердца тѣмъ пла-
менемъ, какимъ мое пылаетъ! — Послу-
шайте, Сударыня, — мы сравнимъ поз-
нѣю къ музыкою. Спихоморезъ говоритъ:

Злобною гонимъ судьбою,
Тщешно ищешь человекъ
Для себя вездѣ покою; —
Онъ онъ глазъ его ушелъ.
Тщешно рвѣтся онъ, страдаетъ,
Тщешно умереть желаетъ.

✽

Все его тогда оставитъ —
Блескъ наружный, шипла, честь;
Добродѣтель лишь избавитъ,
И изъ бѣдъ его вознесетъ
Добродѣтель лишь возмощитъ.

✽

И въ темницѣ заключенный
 Съ нею къ рабъ будешь живъ;
 И презрѣнемъ удрученный,
 Жадо каденны сразимъ. —
 Съ ней одной лишь всякъ познаетъ
 Царство нбса на земли.

Не чувствуете ли, Сударыня, какъ все живо шумо, мертво? О! музыка есть истинный даръ Небесъ. Я слышу то, что не многие Спихонворцы мечтавъ умъ-жизнѣ. Слухомъ чувствую ну божественную гармонию, которая царствуетъ во всей вселенной. Послушайте. Сударыня! я уверяю васъ — уверяю, что все живо зданіе огромной вселенной ничто иное есть, какъ превосходный концертъ безсмертнаго Композитора. Это я чувствую — уверяю. — Движеніе міровъ небесныхъ, порывы вѣтровъ, колесаніе деревьевъ, все движеніе чувствующаго и безчувственнаго, видимаго и невидимаго — всѣ чувства и стремленія сердца — издающъ звукъ оиъ сего непонимаемаго инструмента, — звукъ, который слышишь только Создатель — и постигаешь воображеніе мудраго. — Какъ вы думаете, Сударыня? О! вы меня понимаете . . . слезы навернулись на вашихъ рѣсницахъ . . . Прекрасная, милая ученица! вы меня понимаете . . .

Л Н В А (долго не содѣлать съ фертнойлю.)

Повторимте еще, еще разъ.

МУЗЫКАНТЪ.

Съ охотою, съ охотою. — Ахъ! для чего я теперь не молоде прищипанью годами? Я бы чувствовалъ больше, извѣсиль бы лучше.

ПОКОЙ ВЪ ЗАМКѢ.

ВАНИТЪ, ЛѢСНИЦКІЙ.

БАНИТЪ.

Очень хорошо! чрезъ часъ мы съ вами увидимся. — Но я думаю, не лучше ли послать моего человека? — вашъ усналь.

ЛѢСНИЦКІЙ.

Нѣтъ ничего; мой Иванъ будетъ показывать дорогу.

БАНИТЪ.

А мы, въ ожиданіи ихъ, пойдёмъ завтракать. (Уходитъ съ Лѣсницкимъ и Возомъ.)

ТЕМНИЦА.

ЛѢСНИЦКІЙ, БАНИТЪ и ВООЗЪ

сходитъ.

БАНИТЪ.

Возъ! до сихъ поръ въ спальнѣ такъ темно!

ВООЗЪ.

Извините; сей часъ! (хочетъ уйти.)

В А Н И Т Ъ.

Поспой, побудь здѣсь; — я самъ пойду сказанъ, чѣмъ открыли окна. *(послѣдно уходитъ.)*

В О О З Ъ.

Да не лѣзя ли ошпереть хоть одного окошка? *(Этираетъ маленькое окошечко и убѣгаетъ. За нимъ запирается дверь и слышенъ хохотъ.)*

Л Ъ С Н И Ц К И Й. *(съ величайшемъ удивленіемъ.)*

Гдѣ я?

В О О З Ъ *(снаружи.)*

Въ спальнѣ твоего зяня... ха! ха! ха!

БЕРЕГА ДНѢПРА.

ЧЕРНОМОРЬ СЪ СЮ ТОВАРИЦАМИ.

Ж Е Л Ъ З Н Ы Й.

Уфъ! какъ же мы успѣли! отдохнемъ хотя съ часъ.

Ч Е Р Н О М О Р Ъ.

Отдохните здѣсь — а я пойду одинъ; посмотрю, какъ живетъ отецъ мой, — и приду за вами. Черезъ часъ мы увидимся.

Ж Е Л Ъ З Н Ы Й.

Кого нибудь возьми съ собою.

Ч Е Р Н О М О Р Ъ.

Я иду одинъ. — Желѣзный! *(отводитъ его на сторону, другіе отходятъ подаль на другую.)*

Другъ мой! я скажу тебѣ за пайну — не одинъ отецъ и мать васкали меня такъ сильно; — я имѣлъ нѣчто важнѣйшее — имѣлъ Ангела, которой ждеиъ меня; — я лечу въ его объятія!

Ж Е Л Ъ З Н Ы Й.

Пауть! и ты до сихъ поръ ничего не говорилъ объ этомъ?

Ч Е Р Н О М О Р Ъ.

Будучи такъ далеко — я не смѣлъ объ ней и подумашъ; теперь она близко — я лечу къ ней! —

Ж Е Л Ъ З Н Ы Й.

Кто могъ бы подумашъ, что суріозный Черноморъ влюбленъ? Еслилибъ кто сказалъ мнѣ это въ Сѣчи — я бы готовъ былъ драться. — Кшожь твоя любезная?

Ч Е Р Н О М О Р Ъ.

Одинъ бѣгавшій помѣщикъ взялъ ее воспитывашъ, — она была сиротою; но еслили бы за красоту давали награды, — я увѣренъ — она была бы въ коронѣ.

Ж Е Л Ъ З Н Ы Й.

Имя ея?

Ч Е Р Н О М О Р Ъ.

Прелесна, — и клянусь честію — еслили бы этого имени... Помнишь ли, какъ мы на дорогѣ разбили караванъ Армянина, торговавшато невольницами? Помнишьли Занду? не правда ли, что она прекрасна?

ЖЕЛѢЗНЫЙ.

Помню, помню. Ты меня знаешь —
но и я едва было не покусулся!

ЧЕРНОМОРЬ.

Но увѣряю себя, — швед Занда была
слабая, весьма слабая только копья съ
моей Прелестью! — Черные глаза, черные
брови забавали ее божицею любви. Каждое
слово ее — была цѣль для моего сердца; —
каждый взглядъ былъ ядовитымъ зел-
емъ для души моей! Я полюбилъ ее, по-
любилъ страстно; открылся — и полу-
чилъ всенеподобное признание. Я шаснулся!
я лечу къ ней! прости.

ЖЕЛѢЗНЫЙ.

Черезъ часъ увидимся! — (Черноморь
поспѣшно уходитъ.)

ПОКОИ ВЪ ЗАМКѢ,

БАНИТЬ, ВООЗЪ,

БАНИТЬ.

Пистолеты? книжка?

ВООЗЪ.

Все здѣсь. Какъ онъ еще путь былъ —
я все такъ искусно вынулъ, — что я
думаю и Духъ хранишель его того не
примѣнилъ.

БАНИТЬ.

Что онъ тамъ дѣлаетъ?

ВООЗЪ.

Смѣшно и говоришь. — Безпрестан-
но бьешь въ двери, и не разудишь, что онъ
железные; — кричишь, грозишь, про-
сишь, плачешь, смѣешься. — Не правда
ли, что моя выдумка удалась?

БАНИТЬ.

Сочтемся, Ввозъ, сочтемся. (уходитъ,
погода чихать!)

ГОРНИЧНАЯ Прелесты.
Ввозъ! Прелестна зовешь себя.

ВООЗЪ.

Иду. — (уходитъ.)

ПОКОИ ПРЕЛЕСТЫ.

ПРЕЛЕСТА (сидитъ на
канале съ самымъ томнымъ
положеніем; по томъ вдругъ
встаетъ. Лице ея горитъ
сильнымъ румянцемъ.)

Нѣтъ, Банить! ты не знаешь, что
можешь опчаянная ревность женщины.
Злодѣй! я ли не распорчалась для него
ласкъ своихъ? я ли не унижалась нѣ-
сколько разъ, — послышно не унижа-
лась — и это награда! это чудовище
переходитъ изъ рукъ въ руки, вездѣ
оставляетъ ядъ свой, и до сихъ поръ
еще существуетъ. Страшно! страшно!
(улыбается) Пятнашпанильбиния дѣ-
точка перебиваетъ у меня дорогу . . . о!
этому не бываешь! не бываешь! не бываешь!

ВООЗЪ *(сходитъ.)*

Что, Сударыня?

ПРЕЛЕСТА,

Ты идешь?

ВООЗЪ.

Въ домъ Лѣсницкаго. Возьму отшу-
да мать, дочь. —

ПРЕЛЕСТА.

Воозъ, что ты дѣлаешь?

ВООЗЪ. *(пожимаетъ пле-
чями.)*

Приказано!

ПРЕЛЕСТА.

И ты повинешься дьяволу?

ВООЗЪ.

Пока не сыщу Ангела, который бы
спасъ меня отъ его злобы!

ПРЕЛЕСТА.

Воозъ, Воозъ! я твой Ангелъ, твой
защитникъ! ввѣрь свою руку — свою
руку. —

ВООЗЪ.

Руку?

ПРЕЛЕСТА.

Или кинжалъ, которымъ вооружена
она. — Я взяла свои мѣры; — но еслили
онъ не удалуся, то пропала я — и
онъ — и онъ вмѣстѣ.

ВООЗЪ.

А я?

ПРЕЛЕСТА.

Не безпокойся; — имѣешь ли ты
спальню мужеска, чтобы сразить ядо-
витый цвѣтокъ, прежде нежели приде-
сешь онъ плоды и дасишь сѣмя для раз-
множенія?

ВООЗЪ *(протягиваетъ
руку съ кинжаломъ.)*

Было время, когда эта рука пора-
жала сильныхъ, могущественныхъ му-
жчинъ: — то она ли не поразитъ слабой,
бессильной дѣвочки? оиногда ли я?

ПРЕЛЕСТА.

Совершенно. Лиза должна погиб-
нуть. — Ступай, Воозъ! ступай! не спра-
шайся ничего; — и еслили ты принесешь
мнѣ кинжалъ омытый ея кровію — то
ты будешь для меня драгоцененъ! — я
постараюсь наградинъ тебя.

ВООЗЪ. *(долго стоитъ
въ нерѣшимости; по томъ
отважно.)*

Хорошо! — Но, прекрасная Преле-
ста! — вы можете быть не ожидаете; —
что дѣлать! — чувствую, что не такъ
начинаю. — Извините — приступовъ я
дѣлать не умѣю; — этотъ безчувствен-
ный Еврей, это желѣзное сердце — Пре-
лестна! — васъ обожаютъ и требуютъ со-
оправдствія.

ПРЕЛЕСТА *(съ удивленіемъ.)*
Воозъ!

В О О З Ъ.

Извините! вы можете быть ожидае, чтобы я падал предъ вами на колѣни — о! я охотно бы это сдѣлал! я готовъ объявить ваши крадѣи, готовъ пресмыкаться подобно рабу — но — вы слышали предувѣдомленіе.

ПРЕЛЕСТА (съ изголо-
ваніемъ.)

Но еслили ты не перестанешь — то клянусь тебѣ — сего дня же голова твоя будетъ съ зубца блинни видѣшь полдневное солнце. — Какъ могъ подуманъ ты, что я буду ошибаться на любовь твою? — Спо разв легче спосишь заоченіе въ шемини, шеришь Баншо-ву холодношь — даже самую ненависть — чѣмъ блаженствованъ въ твоихъ объяніяхъ. — А! мѣна за мѣну! я болѣе ошъ тебѣ не требую никакой жершвы; будь благоразуменъ. (Уходитъ.)

В О О З Ъ. (стоитъ не по-
движно — по томъ бросаетъ
ся къ столу, беретъ кни-
жку, и падаетъ на каменъ.)

Гдѣ? гдѣ я? (скажешь.) Я презрѣнъ, презрѣнъ ошъ женщины! Адекія силы! кто спосадъ подобное верженіе? Многие удивланы видя, что я, проливая кровь невинныхъ, до сихъ поръ иждѣшася! — О! онц не знала нудей Твоихъ, Вѣчный! Ты пощадилъ меня ошъ Тво-

ихъ громовъ — и заставляешь умереть ошъ презрѣннѣ распушной женщины! — Духи заклявшіеся! возвратите скорѣ мое рукописаніе — я самъ свѣшу къ вамъ. Кто изъ васъ зоветъ меня? разите! я иду — иду! — — Куда? не совершилъ мщенія? о! пошкой, Возвѣ, пошкой! пошкой, законопредсудная Прелеста! — Придеи время, когда пошнѣлая уста твои будутъ жаданъ моихъ поцѣлуевъ; — когда згарающее сердце твое будетъ спреминься къ груди моей! — придеи время, когда ты падешь у ногъ моихъ, просирешь окровавленные свои объяніа — о! тогда буду я шордесиваванъ! — каждый взглядъ мой будетъ для тебѣ кинжаломъ! — каждое дыханіе, ошравою! ты падешь — и я — я восплещу улетшающей шѣни твоей въ адскія пропасты. — Ошчаянне, всемогущее ошчаянне! ожесточи мое сердце, укрьши руку, — и спремишь, куда повлечешъ тебѣ мщеніе! мщеніе! мщеніе! (убѣгаетъ.)

II.

ПОЛДЕНЬ.

(Росное мѣсто. Развалины погорѣлаго замка.)

ЧЕРНОМОРЬ.

(Стоитъ въ солнечной меланхолической оперши въ изсохшее дерево.)

И это домъ отца моего — мое наследство! Сюда я велъ друзей моихъ изъ разоренной Сѣчи, и привелъ на пенслице! — Что это значить? для чего никто не знаетъ, гдѣ отецъ мой? странно! странно!

АНДРЕЙ *(показывается изъ за угла, и смотритъ пристально на Черномора.)*

Ба! доброй господи! мой! это ты? откуда? куда? за чѣмъ? *(подбѣгаетъ къ нему и цѣлуетъ руку.)*

ЧЕРНОМОРЬ.

Доброй старикъ! скажи мнѣ, что это значить? что значить эта куча обгорѣлыхъ камней, и то всеобщее молчаніе? Кого ни спрошу объ отцѣ моемъ, всякой сморщитъ съ удивленіемъ — и ухедитъ, не говоря ни слова.

АНДРЕЙ.

Для того, что никто не знаетъ.

ЧЕРНОМОРЬ.

И ты?

АНДРЕЙ.

Кромѣ одного меня; мнѣ весьма по-казалось странно, когда пришелъ ко мнѣ съсѣдъ и сказалъ, что кто-то спрашиваетъ спараго Графа Авеницкаго.

ЧЕРНОМОРЬ.

Ты знаешь? веди меня, веди, доброй старикъ! Скоро ли мы туда поспѣемъ?

АНДРЕЙ.

Я не знаю, какъ мнѣ и быть! со многими ищи — не доводко; — а двоимъ намъ опасно. Мнѣ именно приказано молчать объ этомъ. —

ЧЕРНОМОРЬ.

Опасно? отъ чего?

АНДРЕЙ.

На дорогѣ попадутся намъ великія пропасти, болота, и можетъ быть звѣри. Съ этой стороны лѣсъ ужасно частъ.

ЧЕРНОМОРЬ.

А! я вспомнилъ... у меня есть восемь человекъ поварадей, — мы идемъ вмѣстѣ.

АНДРЕЙ.

Я - было и позабылъ сказать вамъ, что я сего дня проводилъ туда вашего башюшку.

ЧЕРНОМОРЬ.

Проводилъ! сего дня?

АНДРЕЙ.

Послѣ годичной его ошлучки, и слава Богу, что онъ не здѣсь попался. Я

сказалъ ему, что Графиня перенесла домъ — и онъ со мною похалъ. — Ну, говорившеся!

ЧЕРНОМОРЪ.

Побудь здѣсь, шарикъ! я за ними зѣбую, они не далеко. (тихо.) Но скажи мнѣ — я уже не вижу и дому Ивана Ржевскаго?

АНДРЕЙ.

Эпо пре несчастный человекъ!

ЧЕРНОМОРЪ.

Онъ несчастливъ?

АНДРЕЙ.

Тому уже нѣсколько мѣсяцовъ — да знаете ли вы его лично?

ЧЕРНОМОРЪ (съ смѣшеніем.)

Нѣсколько . . . что такое?

АНДРЕЙ.

Тому нѣсколько мѣсяцовъ . . . впрочемъ я лично не знаю, а говорилъ . . .

ЧЕРНОМОРЪ (съ потерянностью.)

Скорѣ! скорѣ! что такое?

АНДРЕЙ (тихо.)

Говорилъ — пошла къ . . . къ какому-то сосѣднему вельможѣ.

ЧЕРНОМОРЪ (съ простотою, но скрытно.)

Право! эпо прекрасно! (онъ беретъ дерево; долготой молчанія.) Ты не лжешь?

АНДРЕЙ.

Боже избави агинь съ умыслу! — я говорю сказанное — что не рѣдко бываешь изъ злобы, зависти; — однако . . .

ЧЕРНОМОРЪ.

А шарикъ?

АНДРЕЙ.

— То-то я и говорю, что онъ несчастливъ! онъ оскорбился, началъ ее требовать назадъ — но бездѣльникъ насмалъ на него воровъ; домъ его разграбилъ, а самого Богъ знаетъ куда ушацили. — Бышь уже нянь мѣсяцовъ — вѣси нышь!

ЧЕРНОМОРЪ (бьетъ себя въ лѣвую грудь.)

Что скажете ны? Нышь! скорѣ повѣрю я вничоричному ошпаденію свѣдѣлыхъ Духовъ — не вѣрь, шарикъ — это ложь! — Жди меня — я сей часъ буду. (убѣгаетъ.)

АНДРЕЙ (смотритъ въ слѣдъ ему съ соволѣнованіемъ.)

Вѣдной молодой человекъ! что съ тобою будешь, есиѣли ны узнаешь все прочее?

ДОМЪ ЛѢСНИЦКАГО.
МАРГАРИТА, МАРІЯ.

МАРГАРИТА.

Кажется пора и бышь — скоро дѣсяшь часовъ.

МАРІЯ.

Да не знаете ли вы, куда онъ пошелъ?

МАРГАРИТА.

Догадываться можно — однако Боже избави!

ЛИЗА (объезаетъ.)

Уфъ! какъ же я испугалась!

МАРГАРИТА и МАРІЯ.

Чему, Лизанька?

ЛИЗА.

Пришелъ какой-то Жидъ, и такой страшной, такой страшной, что я и на картинахъ такого не видала!

МАРГАРИТА.

За чѣмъ? одинъ?

ЛИЗА.

Нѣтъ, за нимъ пахнутъ Иванъ; но видно очень уснулъ; Жидъ его гораздо опередилъ.

МАРГАРИТА.

Машинька! введи его. (Моритъ уходить.)

ЛИЗА.

Весь въ пыли, глаза красны, лицо черное и багровое. Онъ хопѣлъ что-то мнѣ сказать, но я отъ него ускользнула. Чортъ съ нимъ!

МАРІЯ съ ВООЗОМЪ (сходятъ.)
ВООЗЪ (осматрѣвъ комнату.)

Вы ли, Сударыня, Графиня Лѣсницкая? —

МАРГАРИТА.

Что вамъ надобно?

ВООЗЪ.

Я принесъ письмо отъ вашего супруга; онъ теперь въ нашемъ замкѣ. (подастъ ей письмо.)

МАРГАРИТА (читаетъ, послѣ подастъ Маріи; другъ на другъ смотритъ съ недоумѣніемъ)

И такъ онъ у васъ теперь въ замкѣ?

МАРІЯ (понизилъ голосъ.)

У Банши Зельскаго?

ВООЗЪ.

Такъ точно, Сударыня!

МАРГАРИТА.

Какъ вы думаетъ, милая?

МАРІЯ (нѣсколько стыдлива.)

Какъ вамъ угодно.

МАРГАРИТА (подумавъ.)

Чтожъ? мы ѣдемъ; одѣнься почище, — мы ѣдемъ.

ТЮРЬМА ВЪ ЗАМКѢ.

ЛѢСНИЦКІЙ.

Отецъ небесный! есншли для того Ты дозволилъ мнѣ прожить полвѣка,

чтобъ послѣ я умеръ въ темницѣ; —
то; Боже мой! чѣмъ я прогнѣвала Тебя?
чѣмъ это слабое швореніе могло возбу-
дить гнѣвъ Твой? — Никогда бренины ушна
мои не дерзали произносить прошивъ Тебя
хулы; никогда машежная мысль не ос-
кверняла моего сердца; — но я спрдаю,
спрдаю ужасно! — Я возвратилась —
бѣднось — первый предметъ; — первое
извѣстіе — поперя чесни . . . Господи!
Господи! почто Ты меня османилъ?

ГОЛОСЪ (*слышанъ изъ
Божией тюрьмы.*)

Кто? кто ты?

ЛЪСНИЦКІЙ (*сложивъ
отскакиваетъ*)

Ахъ! не новое ли искушеніе? не
новыя ли оковы?

ГОЛОСЪ.

Кто ты? говори! твои вздохи пока-
зываютъ гореснь; твои вопли ондаюна-
ся въ моихъ сводахъ!

ЛЪСНИЦКІЙ.

Такъ! вѣчная гореснь гнѣдится въ
сихъ подземельяхъ; никогда не прдни-
каешъ лучъ радости. — Ты кто?

ГОЛОСЪ.

Нещастный, османенный ото всѣхъ:

ЛЪСНИЦКІЙ.

Мы друзья! гдѣ ты?

ГОЛОСЪ.

Въ углу своихъ сводовъ съ лѣвой
стороны есть дверь; — мы легко ее вы-
досамъ. Тонкая сѣвня раздѣляетъ насъ.

ЛЪСНИЦКІЙ.

Милосерное Око всевѣдѣнія! и Ты
оставило мѣсна сн. Голодъ и жажда —
едшь шѣ вѣчнопочаще черви, которые
успрашають правобѣрныхъ въ будущемъ
адъ; — сыроснь, духона — сунъ шѣ
сѣрныя рѣки, которые жгутъ не опа-
дая. — Это адъ, приснанище дьяволовъ!

ДОМЪ ЛЪСНИЦКАГО.

ЛИЗА (*стоитъ у окошка,
и смотритъ въ эриель-
ную трубку.*)

Какъ же они далеко! едва различить
можно — это машунка — сесприца,
Иванъ; — гдѣжъ Жидъ? — это онъ!
посной! (*чиститъ палочкомъ стекло у тру-
бки*) Ха ха ха! какъ же я ошиблась! это
обгорѣлый еловый пень!

ВООЗЪ (*арываетъ п.*)

ЛИЗА (*оглянувшись пу-
гаситъ п.*)

Уфъ! за кѣмъ ты? Парана! Парана!
(*хочетъ идти.*)

В О О З Ъ *(становится на порогъ.)*

Не трудитесь, Сударыня! Параша теперь далеко въ лѣсу. Здѣсь нѣтъ никого.

Л И З А.

Ахъ, Боже мой! — что тебѣ надобно!

В О О З Ъ.

Не уже ли я шакъ спрашенъ?

Л И З А.

Мнѣ прѣе говорилъ, что Жида должно сколько же бояться, какъ и черта.

В О О З Ъ.

Право? — однакожъ и Жида признается, что вы прекрасная, милая дѣвушка.

Л И З А.

Да тебѣ какое дѣло?

В О О З Ъ.

Меня просилъ одинъ богатой, бравой дѣтина, чтобъ я доставилъ ему съ вами свиданіе; — согласишься, Сударыня!

Л И З А.

Ты съ ума сошелъ!

В О О З Ъ.

Однакожъ не сподовко, чтобъ не могъ уже чувствоваться обиды.

Л И З А.

Поди прочь!

В О О З Ъ.

Съ вами? — извольше.

Л И З А *(полуплача.)*

Ахъ, Боже мой! гдѣ машушка, сестрица? Я бѣдная! — *(слышитъ на дворѣ шумъ.)* Что это? новая бѣда!

Ч Е Р Н О М О Р Ъ *(съ желѣзнымъ и со себѣми товарищами выходитъ. —)*

Л И З А *(съ ужасомъ отступаетъ къ стѣнѣ.)*

В О О З Ъ *(съ покойною миною стоитъ у окошка и играетъ цѣпочкою книжала.)*

Ч Е Р Н О М О Р Ъ *(смотритъ нѣсколько времени съ улыбкою на Лизу.)*

Лиза! узнаешь ли меня?

Л И З А *(осматриваясь — съ радостною и вѣбшипсельною улыбкою.)*

Боже мой! — кто ты? —

ЧЕРНОМОРЪ (*обнимая ее.*)
Я, я, твой братъ! — Гдѣ банюшка,
ка, мамушка, сестрица?

Л И З А.

Побѣхали въ гости, братецъ. Какъ
же ны загорѣлъ! —

В О О З Ъ (*подходя къ нему.*)
Естьли не обманываешь меня на-
мянь — (*Черноморъ смотритъ на него при-
стально*) шо ны шопъ самой — (*осма-
триваетъ толпу казаковъ*) и ны, — и ны —
всѣ ны, которые разбила караванъ мой
и увезли Занду.

ЧЕРНОМОРЪ (*бьетъ съ
ладони.*)

Точно! ны — шопъ Армянинъ! —
но ны шеперь что-шо другое. —

Ж Е Л Ъ З Н Ы Й.

Такъ, эшо оцъ; я всего вѣрнѣе его
помню, ибо я просидѣлъ тогда у него
всю ночь за шампанскимъ. — Здравствуй!
здравствуй — человекъ безъ предразсуд-
ковъ! (*беретъ его за руку и дружески пожм-
маетъ.*)

ЧЕРНОМОРЪ.

Каково поживаешь? какъ ны здѣсь
очутился?

В О О З Ъ.

Переговори сперва съ сестрой; —
я мы усиѣмъ еще. —

Ж Е Л Ъ З Н Ы Й.

Правда! гдѣ говоряшьдесять чело-
вѣкъ холостыхъ — а наипаче казаковъ, —
шамъ дѣвушкъ . . .

ЧЕРНОМОРЪ.

Скоро ль банюшка прѣдешь?

Л И З А.

Богъ знаетъ! — я его еще и не видала!

ЧЕРНОМОРЪ.

Какъ не видала?

Л И З А.

Онъ уѣхалъ очень рано. — Я думаю
скоро будешь; — пейду приготавлишь
обѣдъ. — (*уходитъ*)

ЧЕРНОМОРЪ.

Сидишьесь всѣ. — Вошь куда я велъ
васъ, друзья мои! — Какъ бышь! — ну,
Воозъ — вишь шакъ кажется зовушь
шебя? — расскажи намъ, какъ ты здѣсь
очутился?

В О О З Ъ.

Я какъ легкая пылинка — куда вѣ-
теръ вѣспѣ, шуда и я.

ЧЕРНОМОРЪ.

Но какъ ты изъ продавца неволь-
ницъ здѣлался мужикомъ? — изъ Армя-
нина превратился въ . . .

В О О З Ъ.

Надобно спросишь, какъ я изъ сына
главнаго Казначей Его блистательнаго
могуществва, Наперсника Божія и Повели-

шея правоверныхъ, здѣлался продавцомъ невольницъ; — это первая видха моего свращенія по лицу земли.

В С Ъ.

Ну, ну! расскажи, расскажи!

В О О З Ъ.

Вы, я думаю, всё знаете, что въ Турціи вообще къ слепнымъ дѣламъ выбираютъ Жидовъ. Отецъ мой былъ главнымъ Казначеемъ; былъ богашъ, и выучилъ меня койкакимъ искусствомъ и наукамъ. Учился я у него былъ невольникъ Французъ. Больше всего свращался онъ выучить меня на фаршешино, и восхищался, когда я игралъ на лихъ Цаалмы Давидовы. — Цашъ дѣшъ шрудился онъ — въ шештой получилъ награду — шелковый свурокъ. — Домъ цашъ описали — и меня изъ жалости принялъ къ себѣ Керимъ, продавецъ невольницъ. Нѣсколько мѣсяцовъ путешествовалъ я съ нимъ по городамъ малой Турціи и Сиріи — наконецъ прибылъ въ Алеппо — купилъ онъ молодую невольницу, Роксану. — Что это! ешъдѣшъ я могъ неправдо описать красоту ея — но смѣло бы сказалъ, что я красорѣчивѣе всякаго Исатъ и Керемъ. Я влюбился — и прекрасная Роксана опи-

рѣчала на любовь мою. — Какъ обмануть Керима — была первая мысль моя; — проклятое невозможно какъ громъ звѣдало въ ухахъ моихъ, —

Однажды упоминившись оиъ дороги, заснулъ онъ въ лѣсу подъ кедровымъ деревомъ; — я прибѣжалъ съ веревками, и привязалъ его къ кедру шакъ крѣико, что и самъ дьяволъ не скоро бы отвязалъ его. Взявъ Роксану и прочихъ невольницъ, посадилъ на верблюдовъ, и поѣхалъ въ ближній городъ. — Тамъ продалъ я всю свою добычу, и падѣвъ чааду и маншю правоверныхъ жилъ щасливо. — Полгода казались мнѣ раемъ, какъ однажды — идучи по улицѣ, и видя отворенную мечеть — вошелъ я. Дьяволъ любовишеснива завелъ меня шуда; не успѣлъ я осмотрѣться вокругъ себя, — какъ увидѣлъ Керима подѣвъ меня шюящаго. — Едва я не упалъ на полъ онъ такого явленія! Онъ схватилъ меня, потребовалъ, чтооь посадилъ въ тюрьму, и вешъзали законнымъ порядкомъ. Что дѣлалъ! я утверждалъ, что никогда не знавалъ Керима, никогда не отнималъ у него невольницъ, и, что всего дѣшъшеснива — я утверждалъ, что я правоверный. Потребовали свидѣтельснва — нашли меня обрѣзаннымъ — требовали исполненія — и я безирекословно, какъ

должно Мусульманину — началъ поспу-
щать по Аккорану.

В С Ъ.

Браво! браво!

Ч Е Р Н О М О Р Ъ.

Чтожь даље?

В О О З Ъ.

Керима наказали за клевету — а я
остался обладателемъ Роксаны — и нѣ-
сколькихъ тысячъ вырученныхъ цехиновъ.

Ч Е Р Н О М О Р Ъ!

Хитрый дьяволъ!

В О О З Ъ.

Но сколько ни говорили любовники,
что естли они соединятся съ любимымъ
предметомъ. но все ихъ желанія кон-
чашся; — сколько ни клянутся — все
лгушь; это я знаю опытомъ. Роксана
была прекрасна одинъ мѣсяць, — на дру-
гой мила, на третей хороша — а на ко-
нецъ, я только что не хотѣлъ оборвать
се. — Прошло и это время — и я не на-
ходилъ въ Роксанѣ болѣе ничего, кромѣ
принужденнаго кокетства и несноснаго
упрямства Авзяшскихъ красавицъ. Я про-
далъ ее Аленскому Пашѣ — а подновѣс-
ные цехины заглушили ту печаль, ко-
торую произвели — было ея слезы и водамъ.

Ж Е Л Ъ З Н Ы Й.

Ты это дѣлалъ? — О! клянусь тебѣ —
ты герой — герой рѣдкой. Александръ,
Кесарь, Святославъ, ничто въ сравненіи
съ тобою.

Ч Е Р Н О М О Р Ъ.

Воозъ, ты бездѣльникъ!

В О О З Ъ.

Ха ха ха! бездѣльникъ! — ты, братъ,
еще не опытенъ — шакъ слушай да въ
и учись. — Я поѣхалъ спрансправить —
и чего шумѣ не дѣлалъ! — Частю воору-
женною рукою обивалъ я шюръмъ коло-
дниковъ, жегъ дома богатей, и веселился
смотря, какъ они ходили послѣ въ руби-
щахъ. — Частю доносилъ я на какого
нибудь ханжу, обличая въ ерешичесствѣ: —
его наказывали спрочайшимъ образомъ. —
Частю, соединясь съ евнухами, грабили мы
Серали Пашей, и все это дѣлалъ я шакъ
искусно, что всегда бывалъ невиненъ; —
наконецъ очутился я въ Арменіи. —

Проѣзжая одну деревню — я уви-
дѣлъ прекрасную дѣвушку; — она шакъ
шла смирно, шакъ Ангельски пошупаяла
глаза свои — что всякой почелъ бы ее
непорочною Сусанною. — Только одинъ
Воозъ могъ примѣтить, что въ этой
походкѣ, въ этомъ смиренномъ видѣ было
одно пришеворство, и что въ пошуплен-
ныхъ глазахъ ея сверкали искры сладо-

страстія; — словомъ, я примѣнилъ, что она щелтъ только живаго шворенія, чтобы броситься въ его объятія. Это моя добыча! — сказалъ я — и пошелъ сабдомъ. Имѣлъ время поговорить съ нею, чольснннхъ ей — а и въ Азии красавицы любящъ бышь хвалнмы; — я сннрался пѣлой день, употреблалъ всѣ роды примачнокъ — и съ помощію нѣсколькнхъ цехнновъ успѣлъ . . . Каянусь!

Ж Е Л Ъ З Н Ы Й.

Воозъ! это подао!

Ч Е Р Н О М О Р Ъ.

Дьяволъ! и въ шебъ сколько было духу?

В О О З Ъ.

Тупѣли еще надобно быть духу? слушай далѣ. Я былъ самъ въ себѣ утѣренъ, что я перехитрю ее; — но я ошибся, очень ошибся! Прелестная Армянка — извинише, я позабылъ ее имя . . .

В С Ъ (смѣются.)

То-то нѣжный любовникъ!

В О О З Ъ.

Прелестная Армянка кажется мнѣ училась хитрости у самого черта! она такъ умѣла оковать меня, что прожилъ цѣлые полгода. Представьте себѣ — для

женщины столько времени жертвовать собою! — (останавливается съ досадою.)

Н Ъ К О Т О Р Ы Е.

Ну, чшоужъ ны?

В О О З Ъ.

Дьяволъ побори ее! какъ только дойдешъ дѣло до этого пункта моей исповѣди — то я такъ разсержусь, что тощовъ колоть и рѣзать всякую женщину. —

Н Ъ К О Т О Р Ы Е (шутя.)

Успокойся, Воозъ, успокойся.

Д Р У Г І Е.

Далѣ! чшоужъ далѣ?

В О О З Ъ.

Одного ушра проснулся я отъ ужаснаго шума въ моей компаніи. — Я всналъ съ пѣснелн, и увидѣлъ ошца мсей Цирцеи съ нолною полицейскнхъ. Вошъ ошъ! — вошлъ ошъ съ яростію, вошъ ошъ! — и прежде нежели могъ я перевести духъ — былъ схваченъ; прежде нежели могъ спроснть, за что? и куда? — ошущлся въ шорьмъ. —

В С Ъ смѣются.

Ж Е Л Ъ З Н Ы Й.

Это вторая эпоха пребыванія шво-го въ Арменіи. —

В О О З Ъ.

Идуую бедяю ожидааь я ршеня ; какь наконець вошелъ ко мнѣ человекъ съ шолстымъ брюхомъ, съ рыжею бородою и очками на бородавчатомъ носу. — Онъ произнесъ мнѣ ршеніе власши, что я должеиъ выбранъ изъ двухъ любое : — крестинишься и взяши за себя оболыщенную дѣвуику ; — или — ухъ! волосы дыбомъ снаювяися, какъ испомню — или . . .

Н Ъ К О Т О Р Ы Е.

Ну, ну! — или . . .

В О О З Ъ. (скоро.)

Или пойши добровольно на зажженной косчеръ!!

В С Ъ.

Ха ха ха! Чпожь Воозъ выбралъ?

В О О З Ъ.

Скинулъ чалму и мантію, — надѣлъ Армянскую шапку — крестинился, и здѣлааь мужемъ невѣсты ненависной!

В С Ъ.

Браво! браво! (бьетъ въ ладоши.)

В О О З Ъ (пожимаетъ плечами)

Что было другое дѣлаиъ! Конечно священныиъ Муфшии облачилиаь бы меня въ малодушии ; — но есшьли бы и ему предложишь креститъ и видимую Армянку ; —

Коранъ и чаемую Турйо ; — съ одной стороны брачное ложе, съ другой пылающій косчеръ : — но я думаю, что и Глава мечешей не заснавиаь бы долго жданъ его ошепга!

Скоро Армянка моя мнѣ опротаѣла; но любимеиъ судьбы не оставленъ въ горесии. Къ щасию моему влюбился въ нее одинъ богачной Турка; продавецъ невольницъ улучилъ способное время, и похитилъ . . .

Н Ъ К О Т О Р Ы Е.

Ха ха ха!

Д Р У Г І Е:

Чудеса!

В О О З Ъ (съ Комическою важностію.)

Мстязцею рукою вооружился Воозъ на ереника, донесъ въ судъ — ршеніе продолжалоь долго — наконецъ за безчестіе моеиъ Армянки — получилъ я всѣхъ неподлинциъ сѣдаго прелюбодѣя, навьючилъ верблюдовъ его золошомъ и парчани, и поѣхалъ опять продавати поваръ свой. —

Тушъ вы мнѣ попалась, разбиаи караванъ мой — и ушациаи невольницъ.

В С Ъ.

Что дѣлаиъ! есшьлибъ мы знали, кто ты, то вѣрно бы еще шебъ ихъ подарили.

ВООЗЪ.

Я не долго шужилъ. — Думааъ, думааъ, и побхааъ въ Польскую Украйну. — Тутъ приняася я въ замокъ одного Банина, и шеперь живу какъ Бей Тунискій.

ЧЕРНОМОРЪ.

Спасибо, брашъ Воозъ! спасибо! шы усаадиаъ насъ своимъ сладкошнїемъ! — Каковожъ тебѣ у Банина?

ВООЗЪ.

Все пожъ, чинобынъ первымъ Министромъ у Санааы! — впрочемъ — мав шамъ рай! одно шолько — охъ! — одно шолько мѣшаешъ.

ИЪКОТОРЫЕ.

Чтожъ такое?

ВООЗЪ.

Я влюбленъ!

В С Ъ.

Опять? — (хохочущъ, бьетъ оъ ладошй и топаетъ ногами.) Bravo! bravo!

ЧЕРНОМОРЪ.

Да что это тебѣ здѣлалось?

ВООЗЪ.

О! когдабъ шы видѣаъ ее, шы бы не говориаъ шакъ равнодушно. Ешьаи сланив вмѣстѣ красону моихъ Азиашокъ — шо выйдеаъ одна Прелесна!

ЧЕРНОМОРЪ.

Прелесна!

ЖЕЛЪЗНЫЙ (смотря на Черномора.)

Прелесна!

ВООЗЪ.

Прелесна, Прелесна! Ангелъ шѣломъ, дьяволъ душою.

ЧЕРНОМОРЪ. (даешъ знакъ желѣзному.)

Брашъ!

ЖЕЛЪЗНЫЙ.

Здѣсь, я думаю, прекрасно прогуливаться въ рощѣ — день жаркой. — шѣвъ прїатная — пойдемше брашцы! —

В С Ъ (уходяаъ съ шѣкоторымъ удовольнїемъ)

ВООЗЪ (смотря оъ слѣдъ ухлщащъ)

Что это значншъ?

ЧЕРНОМОРЪ (жарко.)

Эта Прелесна . . .

ВООЗЪ. (съ разстановкою.)

Банишова наложница!

ЧЕРНОМОРЪ (улыбается съ преснїю.)

Воозъ!

ВООЗЪ.

Ну! — что шы шакъ ожененѣаъ? —

ЧЕРНОМОРЪ.

Ты ее любишь?

ВООЗЪ.

Любилъ, но теперь послѣ ся отказа...

ЧЕРНОМОРЪ.

Она опказала тебѣ?

ВООЗЪ.

Чтобъ всякую минушу безчислншво-
вать съ Банншомъ! — проклятая!

ЧЕРНОМОРЪ.

И ны самъ это видѣлъ? — Ахъ!
извини, какой глупой вопросъ!

ВООЗЪ *(съ примѣчаніемъ.)*

Что тебѣ здѣлалось?

ЧЕРНОМОРЪ *(хочетъ
его за руку.)*

Другъ мой! — она была моей лю-
бовницей — моимъ сокровищемъ — мо-
имъ идоломъ — я обожалъ ее!

ВООЗЪ.

Право! — что жъ ны хочешь пе-
теръ дѣлать?

ЧЕРНОМОРЪ.

Я самъ не знаю.

ВООЗЪ.

Бѣдный человекъ! — дай мнѣ свою
руку, ввѣрь свое сердце и скажи: смерть
Прелеснѣ!

ЧЕРНОМОРЪ.

Смерть? — Ахъ, Воозъ! какъ я лю-
билъ ее!

ВООЗЪ. *(съ досадою.)*

Ты любилъ — только вѣрно не сладко-
страшную прелюбодѣйницу — расшлѣн-
ную, сто разъ поруганную. —

ЧЕРНОМОРЪ.

Поспой, другъ мой, поспой! — Такъ,
чувствую оскорбленіе, — ужасную оби-
ду! — *(рѣшительно.)* Дай мнѣ свою руку, —
ввѣрь сердце — и вѣ одинъ голосъ ска-
жемъ: смерть Прелеснѣ!

ВООЗЪ.

Смерть законопресшупной Преле-
снѣ — и соблазнителью Банншу!

ЧЕРНОМОРЪ.

И Банншу? — Поверь, другъ мой, —
трудно бышь соблазнительемъ, — когда
дѣвка не захочетъ бышь соблазненной!

ВООЗЪ.

Ты еще всего не знаешь, чувстви-
тельный молодой человекъ! Поспой,
пожди — ны только бросилъ презри-
тельный взоръ на Прелесну, — и нысече-
кранно пронзилъ кнжжалою сердце Ба-
нншу.

ЧЕРНОМОРЪ.

Заклинаю тебя, Воозъ!

ВООЗЪ *(послѣ некото-
раго молчанія — смотрит
вверхъ.)*

Полно, полно бышь злодѣемъ! — —
просни — ожидай меня ввечеру. —

ЧЕРНОМОРЪ.

Ты осматриваешь меня въ ужасномъ невѣдѣнн!

ВООЗЪ.

Тѣмъ лучше ты приготовишься меня выслушать. — Изоскри свои книжки, укрѣпи руку и сердце — и ожидай вечера.

БЕСѢДКА.

ПРЕЛЕСТА *(сидитъ на камнѣ въ глубокой меланхолн, которая мало по малу разсѣвается въ ся разговорѣ.)*

Дураки! во всякомъ сочиненн пишушь они, что женщина хитрое, прозорливое творенне; — нѣкоторые даже были сколько глупы, что писали къ намъ цѣлыя посланн, гдѣ описывали насъ умными, глубокомысленными, предприимчивыми, — словомъ, превосходнѣе мужчинъ; — но естелибъ мужчина былъ подобно мнѣ обиженъ, — но давно, давно бы совершилъ свое мщенне. — А я, я до сихъ поръ не выеру, на что должно мнѣ рѣшиться! — Тамъ дерзость, — здѣсь видимая смерть; — тамъ легкость — здѣсь поношенне; — и я — какъ десятилѣтняя дѣвчонка — такъ перѣшишелна! — Посвой! еще испощу развсѣе искусливо, употреблю всѣ роды при-

манокъ — естели не успѣю — такъ нусить погибаетъ — погибаетъ вмѣстѣ со мною!

ПОКОНЪ ВЪ ЗАМКѢ.

БАНИТЪ *(сидитъ у окошкѣ и куритъ табакъ.)*

Долго же нѣтъ ихъ. — Гей!

СЛУГА *(сходитъ.)*

БАНИТЪ.

Вооза нѣтъ?

СЛУГА.

Нѣтъ еще — но не далеко отъ замка ѣдутъ какія-то женщины и одинъ мужчина.

БАНИТЪ *(оскакиваетъ.)*

Ѣдутъ? — bravo! bravo! — Какъ скоро подѣдутъ — впусти ихъ. *(слуа уходитъ.)* Вѣрно — Лиза съ матерью и сестрою — Спасибо, Воозъ! спасибо!

САДЪ ВЪ ДОМѢ ЛѢСНИЦКАГО.

ЧЕРНОМОРЪ, ЖЕЛѢЗНЫЙ.

ЧЕРНОМОРЪ.

Таково шо, другъ мой! таково шо! итакъ ты готовъ?

ЖЕЛѢЗНЫЙ.

За шею — хощь въ адъ! особливо естели злодѣи и развратная женщина — предметы мщенна.

ЧЕРНОМОРЪ.

Сей часъ узналъ я отъ сестры, что этотъ же самый извергъ сожегъ нашъ замокъ, разграбилъ помѣстья — и здѣлалъ почти нищими.

ЖЕЛѢЗНЫЙ *(пожимаетъ его руку)*

Братъ! за чѣмъ мы ушли изъ разоренной Сѣчи? — вмѣстѣ съ змѣями укрылись бы мы въ ея развалинахъ — и можешь быть — были бы спокойнѣе!

ЧЕРНОМОРЪ.

О! не думай такъ, другъ мой; — ты въ юности лишился отца — и потому не можешь чувствовать сыновней любви, которая такъ пламенна. — Ты не любишь — и не можешь представить, что значить — быть презрѣннымъ любовникомъ!

ЖЕЛѢЗНЫЙ.

Однако жъ прочии молодыхъ нашихъ Поэтовъ! — какъ спокойно они *акхаютъ!* какъ холоднокровно пишутъ о измѣнѣ Пальиры, Темиры — да я думаю и Прелесны! —

ЧЕРНОМОРЪ.

Наши Стихотворцы не понимаютъ предмета. — О! въ эту адекую секунду, когда скажутъ: — она у другаго — ни одинъ вздохъ не вылетитъ изъ устъ

пивоухъ, ни одна мысль не останется въ головѣ швоей. Чувства твои сопрунся въ сердце; въ груди твоей заклокоченъ ядовитое пламя — и благодарн Небо, ели ли можешь еще плакать!

ЖЕЛѢЗНЫЙ.

Мы бы жили тамъ, какъ въ гробъ; никто не сказалъ бы намъ ни объ обидахъ, ни объ измѣнахъ.

ЧЕРНОМОРЪ.

По крайней мѣрѣ я доволенъ — надѣясь отомстить за мою и отцовскую обиду! — Мщеніе, удовлетворительное мщеніе есть бальзамъ для расширенного сердца. — Пусть говорятъ, что одни подлецы могутъ опмщевать обиды; нѣтъ! одна слабая, безчувственная душа можетъ прощать ихъ. — Она не чувствуетъ въ себѣ того зѣрнаго пламени, того божественнаго вдохновенія, которое равняетъ меня съ Царями и Владыками міра, — и которое всякую минуту говоритъ мнѣ: — „и ты любимецъ Небесъ!“ — Книжъ дерзнетъ опияшь у меня сіе неощемлемое шило?

НОКОНЪ ВЪ ЗАМКѢ.

БАНИТЪ.

Что?

СЛУГА.

Пришли какія-то женщины — и одна — *(тихо)* не прикажете ли проводить въ спальню?

Б А Н И Т Ъ.

Сюда, сюда проси ихъ! — *(слуга вводитъ Маргариту и Марю.)*

Б А Н И Т Ъ *(съ изумленіем.)*

Только? — кажется я просилъ вашего супруга, чинобъ вы пожаловали со всѣмъ семействомъ?

М А Р Г А Р И Т А.

Я только оставила меньшую дочь свою; — а шо — за чѣмъ вы звали насъ? —

Б А Н И Т Ъ. *(бьетъ себя въ лобъ кулакомъ и бросаетъ си въ креслы.)*

Дьяволъ! какая удача!! *(убѣгаетъ — за нимъ слуга.)*

М А Р Г Я.

Машушка! чино это значить?

М А Р Г А Р И Т А *(съ разсѣяніем.)*

Я не опомнись; ничего не могу по-
нять!

С Л У Г А *(сходитъ.)*

Приказано просить . . .

(Мать и дочь смотрятъ другъ на друга съ горестнымъ недоумѣніемъ — и слѣдуютъ за слугою)

Т Ю Р Ъ М А.

Л Ы С Н И Ц К І Й и Р Ж Е В С К І Й. *(оба плачутъ, держа другъ дру-
га съ объятіемъ.)*

Р Ж Е В С К І Й.

Посмотри, Графъ! мнѣ шолько со-
рокъ пять лѣтъ, а нѣтъ ни одного воло-
ска чорнаго; — я посѣдѣлъ въ полгода!

Л Ы С Н И Ц К І Й.

Такъ и ны прешерилъ?

Р Ж Е В С К І Й.

Много!

Л Ы С Н И Ц К І Й.

И тебя разорилъ этошъ хищникъ!

Р Ж Е В С К І Й.

Совершенно!

Л Ы С Н И Ц К І Й.

И этому причиною Прелесна?

Р Ж Е В С К І Й.

Это ядовитое явореніе, которое вос-
питалъ я на груди моей; — берегъ, ле-
дѣлъ — и награжденъ!

Л Ы С Н И Ц К І Й.

Какъ могла она уснись въ этомъ?

Р Ж Е В С К І Й.

Чино не возможно для развратной
красавицы и зкоренялаго злоды? Она
согласилась — и въ одну ночь съ злодою
убийцъ оиъ началъ на домъ мой. — Все
разграбили — се увезли. — Я началъ про-
сить удовлетворенія; — домъ мой со-

жган, меня поймали и засидели въ это подземелье. Полгода ною въ семь погребъ — лучь солнца не освѣщала меня, — ни разу не дышала я свѣжимъ воздухомъ!

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

Я слышу шумъ . . . уйди въ свою пещеру, дабы не разлучили насъ, увидя емѣшь.

Р Ж Е В С К І Й *(уходитъ въ нѣмой горсти.)*

С Л У Г А *(сходитъ.)*

Не угодно ли прогуляться на чистомъ воздухѣ?

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

Гнусный наемникъ злодѣя! — поди къ своему адскому повелителю, — скажи . . .

С Л У Г А.

Что вѣчно хохлите сидѣшь въ тюрьмѣ? — незрячо.

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

Боже мой! чего онъ отъ меня требуетъ? чего требуетъ эиошъ извергъ?

С Л У Г А.

Проситъ васъ къ себѣ.

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

Боже! что со мною будетъ?

С Л У Г А.

Это отъ васъ зависитъ.

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

Здѣсь жена моя? дочь?

С Л У Г А.

Здѣсь.

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

Бѣдныя швари, я погубилъ васъ!

(уходитъ.)

С Л У Г А *(въ слѣдъ за нимъ.)*

Однако эиъ комисіи неиряшны! —

Гдѣ-шо Воозъ?

П О К О И В Ъ З А М К Ъ .

Б А Н И Т Ъ , В О О З Ъ .

Б А Н И Т Ъ .

Дуракъ!

В О О З Ъ .

Какъ угодно.

Б А Н И Т Ъ .

Я на тебя надѣялся!

В О О З Ъ .

И я . . .

Б А Н И Т Ъ .

Чтожъ помѣшало?

В О О З Ъ .

Самая малоснѣ! — мать велѣла ей остаться дома.

Б А Н И Т Ъ .

И ты не могъ ее опшуда вырвать?
Воозъ!

В О О З Ъ.

Можешь быть мнѣ бы и удалось — но на эту самую пору нагрязнулъ брань ея Василій Лѣсницкій, Офицеръ Черноморскихъ козаковъ, съ восьмью своими товарищами. — Я быюсь объ закладъ — пусли дьявола — и шовъ не унесешь ни нишки.

Б А Н И Т Ъ.

Какъ же бышь?

В О О З Ъ.

Какъ угодно.

Б А Н И Т Ъ (думаетъ.)

Мать и дочь здѣсь; онѣ пришли по письму его: — я призову его наизащкъ Лизъ — и она придетъ. Bravo! bravo! — (бьетъ объ ладони.) Гдѣ спарикъ?

В О О З Ъ.

Я слышалъ — его выпустили.

Б А Н И Т Ъ.

Я велѣлъ — сюда его! (воозъ уходитъ) Какой же я дуракъ! для чего тогда же не послалъ я съ Воозомъ цѣлаго конвоя слугъ, чтобъ силою приволочь эту упрямую дѣвку? — Теперь едва ли удастся! Все Баннины поемъ юлися моей неудачѣ; я буду самой презрѣнней въ кругу своемъ!

ЛѢСНИЦКІЙ, ВООЗЪ (сходятъ.)

Б А Н И Т Ъ.

Ну, спарикъ, — теперь буду я говорить съ тобою опроверженіе. —

ЛѢСНИЦКІЙ (съ оскорбленіемъ.)

Баннишь! со мною такъ и Короли не говорили. — Я въ шемницѣ — но я помню, кто я.

Б А Н И Т Ъ.

Ты и долженъ помнить! ны спарикъ упрямой, дерзкой спарикъ, котораго бы я давно повѣсилъ, — еслибъ меньшая дочь твоя не такъ была мила.

ЛѢСНИЦКІЙ.

Боже! Боже!

Б А Н И Т Ъ.

Согласенъ ли ны услышишь мнѣ ее?

ЛѢСНИЦКІЙ.

Въ наложницѣ?

Б А Н И Т Ъ.

Какой вопросъ! — Ну, спарикъ, говори мнѣ, согласенъ ли ны? — иначе...

ЛѢСНИЦКІЙ.

Иначе...

Б А Н И Т Ъ.

Сего дня же голова твоя будетъ висѣть на зубцѣ этой банни!

ЛѢСНИЦКІЙ.

Баннишь! помнишь ли ны себя? помнишь ли — что и ны смертенъ? — и ны такъ со мною поспунаешь! Не уже ли ны думаешь вѣчно господствовать? О! придетъ, придетъ время... (ожъ горести останавливается.)

Б А Н И Т Ъ.

Замолчи, проклятой пророкъ! пусть идешь это время — между нѣмъ въ послѣдній разъ спрошу тебя, напишешь ли ты къ своей дочери, чтобы она пришла сюда!

Л Ъ С Н И Ц К И Й.

Да покараешь меня гнѣвъ Небесный, ешьли хотя одна такая мысль придетъ къ моей голове! — Я долженъ отдать дочь свою на безчестіе... — о! да будешь проклятъ отецъ, отдающій дочь свою на безчестіе!!

Б А Н И Т Ъ.

Вѣ шорьму его до дальнѣшаго рѣшенія!

Л Ъ С Н И Ц К И Й (уходитъ.)

Да будешь проклятъ отецъ, — отдающій дочь свою на безчестіе! —

Б А Н И Т Ъ (однѣ.)

Что мнѣ дѣлать? я и не чаялъ въ этомъ шарикѣ такого сопротивленія! Не уже ли я въ первый разъ долженъ указать своему желанію? долженъ заглушить ревъ честолюбія, кипящаго въ груди моей? — Трудность — возвышаетъ цѣну — bravo! — (поднимъ голосъ.) трудность — и невозможность! — (быстро.) Нѣтъ! шестню эта обезьяна Капотовъ думаешь устоять въ своемъ мужествѣ, шестню! — онъ не испытывалъ еще, что можешь дѣлать раздраженное

пожеланіе! (обратись къ бѣсѣ Эпикурову.) Ты что скажешь, сладколюбецъ! оставишь ли мнѣ свое предиріаніе — какъ нѣтъ? — Эпотиъ огонь наслажденія, пылающій въ глазахъ твоихъ; — эта похотливая улыбка — ясно говорятъ мнѣ: нѣтъ! нѣтъ! — и я ошѣвчаю: нѣтъ, нѣтъ! Все способы употреблю я, — употреблю все роды ласканій и мученій, — все испытаю; — и ешьли не успѣю, — то самъ лягу на ихъ шрунахъ, и засылая скажу: „Такъ засылаешь раздраженное сладколюбіе!“, — О Эпикуръ! не смотри на всѣхъ Цицероневъ, — ты будешь великъ въ глазахъ моихъ — въ глазахъ цѣлаго свѣта!

СПАЛЬНЯ ПРЕЛЕСТЫ.

ГОРНИЧНАЯ (сходитъ.)

Сей часъ будешь.

ПРЕЛЕСТА.

Хорошо! (дастъ знакъ — горничная уходитъ.) Такъ! такъ! — я ошномъ знаю, что кагая дѣвка можешь расшопить самаго дьявола холодноснни. — И такъ не уже ли я не успѣю? — попробую — и ешьли нѣтъ — Жиды обмануть не шрудно.

В О О З Ъ.

Что прикажете, Сударыня?

ПРЕЛЕСТА.

Я оскорбила тебя, Воозъ — просни! (подастъ ему руку.) Проснишь ли ты меня?

В О О З Ъ.

Прелесная дѣвушка оскорбишь меня не можешь, хотя бы она . . .

П Р Е Л Е С Т А *(перебивая.)*

И такъ ны мнѣ послужишь? въ послѣдній разъ!

В О О З Ъ.

Готовъ!

П Р Е Л Е С Т А.

Послушай, Воозъ! — я знаю, что Банишь забылъ меня; — увѣрена! *(молчитъ нѣсколько времени.)* Ты не прощиворчишь, Воозъ?

В О О З Ъ.

Извините — я задумался.

П Р Е Л Е С Т А.

Пусть бы онъ только не любилъ меня, — но онъ сколько вѣроломнѣ, что даже не допускаешь меня къ себѣ; не хочешь говорить со мною, — вездѣ меня бѣгаешь, — а можешь быть скоро я осуждена буду гнѣшь въ погребѣхъ съ прочими жертвами его немилосердїи! — и такъ я прошу тебя — употреби все свое искусство; воспламени же его опять ко мнѣ хоть на одну минушу! . . . общаешь?

В О О З Ъ.

Смѣю спросить . . .

П Р Е Л Е С Т А.

На что? — изъ одного взгляда, изъ одной улыбки узнаю я, — припворяешься ли онъ, или еще нѣсколько любишь. — Ешьли нѣшь — то — Воозъ! — я его оставлю. Опру послѣднюю слезу раскаянїя о прошедшемъ дурачествѣ, — опдамъ тебѣ руку свою, свое сердце — все, все. — Воозъ! . . . общаешь?

В О О З Ъ.

Прелеста!

П Р Е Л Е С Т А *(сжимаетъ его руку.)*

Тогда опдамъ тебѣ свою руку, свое сердце — и все, все! *(убѣгаетъ.)*

В О О З Ъ.

(стоитъ нѣсколько времени на одномъ мѣстѣ, по томъ бѣтъ себя въ лобъ и хохочетъ.)

Меня обмануть — проведи! . . . — о! еще не родилась въ свѣтъ женщина, которая могла бы такъ играть мною, какъ думаетъ Прелеста. — Спои! *(думаетъ)* — такъ! я здѣлаю — здѣлаю, что внушишь мнѣ опвергнутая любовь, чудливо состраданїя — и оставшаяся искра чело-вѣческа. —

III.

В Е Ч Е Р Ъ.

ПРИХОЖАЯ ВЪ ЗАМКѢ.

Д В О Е С Л У Г Ъ.

1й С Л У Г А.

Знаешь ли ты гротъ въ саду — что на лѣвой сторонѣ пруда?

2й С Л У Г А.

Поди туда; — тамъ есть малая насыпь. —

1й С Л У Г А.

На кошорой стоишь бесѣдка?

2й С Л У Г А. |

Да, да! ты сними эту бесѣдку — она снимается. —

1й С Л У Г А.

Только?

2й С Л У Г А.

Только.

1й С Л У Г А.

Да не знаешь ли — за чѣмъ это?

1й С Л У Г А.

Банишь велѣдъ — видишь ты знаешь, что тамъ есть опшверснѣ въ шюрмы, — и опшуда слышны все разговоры ильныхъ?

2й С Л У Г А.

И Банишь ихъ слушаешь?

1й С Л У Г А.

Оль эшѣмъ забавляется.

СПАЛЬНЯ ПРЕЛЕСТЫ.

ПРЕЛЕСТА.

(*всякооѣнно одѣтал, стоитъ предъ зеркаломъ и опра-
вляетъ букетъ цвѣтовъ; по-
длѣ нес Дарья — ея горнич-
ная.*)

Не много ли цвѣтовъ, Даша? — кажется букетъ слишкомъ великъ?

Д А Р Ъ Я.

И — Сударыня! чѣмъ больше розъ — тѣмъ лучше; смотришь — какъ прекрасно!

ПРЕЛЕСТА.

Нѣтъ, эшѣ два розона выну! — а ешавлаю эшотъ полный и эшотъ ши-

покъ. — За чѣмъ? прочь! — *(вырываетъ изъ букета шицокъ, бросаетъ на полъ и топчетъ ногами.)*

ДАРЬЯ.

Что въ немъ въ самомъ дѣлѣ? — то ли — приколось ещенъ распустившійся? . . . какъ пушисть!

ПРЕЛЕСТА.

И ты думаешь, что онъ лучше это-го нераспустившагося?

ДАРЬЯ.

Конечно!

ПРЕЛЕСТА.

О естли бѣ всѣ шакъ думали! *(прикалываетъ букетъ.)*

ДАРЬЯ.

Вы, Сударыня, слишкомъ много открыли грудь . . . бойшесь показашь дру-гя розы!

ПРЕЛЕСТА.

(улыбалась.)

Дура! теперь такъ носяшь.

ДАРЬЯ.

Смѣю ли спросить, Сударыня, для кого такъ наряжаешься?

ПРЕЛЕСТА

(весело.)

А какъ бы ты думала?

ДАРЬЯ.

(улыбалась оправляя ко-сынку на своей груди.)

Я догадываюсь . . .

ПРЕЛЕСТА.

Ну?

ДАРЬЯ.

(смотритъ ей въ глаза.)

Это для Василья Петровича Лѣ-сницкаго?

ПРЕЛЕСТА.

(роняетъ изъ рукъ розонъ — но томъ, быстро посмо-трѣвъ на нее, улыбается.)

А! это значить — я готовлюсь на потъ свѣтъ, Дарья?

ДАРЬЯ.

Боже избави! за чѣмъ вамъ ходить на потъ свѣтъ, когда и на этомъ естъ люди, которые васъ любяшь?

ПРЕЛЕСТА.

(испытательно.)

Что вздумалось тебѣ спросить меня о Лѣсницкомъ?

ДАРЬЯ.

Вить вы знаете, Сударыня . . . охъ! вы меня не слушаете . . .

ПРЕЛЕСТА.

Говори, говори, Дарыешка!

ДАРЬЯ.

Помните ли шь ночи, когда я прочвожала васъ шайно въ садъ — шь ночи, когда бывало я караулила у бесѣдки, — какъ выходили вы опшуда шакъ веселы, шакъ веселы — чшо я бывало плакала . . . слезы навершывались на вашихъ рѣсницахъ — вы меня обнимали, называли своимъ другомъ — а щеперь . . .

ПРЕЛЕСТА.

Что тебѣ это здѣлалось? — ты меня расстрогала!

ДАРЬЯ.

Право у меня не было никакого намѣренія. — Когда я вспомню, какъ намъ было хорошо у старика Ржевскаго, и какъ здѣсь — шю у меня слезы навернулись; — когда вздумаю, какъ съ вами поступаешъ Банишъ — ц вообразу, какъ послушалъ бы Дѣсницкій, шю мнѣ шакъ спашовишся грустно, шакъ грустно, — что не знаю, за что и приняшся!

ПРЕЛЕСТА.

(съ разсѣянн.)

Чшожъ дѣлать, Даца? Было, и прошло; — можешъ бышь и ошяшь возвратишся.

ДАРЬЯ.

Кшо возвратишся?

ПРЕЛЕСТА.

Наше щастливое время.

ДАРЬЯ (про себя иѣсколькю).

Ншшъ! эшюшъ поспрѣль врѣшъ.

ПРЕЛЕСТА. (ослушавшися)

Кшо врѣшъ?

ДАРЬЯ.

Жидъ, Воозъ.

ПРЕЛЕСТА

Что онъ говоришъ?

ДАРЬЯ.

Будто Василій Петровичъ ворошился . . . эшо я подслушала. —

ПРЕЛЕСТА.

Ворошился?

ДАРЬЯ.

Съ 8ю своими поваричами; — какѣ, говорятъ, удалцы! — *(тихо)* Банитъ труситъ.

ПРЕЛЕСТА.

Ворошился? — Боже мой! ешьли это правда!

ДАРЬЯ.

Это мы давно бы слышали: — да какъ онъ былъ въ козакахъ — то они дьяволы — и назови его Черноморомъ; — шо-шо забавное имя!... проклятые!

ПРЕЛЕСТА,

Дарья! — и ты говоришь правду?

ДАРЬЯ.

Ешьли не лжешъ Воозъ.

САДЪ ВЪ ЗАМКЪ

БАНИТЪ.;

Что?

СЛУГА.

Все исполнено.

БАНИТЪ.

Каково?

СЛУГА.

Спрашно! — Ешьли приложить ухо къ ошверстїю, шо онъ часныхъ со-

единенныхъ ихъ вздоховъ, и плача, такъ ондаенся музыка, что волосы свиваются дыбомъ!

БАНИТЪ.

Принеси дитя, и приведи Лѣсницкаго — *(слуга уходитъ)* Посмотримъ, — посмотримъ — *(прикладываетъ ухо къ ошверстїю и мы и другъ скакиваетъ съ трепетомъ)* Грѣшники, заключенные въ цѣни дьявола, не стонуть такъ жалосшно! — Ухъ! онъ чего я дрожу? онъ чего холодный потъ вышупилъ на лицъ моемъ? — Не останди ли еще челоуѣчества? не послѣдїи ли гласъ умирающей совѣсти? *(бьетъ себя въ грудь)* Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! — Соберитесь всѣ ужасы ада! пошрясите своими силами милїоны! расперзайте сердца слабыя — мое непоколебимо! — И ты, ты, кровопочащїй червь, змїи смершноуязвляющїй! — и ты, совѣсть! будешь мною заглушена, поругана, попрана! — — —

(Нѣсколько слугъ ослутъ Лѣсницкаго; Воозъ несетъ дитя.)

БАНИТЪ.

Сюда, старикъ, сюда! здѣсь потребую я послѣдняго твоего ошебна; здѣсь произнесемъ ты рѣшенїе на жизнь и смѣрть свою!

Л Ы С Н И Ц К И Й.

Смерть, смерть мнѣ — я принимаю смерть!

Б А Н И Т Ъ.

И ты объ этомъ разсудилъ — глупой самолюбецъ! и ты объ этомъ разсудилъ? — Помыслилъ ли ты, куда идешь? — Шарикъ! . . . последнее слово твое —

Л Ы С Н И Ц К И Й.

Смерть! — последнее слово мое смерть; — смерть — последнее желаніе мое — смерть!

Б А Н И Т Ъ.

Гдѣ стоишь ты?

Л Ы С Н И Ц К И Й.

Хотя бы на своей могилѣ — я умру съ честью!

Б А Н И Т Ъ. *(повергаетъ его на землю)*

Слышишь ли . . . слышишь ли этъ ренанія, этъ вопли твоей жены и дочери?

Л Ы С Н И Ц К И Й.

(съ невозможностію поднимаетъ руки вверхъ и плача смотритъ на небо.)

Б А Н И Т Ъ.

Слышишь ли? — здѣсь помятся убавя солнца меня оскорбившихъ, здѣсь твоя смерть они — живущъ, вѣчно умирая, и живъ будешь адскою жизнью! — Слушай! развѣчалъ ли ты вопли жены своей — оны воплей дочери? ея стоны — оны стоновъ ея?

Л Ы С Н И Ц К И Й.

Ванишь! . . . до конхъ поръ? —

Б А Н И Т Ъ.

Пока не согласишься ты на требованіе ожесточеннаго честолюбія!

Л Ы С Н И Ц К И Й *(съ нѣкоторымъ ожесточеніемъ)*

Никогда! никогда! Прибавь еще тысячи мукъ! усугубь адскія свои хипротисы, — наполни воздухъ моими стопами, напой землю моею кровію . . . я умру съ честью! —

Б А Н И Т Ъ.

Посмотримъ. — Дитя! *(приноситъ младенца)* Эно внукъ твой!

Л Ы С Н И Ц К И Й.

Да будетъ проклятъ день тотъ, когда ты зачала, дечь моя! — день

пошѣ былъ предшественникомъ вѣчнаго
безславія.

Б А Н И Т Ъ.

Эпо внукъ твой!

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

— Ненавистное твореніе — напоми-
нающее мнѣ отца своего!

Б А Н И Т Ъ.

И ты его ненавидишь?

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

Я клянусь его!

Б А Н И Т Ъ.

Своего внука? Хорошо, Лѣсницкій!
смотри, какъ эщонѣ младенецъ прости-
раетъ къ тебѣ свои руки, какъ Ангель-
ски передъ тобой улыбается! — а ты —
злой шарикъ — клянешь его!

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

Боже мой! Ты зришь мое положе-
ніе! — эшо сынъ моей дочери, эшо внукъ
мой!

Б А Н И Т Ъ.

Сынъ твоей дочери — мой сынъ!

Л Ъ С Н И Ц К І Й,

Злодѣй! онъ сынъ твой — а ты
перезаешь отца его матери . . . Чудовище!

Б А Н И Т Ъ.

Онъ сынъ мой — и съ него начну
я. — Весь родъ его оскорбилъ меня — я
мщу всему роду! — Бѣдный младенецъ!
ты умрешь за упрямство своего дѣда; —
Ангель! кровь твоя окропишь сѣдины сего
горделивца!

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

Банниъ! Банниъ!

Б А Н И Т Ъ.

Не думай, что весь гнѣвъ мой ни-
чего не значишь; — что все мои угро-
зы суть угрозы оскорбленной дѣвки! — Смо-
три, смотри! . . . *(застрѣливаетъ младенца.)*

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

*(падаетъ съ воплемъ на
землю; всѣ предсто-
ящіе съ ужасомъ отвѣ-
рачиваются.)*

Б А Н И Т Ъ.

*(подноситъ къ Лѣсницко-
му мертвого младенца.)*

Посмотри, безумецъ! . . . плачешь
ли тебя видѣ сей? хочешь ли ты видѣть

передъ собою жену и дочь въ такомъ положе-
женіи? — говори!

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

(сѣ трепетомъ.)

Отнеси отъ меня эшошь трупъ —
я умру изъ ошчаянія.

Б А Н И Т Ъ.

(опускаетъ ребенка, поя-
омъ прости.)

Видишь ли ты эти руки, обогрен-
ныя кровію? — такъ обогрѣлся онъ кро-
вію жены швоей, дочери, — и швоею
собственною! — Говори послѣднее швое
рѣшеніе?

В О О З Ъ (сѣ сторону.)

Теперь явитесь всѣ мною оскорблен-
ные! скажите: „Воозъ злодѣй!“ (уходитъ)

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

(сѣ рыданіемъ.)

Позволь мнѣ по крайней мѣрѣ погово-
рить объ эшомъ сѣ моею женою. —

Б А Н И Т Ъ.

Нѣтъ! нѣтъ! шеперь . . .

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

Позволь! . . . завтра поушру ты полу-
чишь мой ошвѣтъ.

Б А Н И Т Ъ.

Я хочу шеперь его слышать!

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

(падаетъ къ ногамъ его.)

Молю тебя, Банитъ! я молю тебя —
умилосердись! — позволь мнѣ видѣться
сѣ женою и дочерью?

Б А Н И Т Ъ (подумиомъ.)

Еще разъ дѣлаю я сѣбѣ насиле —
шѣбѣ жершву; — уведише его!

К Л Б И Н Е Т Ъ П Р Е Л Е С Т Ъ.

П Р Е Л Е С Т А , Д А Р Ъ Я.

П Р Е Л Е С Т А.

(сидишь въ креслахъ, держа
сѣ рукахъ три кинжала.)

Спасибо, Дарья, спасибо! — ты здѣ-
лала для меня самой дорогой подарокъ!
— Да гдѣ взяла ты эти кинжалы?

Д А Р Ъ Я (утираетъ слезу.)

Ахъ, Сударыня! — было время! ко-
гда я была хороша, — тогда меня лю-
били. —

П Р Е Л Е С Т А (улыбается.)

И въ знакъ любви дарил кинжалы?

ДАРЬЯ.

Нѣтъ! — а они доспидались мнѣ по случаю.

ПРЕЛЕСТА.

Объ эномъ — то я тебя и спрашиваю.

ДАРЬЯ.

Объ эномъ — то я и говорю вамъ.

ПРЕЛЕСТА.

Да какъ же эно? — я не совсѣмъ тебя понимаю.

ДАРЬЯ.

А вошь я вамъ располкую, Сударыня. Когда я была еще шестнадцати лѣтъ, и жила въ деревнѣ, — то у насъ была тогда война съ Рускими. — Однажды на нашу деревню пашель опрядъ козаковъ; они шакъ спрашны показались нашимъ вниязямъ, что они всѣ, броя пригото- вленное оружје, гошovy были бѣжащъ. — Но слава Богу! у эшихъ козаковъ началь- никъ былъ человекъ доброй, — и они насъ ничѣмъ не пронули. Наши бѣжав- шие герои ворошились — и мы зажили ладно.

ПРЕЛЕСТА.

Напрасно не начала ты отъ Адама, чтобъ прямою линією дойти до коза- ковъ!

ДАРЬЯ.

Охъ! не перебивайте, Сударыня! вошь я и не помню, на чемъ основани- лись.

ПРЕЛЕСТА.

Вы зажили ладно...

ДАРЬЯ.

Да, да; — ну и зажили ладно! — Однажды увидѣлъ меня одинъ козакъ — его звали Эомою; но онъ былъ такой удалецъ, что и рѣдкой Иванъ могъ съ нимъ ладить.

ПРЕЛЕСТА. *(смѣется.)*

Ты меня замучишь своею повѣстью; пожалуй сократи!

ДАРЬЯ.

Извольте. — Эпомъ Эома *(протяжно)* и влюбись въ меня — да какъ же еще —

ПРЕЛЕСТА.

А какъ?

ДАРЬЯ.

По уши!

Част. VII No. 98.

29

ПРЕЛЕСТА (смѣется)

Ну?

ДАРЬЯ.

Ну — онъ и открылся мнѣ въ любви своей. — Чшо мнѣ дѣлать! я сказала, чшо у меня есть уже любовникъ — Польской Шляхвицъ — (убѣдительно) Онъ былъ Шляхвицъ, Сударыня; — но чшо я ни говорила, все по нуснякамъ; — прокляшой козакъ и слушать не хочетъ; — да и сказадь еще, чшо еснван я его не приму къ себѣ ночью — шо буда мнѣ, моему любовнику, и цѣлой деревнѣ!

ПРЕЛЕСТА.

(съ Комическою важностью.)

Чшожъ Дарья шутъ дѣлала?

ДАРЬЯ.

Я позвала своего Сшанислава, объявила ему объ общемъ нашемъ несчастии, и просила, чшобы онъ вслушался за свою любовницу. — Полякъ мой закиньдъ онъ досады; онъ грозилъ въ жару казвать чудесь! —

ПРЕЛЕСТА.

Кажихъ бы?

ДАРЬЯ.

Онъ хощаь- было ниши одинъ на всѣхъ козакъ; хощаь вызвать на поединокъ ихъ пашаьника — и Богъ знаеь чшо хощаь дѣлать! —

ПРЕЛЕСТА.

Ну, а шм чшо?

ДАРЬЯ.

Я паслау могла ушунить его ярень. — Куда какой онъ былъ занамчизой! — Сказко я ни сварадася его ушунить — онъ не хощаь слушать — и ушомъ. — Подъ вечеръ онъ пришолъ съ двумя книжками — конъ съ эиьаь и эиьмаь. — Вась шебъ, Маріанна! одинъ, сказаь онъ, — а самъ взялъ другой —

ПРЕЛЕСТА.

За чѣмъ же это?

ДАРЬЯ.

А конъ видше ли? — онъ гонзався ошомешить Еомъ за грубой со мною пошунокъ и пашунить свою ревность. Онъ уговориь меня снать у садовой калитки, чрезъ которую должеь былъ идти Еома — и шамъ его дожидать; —

а какъ только онъ выпунилъ, то на-
палъ на него съ кинжалами.

ПРЕЛЕСТА.

Для чегожь не съ пистолетами?

ДАРЬЯ.

Я сама ему поже говорила, да онъ
сказывалъ: что ешдан - дискашь изъ
пистолема дашь одинъ промахъ — все
къ чорну! — а кинжалъ только крѣико
держи въ рукахъ, шакъ и дѣло съ кон-
цомъ.

ПРЕЛЕСТА.

Видно онъ былъ искусной воинъ! —

ДАРЬЯ.

О Сударыня! вишь вы слышали —
одинъ хотѣлъ иини на цѣбой опрядъ
козакѡвъ. — — Когда солнце закатилось,
то мы пошли къ каинкѣ и спали по-
чии въ самомъ проходѣ. Своимъ часѣ,
другой, шрепшй - его ишь; я ужасно
успала! Спаниславъ началъ дреманъ —
ишь его. — Наконецъ прокричала совд —
я взглянула — вишь и я начала уже бы-
ло дреманъ — и увидѣла, что Ома уже
подѣлъ меня. Я закричала во все горло,
и уронила кинжалъ. Спаниславъ проснул-

ся, пустился въ бой — а я залѣзла въ
кушарникъ —

ПРЕЛЕСТА.

Думала ли я сего дня такъ сильно
смѣянсья? (смѣется.)

ДАРЬЯ.

Долго бились они; но какъ Спани-
славъ началъ ужъ было и свашъ, — шо
прокляшой козакъ и побѣдилъ его. —
Сколько шошъ ни просилъ, сколько ни
молился — ишь — Ома неумолимъ! —
онъ нарѣзалъ гибкихъ вишневыхъ
прушьевъ, связалъ ему руки и выбро-
силъ за заборъ. — Тушь бѣдной мой Спа-
ниславъ пкнулся на шычину, выкололъ
себѣ глазъ — и шакъ закричалъ жалко,
что я заплакала въ кушарникъ — и
Ома нашелъ меня. — Сколько я ни
опговаривалась — (плюеть съ досадою) —
злой козакъ силою принудилъ меня
быть благосклонною. . . Въ знакъ сего
трагического случая я берегу у себя
эшь кинжаль. — Третій доспался
миъ. —

ПРЕЛЕСТА.

Полно, Дарьюшка! Бога ради полно! —
миъ шенерь недосугъ. — Постой! миъ
надобно одинъ только кинжалъ. (разби-
раетъ) Эшошь широкъ — здѣлаешь боль-

ную рану, но не опасную; — эпитъ по-
нокъ — рана глубока будешъ — но не рав-
но не къ сердцу! — но эпитъ шре-
тривой — заблаешъ и глубокую — и
опасную — неизлѣчимую рѣ.у. Эпитъ
беру я; спря въ прочіе. (*Дави уходитъ съ
книжкой.*) Эпитъ зѣбленъ и глубокою
и опасную — неизлѣчимую рану. (*Полу-
макъ опускаетъ руки съ улынѣмъ.*) Какъ
спрашно! ужасно ... Дѣвушка, робкая, пе-
очившая дѣвушка говорится бытъ убій-
цею! ... Ухъ! (*легко вздогиваетъ.*) Преле-
ши! на шо ли созданы швыи руки, что-
бъ омываться кровію? на шо ли шакъ
спально бѣшешъ швое сердце, кровь шакъ
кипитъ пламенно, чтобъ со веѣмъ опре-
мленѣмъ панасть на злодѣя? Ишъ!
спроси у природы — у своего сердца — ошъ
скажутъ; ишъ!! (*съ полунавернувшимъ
ся слѣдами.*) Чшо жъ мнѣ дѣлать? чшо
мнѣ дѣлать? — Дѣйи ли до шого,
чтобъ съ шереѣнѣмъ шоснѣмъ его
прѣврънѣе — и ждаль, пока зло-
дѣй сей заключитъ меня въ узакенна
подземелья, гдѣ гнѣшъ сошви мнѣ по-
добныхъ? — Говорите, природа, сердце!
говорите, чшо мнѣ дѣлать? (*съ упо-
стизительностію прижимаетъ дѣиую руку къ
сердцу — шраую съ книжкойю полимленѣ
осерхъ.*) Такъ! шакъ! вооружасъ эпитъ
орудіемъ — ишири — куда повлечешъ
меня опчаящая ревность!

КАБИНЕТЪ БАНИТА.

ВООЗЪ. (*однѣ.*)

Двѣихъ — поражу однимъ уда-
ромъ! — Ошъ чего — говоритъ напура-
лисим — ошъ чего не выростаешъ
шнолько ядовитныхъ змѣй — сколько
раждаешся? — Ошъ шого, чшо ошъ по-
жирающъ своихъ младенцовъ. — Такъ
пуснѣ и эша змѣя пожрешъ другую — и
умрешъ ошъ пожраннаго яду!

БАНИТЪ (*сходитъ.*)

Я велѣлъ позвать тебя —

ВООЗЪ.

Я здѣсь.

БАНИТЪ.

Чшо мнѣ дѣлать? я теряю на-
дежду!

ВООЗЪ.

Я потерялъ.

БАНИТЪ.

Я требую совѣта.

ВООЗЪ.

Позволише ли мнѣ сказать свои
мысли?

Б А Н И Т Ъ.

Говори.

В О О З Ъ.

Какъ бы вы назвали того человѣка, которой, видя на высочайшемъ утесѣ развернувшійся еще розовой шипокъ, и желая видѣть его расцвѣтшимъ на груди своей — спалъ бы досматривая его съ величайшими трудностями, (*проникливо*) спалъ бы топчась ногами прекрасныя цвѣтущія розы? — Какъ бы вы его называли?

Б А Н И Т Ъ.

Воозъ! кто себя заставлялъ говорить такъ?

В О О З Ъ.

Мое усердіе — и желаніе видѣть васъ опять спокойнымъ.

Б А Н И Т Ъ.

Но кто вселялъ въ меня желаніе искать этой нераспустившейся розы?

В О О З Ъ.

Я. — Но я не предполагалъ, что вы оставите прекрасную цвѣтущую розу — и будете такъ беспокоиться. — Я не говорю, чтобъ вы перестали искать Лизы, только не совѣщую оставлять Прелесну въ слезахъ и опечаленіи.

Б А Н И Т Ъ.

Въ слезахъ?

В О О З Ъ.

И въ величайшемъ опечаленіи. — Нѣкто сказалъ — что нѣтъ большаго печаленія для женщины, какъ видѣть себя оставленною любимымъ человекомъ. —

Б А Н И Т Ъ.

Она любитъ меня . . .

В О О З Ъ.

Обожаетъ! —

Б А Н И Т Ъ.

Я несправедливъ противъ нее . . .

В О О З Ъ.

Чрезвычайно!

Б А Н И Т Ъ.

Я хочу съ нею примириться. Спасибо, Воозъ! ты вывелъ меня изъ заблужденія: я терялъ вѣрное на неверное; однако искать Лизы — не перестану. — Я иду къ Прелеснѣ. (*уходитъ*.)

В О О З Ъ.

Слунай, куда повлечетъ тебя судьба своя!

ТЮРЬМА.

МАРГАРИТА и МАРИЯ.

*(сидитъ въ маленькой комна-
ткѣ со сводами. Лежъ жу-
дыя постели. Горитъ по-
шакъ.)*

МАРИЯ.

Матушка! я до сихъ перъ не опомнюсь!

МАРГАРИТА.

И я!

МАРИЯ.

Гдѣ банюшка?

МАРГАРИТА.

Гдѣ мужъ?

МАРИЯ.

Для чего онъ звалъ насъ? — Не уже ли насъ обманули? — не уже ли это подложное письмо? Боже мой! — Но что удовольствия Банюшу въ нашемъ мучении? — Не уже ли у него показенся новая улыбка радости, когда услышавъ онъ, какъ рыдаетъ несчастная Марія? *(плачетъ.)*

МАРГАРИТА.

Невинная душа! нимъ судишь по себѣ: — но злодѣй, именно дѣлаешь для того зло — что оно зло; — онъ насъ терзаетъ — желая видѣть, сколько веревки можетъ утигивенная невинность!

СПАЛЬНЯ ПРЕЛЕСТЫ.

БЛНИТЪ.

*(держитъ на рукѣ расстро-
ганную Прелесту.)*

Успокойся, Прелезна, успокойся!

ПРЕЛЕСТА.

И такъ Банюшъ онаяшъ . . .

БЛНИТЪ.

Тебя любишь!

ПРЕЛЕСТА.

О! для своей чести — оставь меня!
Прошу тебя — оставь меня для своей чести!

БЛНИТЪ.

Для своей чести?

ПРЕЛЕСТА.

Тогда никто не скажетъ, что твоя подруга была столько подлая — что могла

равнодушно съ другою раздѣляшь свое сердце!

Б А Н И Т Ъ.

Клянусь тебѣ, этого никто не скажетъ! я оставляю Лизу.

П Р Е Л Е С Т А.

Оставляешь?

Б А Н И Т Ъ.

Для тебя — мой Ангелъ! (*цѣлуетъ ее съ жаромъ.*)

Т Ю Р Ь М А.

Л Ъ С Н И Ц К І Й, МАРГАРИТА и МАРІЯ.
(*рыдая обнимаются.*)

М А Р Г А Р И Т А.

И такъ ты пренебрѣлъ много?

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

Сколько — сколько человекъ перенести можешь; — и буду шептать, сколько позволитъ человечеству!

М А Р І Я.

Наши бѣды еще не кончились?

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

Едва началось только. — Жена, дочь моя! — я пришелъ только поговорить съ вами, увидѣвшись, — а шамъ — шамъ...

М А Р Г А Р И Т А.

Милосердый Боже! что съ нами будетъ?

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

Что долженъ былъ я чувствовать — Боже!

М А Р Г А Р И Т А.

Онъ не человекъ! — Слыхано ли, чтобы заспавишь отца слышашъ подземельные воли жены и дочери? Господи!

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

Не смотря на все сіе — я былъ еще спокоенъ! не смотря, что каждый соединенный вонъ вашъ раздиралъ мою внутренность, каждый вздохъ засужалъ кровь въ груди моей — я могъ еще прошивоспояшь ему; но когда онъ — — — Марія! сколько любила ты своего сына?

М А Р І Я.

Баюшка! — эпошь вопросъ! . . . я слышала, онъ въ безопасности? —

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

О! онъ въ совершенной безопасности, дочь моя! онъ шеперь наслаждаетъ

ся вѣчною свободою — свободою Духовъ
небесныхъ.

МАРІЯ.
(съ блестящимъ беспокойствомъ.)

Ванюшка! —

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

Я хотѣлъ только пригословить тебя
къ удару. —

МАРІЯ.

Удару? — о! разнше, разнше! —
много перевеса я ударю.

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

Сынъ твой — мерщвъ.

МАРГАРИТА и МАРІЯ.

Мерщвъ?

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

Онъ руки самого Ванюша!

МАРГАРИТА.

Ахъ! гдѣ мы? куда заключала насъ
власть вышняя? — Каждое извѣстіе —
смерть!

МАРІЯ.

(поглавъ много и стуженія
утираетъ слезы.)

Пусть его! — онъ не будетъ напо-
минать мнѣ Боже моего безчестія! —

МАРГАРИТА.

Дочь моя! —

МАРІЯ.

(бросаетъ съ ея объятія!)

Машушка! утѣшьте несчастную дочь
вашу — она погибаетъ. —

Л Ъ С Н И Ц К І Й.

Придите сюда, вы, вольнодумствующе
фашистскыя, — умы буйныя, сер-
дца развращенныя! — придите; посмо-
трите на эту картину, и тогда ска-
жете: — вѣшь лучшаго міра! — увѣрь-
те — чшо не будетъ небснаго возда-
нія! — — —

ПОКОНЪ ВЪ ДОМѢ ЛЪСНИЦКАГО.

В О О З Ъ.

(стоитъ у фортепіано и
бредитъ.)

Нѣтъ, нѣтъ ни одного вѣрнаго
піана, — нѣтъ ни мадагаскарской гармоніи! —
чувства мои заняты другимъ — рука не
владѣетъ.

ЧЕРНОМОРЬ.

(урагостел.)

Гдѣ? гдѣ онъ?

ВООЗЪ.

Кто? — я здѣсь.

ЧЕРНОМОРЬ.

*(бурясь обнимать его.)*Что, другъ мой! ты здѣсь? Часъ
открытія насмалъ!

ВООЗЪ.

Открытія? — но надѣешься ли ты
выслушать его?

ЧЕРНОМОРЬ.

Я не дѣка!

ВООЗЪ.

Этого не довольно; — надѣешься ли
ты опмещинить за свою обиду?

ЧЕРНОМОРЬ.

Доколь будешь послѣдняя капля
крови въ моихъ жилахъ! —

ВООЗЪ.

Чтобы понять истинну — гово-
рятъ философы — должно прислушаться
сколько можно съ спокойнѣйшимъ ду-
хомъ; — ипакъ слушай внимательно.

ЧЕРНОМОРЬ.

Ты плути! самымъ приготоулені-
емъ твоимъ ты приводишь меня въ без-
покойство. Говори!

ВООЗЪ.

Ты знаешь уже, что твои помѣстья
разграбилъ Банишъ Зельскій. — Онъ со-
жегъ твой замокъ — жно ты знаешь; —
но я увѣренъ, еще не дошло до твоего
слуха, что эптоиъ самой Банишъ...
Черноморъ! — собери все свое вниманіе и
выслушай до конца... что эптоиъ самой
Банишъ похинилъ сестру твою, зды-
лалъ се матерью; что онъ и теперь,
въ самую сію минушу держитъ ее, тво-
его онца, мать твою — въ бездонныхъ под-
земельяхъ — для того только единствен-
но, что эптоиъ шарикъ былъ сколько
горделивъ, — что не уступилъ
своей меньшей дочери, своей Лизы. —

ЧЕРНОМОРЬ.

*(поблдиѣвъ отъ ярости
сидитъ медленно.)*

Право?

Часть VII. Но. 99.

30

В О О З Ъ.

(на укол до весь ротъ.)

Ты не дѣвка!

Ч Е Р Н О М О Р Ъ.

(оскакиваетъ съ бѣшенствомъ.)

И докажу эпо! — Клянусь Небомъ и землею — докажу эпо проливыми потоками крови. — Мой отецъ, мать, моя сестра помянутся въ пемницахъ! — Высшнія Силы! когда эпо бывало? и за что — за что?

В О О З Ъ.

Что онъ любилъ честь свою, — свою кровь!

Ч Е Р Н О М О Р Ъ.

Я не могу опомниться! столько вѣстей — столько ужасныхъ! — Мой отецъ — Боже!

В О О З Ъ.

Не безпокойся напрасну! Каждая минута медленія есть вѣкъ золь для родныхъ твоихъ. Они теперь въ пемницѣ; — я слышалъ вопли ихъ, чувствовалъ ихъ горесть, — и — Черноморъ! я плакалъ; — я, никогда въ жизни не плакавшій — плакалъ — видѣлъ, какъ онъ засмѣялся собственнаго своего сына, сына сестры твоей Марш! — Готовься!

Ч Е Р Н О М О Р Ъ.

Постой, постой! я не соберусь съ духомъ... не могу рѣшиться, какъ приступить къ дѣлу. — Естество я могъ заключить его въ адскія спремнины, шуда, гдѣ вѣчно грызущіе черви и ядовитыя ехидны угрызающъ не умерщвляя, — шуда, гдѣ ядовитое адское пламя пожирало бы его внутренностью; — хотя бы и шуда я могъ заключить его... то и шущъ — и шущъ я не доволенъ!

В О О З Ъ.

Какъ слабо твое воображеніе! — Я дѣлаю болѣе — болѣе почувствуешь онъ муки, нежели въ самомъ адѣ! — Такъ! онъ будетъ поминься, будетъ стѣнать — и никто его не услышитъ; — никогда не увидишь онъ луча солнечнаго, никогда не будешь дышать вольнымъ воздухомъ. — Онъ возрыдаетъ — и одинъ подземельной опголосокъ будетъ ошвѣчать ему дикимъ грохотомъ; — онъ проклянетъ жизнь свою, проклянетъ день своего рожденія — и будешь жить вѣчно умирая.

Ч Е Р Н О М О Р Ъ.

Воозъ! Ты величайшій . . .

В О О З Ъ.

Изобрѣтатель? — не правда ли? — Но ты не можешь опогадить, что я намеренъ здѣлать? — Все готово! Садовникъ подкупленъ. Въ скрытномъ мѣстѣ сада выроешь онъ могилу смежную съ шюрмами — туда мы заключимъ его. — Въ малое отверстие, проведенное изъ шюрмы, будешь онъ получать пищу и воздухъ. — Онъ будешь жить — и позавидуетъ жизни пресмыкающейся ехидны.

Ч Е Р Н О М О Р Ъ.

Прекрасно, прекрасно! онъ этого стоитъ!

В О О З Ъ.

Тогда онъ болѣе не расплатитъ сестры твоей!

Ч Е Р Н О М О Р Ъ.

Перестань!

В О О З Ъ.

Не забывайшь своего отца, мать твою шемъшься въ подземельяхъ!

Ч Е Р Н О М О Р Ъ.

Перестань! я не могу этого выдержать.

В О О З Ъ.

И твоя Прелесна, — ибжная, цѣломудренная Прелесна не будешь ушопань въ безднѣ сладосипраснѣ!

Ч Е Р Н О М О Р Ъ

*(съ бѣшенствомъ
хлещетъ за
саблю.)*

Пойдемъ, пойдемъ! . . . я готовъ!

В О О З Ъ.

Не спиши. Намъ нужна помощь твоихъ шоварищей. За выдумки берусь я, — на руки надѣйшесь вы!

Ч Е Р Н О М О Р Ъ.

О! пойдемъ, пойдемъ! они въ саду; пойдемъ!

Т Е М Н А Я А Л Е Я В Ъ С А Д У
Л Ъ С Н И Ц К А Г О

Ж Е Л Ъ З Н Ы Й

(съ 7ю своими товарищами.)

К О З Л К Ъ (оббгастъ.)

Что это? — Черноморъ нашъ сошелъ съ ума! — я видѣлъ, какъ онъ перебѣгалъ изъ алеи въ алею, ломалъ

деревья, топталъ цвѣты, и такъ издирался, что кровь течетъ съ рукъ, лица и груди.

В С Ъ (оскалываютъ.)

Что? что?

К О З А К Ъ.

Жидъ Воозъ такъ же испугалъ меня. — Онъ шелъ прямою дорогою тихо, — но лицо его было совершенно фиолетоваго цвѣта, глаза горѣли, губы почернѣли; — онъ всирѣшилъ меня, и такъ посмотрѣлъ, — что я едва не закричалъ!

В С Ъ (смотритъ другъ на друга съ крайнимъ изумленіемъ.)

Ж Е Л Ъ З Н Ы Й.

Я понимаю, что это значитъ! (хочетъ бѣжать — но Черноморъ вторгается съ одной стороны, а Воозъ съ другой.)

Ч Е Р Н О М О Р Ъ.

Вы здѣсь сидите, какъ спануи — а тамъ дѣлаются чудеса, какихъ онѣ начала свѣта не бывало!

В С Ъ.

Черноморъ! ты въ крови!

Ч Е Р Н О М О Р Ъ.

Я пришелъ къ вамъ — чтобы вы смыли кровь сію — кровію злодѣевъ! — того иду я — того требую.

Ж Е Л Ъ З Н Ы Й.

Другъ мой!

Ч Е Р Н О М О Р Ъ.

Нѣтъ! не называй меня теперь своимъ другомъ — не называй! — Тогда, когда рука твоя омоеся въ крови гнуснаго изувѣра — тогда сожми ею мою руку — тогда назови меня своимъ другомъ, — и я повѣрю — тогда!...

Н Ъ К О Т О Р Ы Е.

Кто обидѣлъ тебя? — говори!

Ч Е Р Н О М О Р Ъ.

Говоришь? — О! слабо бы я чувствовалъ, еслибы могъ словами изъяснить мою горестъ... Кто можетъ говоришь — тотъ еще не чувствуетъ. (посѣтъ отъ ярости — и падетъ на скамью.)

В С Ъ.

Воозъ! что это значитъ?

ВООЗЪ,

(которой до сихъ поръ
стоялъ позади
поджавъ руки —
быстро становится
въ толпу.)

Онъ требуетъ вашей помощи!

В С Ъ.

Въ чемъ? гдѣ?

ВООЗЪ.

Куда поведетъ васъ моя отважность. — Сюда онъ велъ васъ изъ развалинъ, здѣсь надѣясь доставить вамъ покойствие: — но онъ нашелъ — обруганную сестру — отца и мать въ шеницѣ, — онъ нашелъ ихъ, и требуетъ мщенія, мщенія! — (задышался) онъ васъ требуетъ онъ мщенія!

ЧЕРНОМОРЪ,

(оскакивалъ къ изумленной
толпѣ.)

Такъ, друзья мои! я требую мщенія! Готовы ли вы услужить своему другу — бѣдному — обиженному другу — и кѣмъ?

ЖЕЛѢЗНЫЙ.

(протягиваетъ обиженную
руку.)

Доколѣ будетъ хопя малѣйшая капля крови въ рукѣ моей — хопя малѣй-

шая искра отважности въ моей груди — до шѣхъ поръ не ослабѣю я — совершая мщеніе!

В С Ъ.

Мщеніе! мщеніе!

Н Ъ К О Т О Р Ы Е.

Веди насъ! веди! — мы совершимъ мщеніе!

В С Ъ.

Мщеніе! мщеніе!

ЧЕРНОМОРЪ.

Воозъ будетъ весить васъ. — Воозъ! располагай.

ВООЗЪ.

Пойдемъ всѣ, друзья мои! — Четверыхъ изъ васъ проведу я ко внутренности замка, — четверо останутся въ саду, и станутъ насъ дожидаться. — Пойдемъ! Скоро . . . упоенный надеждою и сладострастіемъ . . . Банниъ кинется на поселя — и мы — мы побѣдимъ — не смотря на множество рабовъ, которые только ждутъ случая восстать противъ него. — Пойдемъ! — Никто не здѣлаетъ ни малѣйшаго препятствія — всѣхъ нужныхъ подкупилъ я.

ЧЕРНОМОРЪ.

Пойдемъ! Мы преодолѣмъ всѣ опасности, пройдемъ мосты его и ограды! — и хотя бы окружился онъ адскими рѣками и легионами дьяволовъ — мы возьмемъ его! въ виду вселенной вырвемъ изъ него невѣрное сердце — и шако насытимъ свое мщеніе!

В С Ъ *(уходя поспѣшно.)*

Мщеніе! мщеніе! мщеніе!!!

САДЪ БАНИТОВЪ.

*(Садовникъ Три работни-
ка кончатъ яму.)*

САДОВНИКЪ.

Что? — я думаю скоро будетъ готово?

1й РАБОТНИКЪ.

Совсѣмъ; все готово!

САДОВНИКЪ.

(мѣряетъ.)

Такъ и есть: квадратная сажень въ 20 футовъ глубины.

2й САДОВНИКЪ.

Да на что это?

САДОВНИКЪ.

Приказано. — Ба! ба! спешитесь жемио! Какіяжъ тучи! *(небо покрывается тучь отъ часу большими тучами.)* Какъ ярко оледенитъ молнія! — Громъ далеко; однако тучи идутъ сюда! Поскорѣй бранцы вымешайте — гроза становится!

РАБОТНИКИ.

Совсѣмъ! совсѣмъ!

САДОВНИКЪ.

Ну, спупайте домой; — я послѣ позову васъ. *(работники уходятъ)* Какъ все тихо въ замкѣ! какъ печально вокругъ его! — Каждую минуточку бѣгаетъ управитель, чтобы мосты были подняты — и чтобы всѣ спицы были цѣлы на каменной оградѣ! — Отъ чего жъ я такъ веселъ въ бѣдной своей хижинѣ, хотя у меня нѣтъ ни серебра ни золота? — Однако тучи спускаются сильнѣе — поини-было — *(блеститъ сильная молнія. — садовникъ крестится, и уходитъ съ благоговѣніемъ.)*

НОЧЬ.

(Длинный коридоръ, освѣщенный лампадою — Воозъ, Черноморъ, Желѣзный, съ остальными тремя козиками прѣдусл.)

ВООЗЪ.

Тише! тише! это дверь въ его спальню, а это ошъ ея. —

ЧЕРНОМОРЪ.

Ошъ ея? — Здѣсь жила она?

ВООЗЪ.

(На цыпочкахъ подходитъ къ дверямъ спальни Прелестной — и прикладываетъ ухо.)

Здѣсь нѣтъ ея; ничего не слышно.

ЧЕРНОМОРЪ.

Нѣтъ! (съ обшествомъ.) Здѣсь нѣтъ ея?

ВООЗЪ.

(подходитъ къ спальнѣ Баниной; — слушаетъ — и захлопъ ротъ рукою жожотъ.)

Какія клятвы! какія извѣщенія!...
Послушай, Черноморъ!

ЧЕРНОМОРЪ.

Воозъ!

ВООЗЪ.

Сей часъ. (взываетъ съ замокъ ключъ)
Я иду въ его спальню — и обошедши кругомъ, спану съ той стороны, — двери шамъ никогда не зашворяются. Какъ скоро захопаю въ ладоши — ошширайше — ломнешь, все будетъ здѣлаю!
(уходитъ.)

ЧЕРНОМОРЪ.

Желѣзный! (схватываетъ его за руку и прижимаетъ къ груди) Чувствуешь ли ты, что здѣсь происходишь?

ЖЕЛѢЗНЫЙ.

Напрасно. — Любишь хорошую и добрую дѣвку позволено молодому человѣку; — но обожанъ... сладосипрасшную развращенцу, которая всякому ондаешся изъ корысти — (отборачивается) — грѣхъ!

ЧЕРНОМОРЪ.

Правда! правда! (лицо его горитъ — онъ ошпраселъ объ стѣну) совершенная правда.

(слышенъ жожотъ изъ спальни)

ЧЕРНОМОРЬ.

Такъ хохочетъ дьяволъ — радуясь
своей добычѣ! (бездрогнувъ.)

СПАЛЬНЯ.

ПРЕЛЕСТА и БАНИТЬ.

БАНИТЬ.

— Н сколько я ни спарался сры-
ваться . . . ты узнала.

ПРЕЛЕСТА.

Что?

БАНИТЬ.

Что я искалъ Лизы.

ПРЕЛЕСТА.

Я объ этомъ знала уже прежде, не-
жели какъ говорилъ ты съ лицомъ ея.

БАНИТЬ.

Прежде?

ПРЕЛЕСТА.

Неблагодарной! ты могъ забыть
меня — меня, всѣмъ наобъ пожертвовав-
шую . . . Банить! —

БАНИТЬ.

Ну, клянусь тебѣ — еслили бы не
Воозъ — ты бы не упрекала меня въ но-
вой измѣнѣ. —

ПРЕЛЕСТА.

Правда; — еслили бы не онъ — я
спала бы шеперь спокойно одна — а ты
бы блаженствовалъ въ объятіяхъ Лизы. —

БАНИТЬ.

Это онъ сказалъ тебѣ?

ПРЕЛЕСТА.

Конечно досадуешь ты, что и твои
спвари тебѣ невѣрны. — Но еслилибъ . . .

БАНИТЬ.

Бездѣльникъ! — еслилибъ не онъ,
я былъ бы тебѣ вѣренъ. —

ПРЕЛЕСТА.

Какъ?

БАНИТЬ.

Онъ распалилъ воображеніе мое кра-
соною Лизы, — довелъ до того, что я
намѣренъ былъ оставить мою Прелесту. —

ПРЕЛЕСТА.

(встаетъ съ безпокойствомъ)

Дьяволъ! не онъ ли вооружилъ меня?
не онъ ли всадилъ въ меня къ тебѣ
подозрѣнїе и ненависть?

БАНИТЪ.

(беретъ ее за руку.)

Прелестна! это онъ?

ПРЕЛЕСТА.

А! теперь я понимаю этотъ ужа-
сный замыселъ — этотъ узелъ . . .

БАНИТЪ.

Что? что?

ПРЕЛЕСТА.

Я сплужусь сказать тебѣ . . . Онъ,
посѣявъ между нами вражду — открылъ
мнѣ любовь свою.

БАНИТЪ.

Не возможно! — Воозъ открылъ тебѣ
страсть свою?

ПРЕЛЕСТА.

И руку мою хотѣлъ вооружить мще-
нїемъ!

БАНИТЪ.

(съ простию)

Поддай рабъ! — могъ ли я ожи-
дать сего? — И ты хотѣла мстить?

ПРЕЛЕСТА.

Любовь моя хотѣла мстить тебѣ —
принворснвомъ.

БАНИТЪ.

Нѣтъ — этого перенести не можно! —
*(стремится идти — но хватающа воозъ
бьетъ съ ладони и останавливаетъ его.)*

ЧЕРНОМОРЪ.

*(съ козаками орм-
ающимся)*

Остановись, прелюбодѣй! настала
часъ твоя!

ПРЕЛЕСТА.

Боже! это онъ! *(падаетъ въ обморокъ)*

БАНИТЪ.

Что? что это? Я не могу понять!

ЖЕЛѢЗНЫЙ.

Ты поймешь скоро, гнусная шварь! —
ты узнаешь скоро! Мы дьяволы, послан-
ные за своею душою!

Часть VII № 100.

БАНИТЪ.

(вырвавшись бросаетъ
къ стѣнѣ за писто-
летомъ.)

ВООЗЪ (удерживая его.)

Постой!

ЧЕРНОМОРЪ.

(которой во все это
время стоялъ не-
подвижно устремля
взоры на Преле-
сту, — отворачи-
вается съ трепе-
томъ.)

Долго медлить нечего! свяжите его,
скуйте, и ведите въ садъ; вы узнаете
куда; — я съ Воозомъ остаюся здѣсь.

БАНИТЪ

(между тѣмъ, какъ
его связываютъ.)

Духи отверженные! — силы проши-
вящіяся! — защитите меня! измѣна!
измѣна!

ВООЗЪ.

Ха ха ха ха! Слышишь ли, Банитъ,
крикъ и вопль въ пивохъ пекочихъ? —
Эшо рабы пивои плушъ другъ преливъ
друга, и вмѣстѣ погибактъ. Ха ха ха!

БАНИТЪ.

(скрежеща зубами
смотритъ въверхъ.)

Не уже ли насталь часъ моего воз-
вращенія? (его уболятъ.)

ДОМЪ ЛЬСНИЦКАГО.

ЛИЗА.

Ахъ, Боже мой! меня одну оста-
вили! — что это значитъ? Башушка,
капушка — сестрица и братъ — ушли,
богъ знаетъ куда! не знаете ли вы
это?

МУЗЫКАНТЪ.

Я не знаю, что и думать!

ЛИЗА.

Чтожь мнѣ дѣлать? Какъ одной
ночевать дома? (съ полунахрипевшимъ
языкомъ.) Ахъ, Боже мой!

МУЗЫКАНТЪ

(размышляя)

Такъ, такъ. — Послушайте, Суда-
рыня! какъ башець нашъ былъ въ саду
и убѣжалъ отъ пуда такъ скоро — я спро-
силъ у одного козака: „куда онъ?“, —

„По Баншта Зельскаго — отвѣчалъ онъ,
и убѣжалъ. —

Л И З А.

Зельскаго? — Ахъ, несчастные! Не
уже ли онъ обворожилъ ихъ — что они
пошли въ адъ добровольно? — Они погиб-
ли, вѣрно погибли! *(плачетъ)*

МУЗЫКАНТЪ.

Утѣштесь, прекрасная Лиза! Я
теперь только сшелъ съ анпресолей —
тамъ смотрѣлъ я на замокъ Баншиновъ
въ мою трубку — вы знаете какъ бе-
редъ она; — и хотя гроза очень мѣ-
шала — однако я примѣнилъ, что
мужество лишь съ факелами и ружья-
ми пойдешь —

Л И З А.

И они не сказали! — Ахъ! какъ не-
справедливо! — пусть бы я . . .

МУЗЫКАНТЪ.

Пересканыше, Сударыня! Сыграемъ
те какую нибудь веселую пшучку.
(сидитъ за фортепјано, играетъ и поетъ)

„Радость, веселье къ намъ прилетитъ,
Игры и смѣхи порхайте вокругъ!“

Л И З А.

Бога ради пересканыше! Я не могу,
я не хочу быть веселою. — Сыграемъ
какое нибудь ядажто. *(играетъ — музы-
кантъ ей аккомпанируетъ.)* — Ахъ! изви-
ните, любезный учинель, естли я те-
перь спрошу васъ: чувствуете ли вы все,
что здѣсь заключается?

МУЗЫКАНТЪ.

Какая — то печальная неизвѣст-
ность . . .

Л И З А.

Мучительная пустота сердца, —
когда мы желаемъ — не зная чего; —
спрашимся — не зная чего! — Это мер-
твое состояніе души иштаетъ скорь
мою. *(играетъ — и по томъ остацавля-
ется въ забытіи.)*

МУЗЫКАНТЪ.

Ахъ! естлибъ могъ я теперь со-
брать упрямыхъ виршувозовъ — теперь бы
я доказалъ, что одна чувствительная
душа — можетъ быть прамымъ музы-
каншомъ.

СПАЛЬНЯ БАНИТОВА.

ПРЕЛЕСТА

(у ногъ Черноморо-
дыкъ — Воозъ
смотритъ въ
окно.)

О! ты будешь извергомъ — естъца
не пронешься моимъ положеніемъ!

ЧЕРНОМОРЪ.

Змія! василискъ! — иы убилъ
меня — я прощаю; ты убилъ отца —
о! да покараешь себя гилья Небесный!
да ошачошьешь на шею десница Вышняя
и силы адскія! —

ПРЕЛЕСТА.

Перестань! перестань! (Обнимаетъ
его колѣна.) Другъ мой!

ЧЕРНОМОРЪ.

(вздрыгуетъ)

Прочь, фурія!

ПРЕЛЕСТА.

(рыдаетъ на его колѣняхъ) И ты, и

...

ЧЕРНОМОРЪ.

Нѣтъ! я взялся не за свое дѣло! —
Я не могу этого выдержать! (садится
въ кресла.) Прелестна!

ПРЕЛЕСТА

(съ нѣжностью.)

Ты простишь меня?

ВООЗЪ.

Клянусь Богомъ! — она никогда не
была такъ привлекательна въ объятіяхъ
Баниша!

ЧЕРНОМОРЪ.

(съ простою искренностью.)

Воозъ! ты привелъ меня въ чувство! —
(смотритъ на нее съ злобою.) Прелюбодѣй-
ца! — Воозъ! что мнѣ дѣлать? я . . .

ВООЗЪ.

(бьетъ его по плечу.)

Ипши въ тюрьму — вывести опшу-
да отца, мать, сестру — и . . .

ЧЕРНОМОРЪ.

Я и забылъ объ нихъ! (бьетъ себя
въ лобъ.) я и забылъ отца, смотря на
этого дьявола! — Воозъ! суди ее —

(Объитъ — по одругъ созерцаетъ.)
 Воозъ! ты знаешь — ты можешь судишь ее. (убѣгаетъ.)

ВООЗЪ.

Ха ха ха! Посмотримъ! посмотримъ гдѣ дѣнется на гордоснѣ, которая гонитъ ла голову мою на спицу башни.

ПРЕЛЕСТА.

(Смотритъ на него съ негодованіемъ, по томъ подбѣгаетъ къ образу Богоматери, и падаетъ на колѣни.)

Ты спаси меня!

ВООЗЪ.

Посмотримъ!

ПРЕЛЕСТА.

(рыдаетъ)

Боже! Ты спаси меня! . . .

ВООЗЪ. (сурово)

Ну! готова ли ты распаться съ свѣтомъ? — пора на судъ! — Ты можешь быть никогда не думала, что это каменное сердце пльнншея тобой; — но еще вѣришь, ты не чаяла, что эта го-

лова будешь судить себя — эта рука исполнишь приговоръ сей!

ПРЕЛЕСТА.

Воозъ! Воозъ!

ВООЗЪ.

Полно! полно! Теперь не пропустъ меня ни слезы, ни улыбки! — закрой грудь свою — она могла распалить Черно-мора! закрой грудь свою, хвирая Прелюбодѣца! ты не успеешь! . . .

ПРЕЛЕСТА.

Не уже ли ты не человекъ? — Нѣтъ, ты не человекъ!

ВООЗЪ.

Духи подземные! начерпайте въ воображеніи всѣ дѣла ея, и произнесите свое рѣшеніе! — Принесите вздохи и вопли несчастнаго снарица ея преданнаго; исчислите каждую каплю слезъ его; взвѣсьте каждый стонъ его; — дайте мнѣ живо почувствовать всю горестъ несчастнаго любовника, мерзающагося о сей недосройной пвари; — соберите все сіе, дайте мнѣ выразумѣшь, и — произнесите рѣшеніе. (Прелеста тихо погружается въ обморокъ.) Такъ! и одно воспомина-

не злодѣйства твоихъ погружаешь те-
бя въ сонъ смерти! Смерть еще далеко
отъ тебя; — но я долженъ призвать
ее — долженъ призвать смерть! —
(будить ее) Прелестна! Прелестна! —
Нынѣ! за чѣмъ будишь ее! Пустьъ уми-
раетъ однажды . . . (колетъ ее.)

ПРЕЛЕСТА.

(приходитъ съ чувствомъ и
умираетъ.)

О Вѣчный! не отрирай меня! — Хотя
тамъ — не отрирай — — —

ВООЗЪ.

(съ общенствомъ.)

Онъ не отринетъ тебя! ты будешь
въ жилищѣ праведныхъ — предлюбовница!
(хочетъ и убѣгаетъ.)

ТЮРЬМА.

(Маргарита сидитъ опершись головою на
руку; Марія сидитъ на ея колѣняхъ.)

ЛЪСНИЦКІЙ

(сидитъ предъ лампа-
дою и читаетъ Би-
блію.)

И азъ умолю Оуща, и много ушѣ-
шишеля дасть вамъ, — дабудешь съ
вами! — „ (останавливается, смотритъ
всрехъ и утираетъ слезы.) Такъ! Ты по-
шлаешь ушѣшишеля! Ты не засыпавишь
часъ поминься! — (слышитъ шумъ у
дверей, — и Черноморъъ встаетъ и. Лѣсницкій
смотритъ на него долго, но томъ съ нѣмымъ
восторгомъ падаетъ на колѣни подаявъ руки.)

Воже! Ты послалъ мнѣ ушѣшишеля!
(ослаиваетъ и обнимаетъ его.) Сынъ мой!
мой ушѣшишеля! — не уже ли и ты въ
оковахъ, — и пришелъ сюда? —

ЧЕРНОМОРЪ.

Разрѣшишь твои оковы, родишеля
мой!

МАРГАРИТА

(смотритъ на него съ
безмятежностью.)

ЧЕРНОМОРЪ.

Машушка!

МАРІЯ. (пробуждась.)

Братъ! братъ!

МАРГАРИТА.

Сынъ мой! приходъ твой лишилъ
меня покоя! Дай мнѣ обнять себя!
(все четверо заключаютъ другъ друга съ
объятиемъ и рыдаютъ.)

САДЪ ВЪ ЗАМКѢ.

(железный ведетъ скованнаго Баншта.
Множество слугъ окружаютъ его съ факлами
и все останавливаются у изрытой могилы.
Черноморъ съ своими родными идетъ съ одной
стороны, съ другой воюетъ съ толпою освобо-
жденныхъ плѣнниковъ.)

ЧЕРНОМОРЪ.

Мишуша приближилась! — Вѣчный,
внимавишй нашимъ клятвамъ! простри
безсмертный взоръ свой на сихъ неща-
стныхъ и на кровавое исполненіе нашей
клятвы! Бѣдныя, окровавленные нѣвны
пораженныхъ симъ извергомъ! слетай-

здесь на радостное позорище! Горячею кровью исцѣляю я холодныя ваши раны, — и сею же кровью оного вѣчный позоръ чести! *(послѣ короткаго молчанія)* Посмотри, злодѣй! вокругъ себя; тамъ прежде жили несчастливые люди, — тамъ обитала невинность; — теперь, теперь, хищникъ! — ны видишь одѣй развалины домовъ, и невинность рыдающую на ихъ пепѣ!

БАНИТЪ.

(св яростно смотрит на п.б.)

Я это осужденъ слышать!

ЧЕРНОМОРЪ.

Приднне сюда всѣ, — всѣ — и ты, родитель мой приди сюда! — Посмотри-те, это отецъ мой, Графъ Лесницкій; это мать моя, это моя сестра! всѣ они помиланъ въ темницахъ у этого изувѣра. — Это Ржевскій, мой доброй человекъ, которымъ хвалилась сирота наша; — онъ посѣдѣлъ въ подземельяхъ, — за то только, что осмѣялся требо-вашь распушную, похищенную дочь свою. Если ли кто здѣсь изъ васъ, кото-раго сердце не раздрано бы было на тысячу частей? — котораго бы невин-ность . . .

БАНИТЪ.

(скрѣжетъ.)

Кто далъ тебѣ право судить меня? — А! . . . я умираю!

ЧЕРНОМОРЪ.

Кровь невинныхъ юношей, слезы соблазненныхъ дѣвцъ, — суть мои права, мои вѣчныя, ненарушимыя права!

БАНИТЪ.

О! для чего не могу я умерившиъ васъ однимъ взглядомъ!

(громъ гремитъ)

ЧЕРНОМОРЪ.

(становится на одно колѣно.)

О! воздержки Твои громы, Вѣчный! — воздержки мстятіе Твои перуны! — Съ высоты своего святилища зришь Ты днесь меня повергнутаго предъ Тобою; сквозь всѣ тучи, покрывшія горизонты міра, сквозь всю бездонную пропасть вѣч-ной неизмѣримости видишь Ты мою внутренность, — и благоволишельнымъ движеніемъ всемогущаго перста произво-дишь громы, знаменуя — смерть злодѣю!

(молнія и громъ.)

ВСѢ КОЗАКИ.

Смерть, смерть злодѣю!

ЧЕРНОМОРЪ.

Мудрость безконечная, небесное Пра-восудіе! — Ты показало мнѣ путь къ цар-ству вѣчной горесни, — теперь даешь право премѣнить сію гореснь! — Благо-воли, да бранный апомъ, оживляемый Твоимъ присутствіемъ — войдешь въ суды Твои — и рукою своею совершишь предвѣчныя Твои начертанія. — Еслили

ршимость моя Тебѣ благоугодна; ешьли я, вооруженный мщеніемъ, исполню слязую волю Твою, — оно не швратишь меня лица Твоего исполненнаго гнѣва, ешьли я, подобно Гедесну — прешично испрошу у Тебѣ знаменія.

(Грѣмъ грѣмитъ)

К О З А К И.

(съ восторгомъ.)

Суди, суди его!

Ч Е Р Н О М О Р Ъ.

Ешьли же ослабленый духъ мой заблуждаешь; ешьли единое пристрасіе распалило мое воображеніе и вооружило руку, — шо клянусь, — и шогда, когда осудительный перснѣ Твой покажетъ мнѣ два сіе начертанное въ книгѣ вѣчныхъ кровавыми буквами; — клянусь — я приму Твое осужденіе, — и безъ рошталія покорюсь правъ судію, — пусть кровь его на насѣ обращается! =

К О З А К И

Кровь его на насѣ —

П Л Ъ Н Н Ы Ё.

И — на чадахъ нашихъ =

В С Ъ.

Кровь его на насѣ и на чадахъ нашихъ!

Ч Е Р Н О М О Р Ъ.

(преклонивъ голову къ землѣ — тихо молвитъ; потомъ въскользитъ)

Приступитъ ко мнѣ! (Балитъ подобятъ къ Черномуру, который повергнувъ его

на землю, кладетъ на него руку. Балитъ исповѣстуетъ.) Симвъ возложеніемъ руки моею преграждаю тебѣ путь къ царству вѣчнаго милосердія. Днесь предшою я предъ тобою въ видѣ Ангела смерши, — и полномочіемъ, испрошеннымъ мною ошъ Всевышняго, обременяю тебѣ всю тяжестію грѣховъ швоихъ! Да низвергнешся шѣнь швоя въ преисподнюю — и будешь тамо дошоль, пока омраченный свѣтоносецъ не повзвратитъ себѣ замковъ Египра. (смотритъ на небо съ благоговѣнымъ трепетомъ) Мишуша приближилась! казнь швоя насшала! Симвише сковы! (съ Балитъ снимають шковы. Желѣзныи и нѣсколько козаковъ подялоб его тащутъ ошъ могилу.)

Б А Н И Т Ъ. (съ вѣществомъ смотря на небо.)

Ты оставилъ меня, Богъ мщенія!

Ты отвернулъ меня! (его опускають ошъ могилу.)

Ч Е Р Н О М О Р Ъ. (закладывая ее доскою.)

Теперь всякой приешуни! всякой обиженный повертай землю на могилу! (взявъ горсть земли, повергаетъ на могилу) Каждымъ звукомъ шимв, шимв шѣвымъ могильнымъ туломъ подшверждаешся его прокляніе!

С Т А Р И К Ъ. (подводитъ мальчика лѣтъ пяти)

И шѣ, другъ мой, поди сюда; бери землю и бросай на могилу! — это будетъ знакъ

и этого проклинаю! (Черномору) ты не похришь, благородный мститель, — Ты не похришь — эношь младенецъ родился въ землицѣ, и до сихъ поръ не видааь солнечнаго свѣта; въ первой разѣ дынешь свѣжимъ воздухомъ! — — Въ, кно имѣешь сына или внука, дочь или внуку, — вели, да повергають они землю на могилу; — эно будетъ знакомъ ихъ кляшвы; — и — ешьли власнь Божеская, или человѣческая, будетъ судишь насъ, пусть судишь всѣхъ вмѣстѣ.

В С Ъ.

Пусть судишь вмѣстѣ — вмѣстѣ и осуждаешь! (бросють землю на могилу, и набрасываютъ бурю.)

Ч Е Р Н О М О Р Ъ .

(съ осторогомъ смотри на небо.)

Ешьли Высочайшая Мудрость была оскорблена слабымъ аномомъ въ цѣлье 22 года его кругообращенія; ешьли онъ прогнѣвалъ Ее шѣмъ, что не могли прощивоспоишь спремаеню вихря, капилося въ лѣво — долженшюя въ право: по я увѣренъ, что сія мнута моего чувствования съ Нею примираешь, — — —

42

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ НЕЩАСТІЕ.

(Изъ Delassements de l'homme sensible.)

Не бесполезно спараться предсказать истинну во всей ея полношѣ. Знаю я проишесшвья, опѣ которыхъ ни разумъ, ни предсшопрительность, ни самая опытность не могли бы предохранишь насъ, и которые однакожъ должно почищать какъ бы очистишельными наказаніями, посылаемыми самымъ Небомъ. Сія мысль, что Богъ есть мститель за невинныхъ, весьма унишительна для нещасныхъ жерпвѣ сильнаго и злаго; и ешьли бы умершіе могли имѣть чувствования, которыми волнуешь наша жизнь, по вѣрно тыне

Часть VII. No. 101. 39

Филиппа Строззи (1) долго — очень долго наслаждалась бы удовольствиями мщенія при видѣ ужаснаго

(1) *Тѣмъ Филиппу Строззи.* Безъ сомнѣнія Строззи долженъ бытъ виноватъ въ гавгахъ Медициса. Но *человѣкъ* не обязанъ ли полагать предѣловъ своему мщенію? — Сію спрашиваю, сколько зѣбрую, сколько униженія, можно ли почесать удѣломъ существу, имѣющаго хотя малѣйшее понятіе о справедливости, хотя одну искру человечества? Филиппъ Строззи дѣлающаго павѣщкомъ въ одномъ сраженіи, на которомъ Комъ Медициса одержавъ побѣду, шовжесивуетъ надъ невѣрными. Строззи заключаютъ въ флорентинскую циндаль; они пренебрегаютъ въ ней всѣ жестокости, подвергаясь ужаснѣйшему мученію — пытка (въ Пизаніи производили пытку такимъ образомъ: — нещаснаго подымали посредствомъ блока вверхъ; привязавши ему къ рукамъ и къ ногамъ великую тяжесть, и въ такомъ положеніи нѣсколько разъ опускали его до самой земли.) Вошь изобрѣшеніе, достойное адскаго варварства! и сіи мученія выдумали *люди!*... Строззи получалъ онъ ихъ сколько сильныя пощрсенія;

бѣсповія, какимъ опягченъ былъ *Комъ де Медициса*; Властитель Флорентинской.

2

что въ одну минушу всѣ его члены были вывихнушы; при всемъ томъ онъ съ твердосію духа рѣшился вытерпѣть такую ужасное мученіе. Въ сіе время караулившій его солдатъ по неосторожности османилъ на шоломъ свой псакъ. Нещасной Строззи видя, что для него приготовляютъ новыхъ еще пытки, схватывающъ сіе орудіе, и вонзаетъ себя въ грудь. Послѣ этого онъ жилъ еще нѣсколько минушъ, и послѣдніе свои вздохи посвящалъ Высочайшему Существу. Слѣдующія строки, собственноручно его руки, написаны послѣ его смерти:

„ Богу Избвишею!
 „ Чиню въ зѣбжанъ ярости жестокихъ
 „ моихъ мучителей, и овсазяю, чиню
 „ они несправедливыми пытками не при-
 „ судили меня сказавъ чегонибудь пред-
 „ осудительнаго какъ для моей че-
 „ сти; такъ и для моихъ родствен-
 „ никовъ и невѣрныхъ друзей; я, Фи-
 „ липпъ Строззи, рѣшился лишитъ себя
 „ жизни собственными руками. Богу пре-
 „ поручаю мою душу; и съ благоговѣ-
 „ ніемъ молю Его, чинюбы Онъ; естли
 „ не позволитъ мнѣ наслаждаться вѣч-

Долгъ сего Государя претерпѣвъ
вадъ разныя перемѣны, какихъ дол-
жны иногда ожиданъ высокаго принца

нѣмъ блаженствомъ; но по крайней
мерѣ опредѣлялъ бы мнѣ по мѣсто,
гдѣ находишься *Катонъ Утиксскій*
и другіе добродѣтельные люди; кон-
чивше жизнь свою подобнымъ обра-
зомъ *Дюва Жуана де Люна*, Командан-
та сей провинціи, прошу, чтобы онъ
изъ моей крови сдѣлалъ *causa accio* —
(обвиненіе родъ ирожнато, изъ кро-
ви злодѣянаго) — и отослалъ бы его
Кардиналу *Цюо*, дабы онъ насытилъ
сея кровью моей смерти нѣмъ, чѣмъ не
могъ насытиться по время моей жиз-
ни. . . Еще другой милости прошу я отъ
васъ, чтобы приказалъ похоронить
меня подъ моею женою, въ предмѣстїи *Са-*
Марїи; впрочемъ пусть пожелаетъ меня,
гдѣ ему будетъ угодно. *Philippus Sirozzi*,
Janjam mortuus: excriare aliquis ex offibus
meis mei sanguinis ultor. — Филиппъ
Сироцци, при воезданемъ уже издыха-
ющій: о есибли бы изъ моего праха
возсталъ когда нибудь мститель моей
крови! (Испроки приводящъ на память
Виргиліевъ стихъ:

Exoriare aliquis nostris ex offibus ultor.

особы; часно власнѣ ихъ заги-
сливъ онѣ самоуправіи народа, без-
преслннно колеблемато, и всегда
ослабленнаго въ собственихъ сво-
ихъ выгодахъ. Медицисы были дол-
гое время игралицемъ народнаго сего

Комъ, доведи злополучнаго
илѣника до столь жестокой крайности,
ковечно оскорбивъ Природу и Высшес-
Существо, и нѣмъ сомнѣнїа, что Оно
принимаетъ участіе къ несчастномъ,
и поражаетъ него, кшо эсказываетъ
человѣчеству продаванъ слезы. Еще
однажды повторию: *Богъ есть мсти-*
тель за несправедливыхъ. . . Какая ужаснелъ
ная картина для страждущаго шворе-
нїа! и сколь поразительна для человека,
причиняющаго несчастіе себѣ подобнымъ!
Одна философія можетъ ли произвеси
такія дѣйствїа? Мучишься во всю жизнь
свою, и послѣ смерти не надѣишься ни-
жакого удовольствїа. . . Какъ презасходна
сія картина, гореснная для жершвы,
привосимой человѣческою злосїю, из-
ображена во всей своей силѣ въ Пророче-
ствехъ! Какимъ заблужденїамъ преда-
вались бы Вельможи, есибли бы не удер-
живали ихъ сподъ спасительнаго для
сбщества мысли о будущей жизни!

щастія; наконецъ величіе Кома 1 го утверждено на непоколебимыхъ основаніяхъ; прошивная сторона не могла болѣе воставать; смерть знаменитаго соперника прекратила всѣ раздоры, возмущавшіе нѣсколько лѣтъ сіе Государство, и Комъ спокойно наслаждался совершенною властію. Надобно сказать, что сей Государь, при всей своей жестокости къ несчастному Спировзи — за что по справедливости его можно укорять — не былъ ниже своего достоинства; онъ имѣлъ качества, нужная всякому, кто только хочетъ принять на себя благородную должность — оправдать благопріятства случая. Будучи оцемъ многихъ дѣтей, онъ не видѣлъ предѣловъ своему величію, которое должно было пережить его. *Іоаннъ и Гартасъ*, первые его сыновья, казалось обѣщали ему продолжительное щастіе; впрочемъ сіи два Князя не имѣли въ себѣ ни малѣйшей черты подобія. Іоаннъ имѣлъ душу, соопвѣтствующую весьма щастливой наружности: очаровывающая пріятность се-

дмнялась съ превосходными его качествами; и поному онъ весьма былъ любимъ своимъ оцемъ — во всемъ Дворомъ его, и сославлялъ для нихъ всѣ забавы. Гартасъ, совершенно противнаго характера, былъ жестокъ, свирѣвъ и завистливъ; онъ негодовалъ на Іоанна за то, что сей имѣлъ даръ заславлять любовь себя; зависть и ненависть воспламенялись въ его сердцѣ. Нѣтъ, сказалъ онъ однажды ближайшимъ своимъ любимцамъ, пусть не говорятъ мнѣ о союзахъ родства; я не знаю ихъ, и не хочу знать. Что такое родство? Никогда я не чувствовалъ мнимыхъ, сладостныхъ сихъ впечатлѣній, которыхъ прелести столько намъ выхваляютъ. Что я говорю! при видѣ, при одномъ имени Іоанна — душа моя открывается во всемъ изступленіи непреодолимаго отвращенія... Всѣ взоры моего оца, вся его нѣжность обращается только на любимаго сего сына! онъ здѣлался его идоломъ! а я — а я почти въ забвеніи! Еслили скажутъ мнѣ нѣсколько словъ, що легко видѣть мо-

жно, что отеческая любовь не ожи-
вляетъ сихъ выражений; и эионнѣ
предметѣ опличія — въ моихъ
глазахъ самой ненавистнѣйшей изъ
моихъ непріятелей.

Досвойные развращители Князя,
столько уже униженнаго поспыдифи-
шею изъ справшей ненавистию,
были далеки отъ того, чтобъ при-
водить его въ чувство; они еще бе-
лѣ питали въ немъ вкоренившуюся
сею справшу. Часно случается, что
добродѣтель не удовлетворяетъ жад-
ности придворныхъ.

Иоаннѣ безъ сомнѣнія былъ щас-
ливѣе своего брата, поному что
ненависть непрѣнно бываетъ му-
ченіемъ, пожирающимъ ядомъ; онъ
каждый день оказывалъ Гаргіасу по-
вые знаки опличной къ нему пріят-
занности; безпрестанно имѣлъ зани-
мался, какъ бы примирить его съ
опцемъ; и можетъ быть это самое
болѣе всего перзало Гаргіасова сер-
дце. — Услуги отъ ненавистнаго пред-
мета — для развращенныхъ — суть
пакія обиды, за которыя они вѣчно
не прещаютъ мести.

Однажды оба они выѣхали на
ожону. Гаргіасъ какъ бы безъ всяка-
го намѣренія приводить Иоанна къ
удиненной роцѣ; первой умѣлъ ис-
кусно отдалить все, что только мо-
гло подуть подозрѣніе въ гнусномъ
его предиріиши. Они захали въ гу-
снону лѣса; и Иоаннѣ, слѣдуя при-
мѣру своего брата, слѣзъ съ лоша-
ди; тогда сей завистливѣйшій и
злѣйшій изъ смертныхъ во всей пол-
нонѣ оказываетъ злѣрской свой ха-
ракиперъ: османривается во все спор-
роны; — наконецъ — обращаясь къ
брату — говоритъ: — случай мнѣ
предсавился, и я съ восхищеніемъ
пользуюсь имъ! Никогда не скажу
тебѣ, имѣя очень справедливую не-
нависть, сколько я тебя проклинаю,
сколько гнушусь тобою! . . . Ты
лишаешь меня нѣжности отца и
всей моей фамили. — Иоаннѣ какъ
бы пораженный громовымъ ударомъ,
зѣбался неподвиженъ. . . Отъ бра-
та ли это я слышу? Гаргіасъ! не съ
ума ли ны сошелъ? Скажи мнѣ, въ
чемъ ны долженъ укорить меня? —
Во всемъ я долженъ укорить чело-
вѣка, отъ котораго всѣ мои чувства оп-

вращаются; — каждую минуту произнесенная о тебе похвала уязвляет мой слухъ, раздражает мое сердце, и вливаетъ въ него все оправа; — все о тебе забываясь, все любящъ тебя; а меня никто почти изъ придворныхъ не уважаетъ; на всехъ лицахъ читаю я опривращеніе... — Еще однажды, братецъ... изумленіе мое чрезвычайное! это языкъ не... Не подлой (прервалъ Гаргіасъ), не слабой души, и не холодной къ обидамъ; ты лишилъ меня любви опцовской... все расположенія, все ласки для тебя одного, и мнѣ не мстишь за себя? и мнѣ упустишь благоприятную сію минуту — наказатъ тебя... за все твои преступленія?... Тщешно, тщешно твои взоры ищутъ друзей, твоихъ ласкателей, твоего опца: они далеко отъ тебя. — Братецъ, братецъ — произноситъ Иоаннъ — какое бшенство овладѣло тобою?... Я прощаю тебе сію минуту изступленія; приходи въ... вспомни, что мы соединены узами крови; что я твой братъ... не опасайся, что въ я

подумалъ объ опмщеніи... я предаю глубочайшему забвенію... и произнося послѣднія сіи слова, онъ удваивалъ шаги къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ свою лошадь. И пы думаясь, — сказалъ ему Гаргіасъ, какъ бы возбужденный демономъ — думаешь избавишься отъ должного тебе воздаянія? я жажду твоей крови!... и тотчасъ обнаживъ кинжалъ свой, сіе чудовище, съ глазами сверкающими адскимъ пламенемъ, устремляется на своего нецарспнато брата (которой съ великою поспѣшностію бжалъ, скрываясь отъ его бшенства) и вонзаетъ въ бокъ ему. — Ты, Гаргіасъ, ты лишаешь меня жизни... Это одни слова въ соспояніи только былъ произнесть злополучный Князь, и испустилъ послѣдній вздохъ.

Гаргіасъ удаляется, упоенный удовольствіемъ ужаснаго сего поступка; изливаясь смертоубийственную свою радость въ ндро одного изъ развращенныхъ своихъ любимцевъ; но сей въ скороспн обнаружилъ все подробности, ввранныя ему симъ

братоубійцею, и такъ, какъ мы ихъ теперь предсказали.

Съ поспѣшностію объявляютъ Кому, что лошадь его сына прибѣжала одна. Нѣжное опеченное сердце предаётся сильнымъ смущениямъ... Прибѣжала безъ моего сына!... Какое-нибудь несчастіе... и съ кѣмъ онъ былъ? — Его уведомляютъ, что два брата одни только были на охотѣ. Комъ, заглавшись глухъ ко всему, что ни говорили ему, приказываетъ везти себя къ той рощѣ, гдѣ они были; — лепитъ туда, сопровождаемый вѣрными придворными; вешуется въ нее, наконецъ приближается къ тому мѣсту... какое зрѣлище поразило его! Онъ видитъ сына своего просвергнутого на земахъ, плавающего въ своей крови... бросается на шрупъ, обнимаетъ его, выпускаетъ попла, приказываетъ оплести его въ свои чертоги, и положить на своей постель. Здѣсь-но предаётся онъ всей своей горести! — Спусти нѣсколько минутъ: — спупайше, скажице Гаргіасу, чтобы онъ пришелъ сюда; скажице, что

я его ожидаю, что я этого хочу; и повелѣваю; — только старайше умолчанъ о томъ, что произошло теперь —

Въ снотъ перзательномъ положеніи, сей несчастной опецъ употребляетъ всѣ свои силы, чтобы скрыть свою горестъ предъ Гаргіасомъ, и приказываетъ задержать заставсомъ поспелю. Убійца появляется. — Гаргіасъ! гдѣ ты былъ? гдѣ ты былъ? — На охотѣ... въ рощѣ. — А брата твоя... мой сынъ не съ тобою ли былъ? — Вашъ сынъ!... а я — я разве не сынъ? Такъ, мы были вмѣстѣ; я его оснавилъ шамъ... — И ты его оснавилъ?... Чудовище, недостойное своего рожденія!... ты ненавидѣлъ своего брата!... — Вашъ всегда у васъ такая подозрѣнія. — Что ты говоришь, гнусное поношеніе моей крови?... Сн подозрѣнія очень основательны... ты не знаешь, варваръ!... несчастной твоей братъ лишился жизни!... (при сихъ словахъ Комъ заливается слезами; по томъ сморщивъ пристально на убійцу). Тебѣ не извѣстенъ виновникъ

сего злодѣйства, за которое я накажу всеми мученіями? — А почему вы знаете это? Не ужели я обязанъ отвѣчать? (2) . . . Оправданъ, за смерть моего брата, человекъ безчувственной и безжалостной! . . . Такъ, ты причиною его смерти; такъ, жестокой! ты осквернилъ себя его кровію! такъ, ты, ты похитилъ у меня столь любезнаго сего сына! тебѣ опасается еще вознестись къ моему сердцу! — Клянусь вамъ, я не знаю ничего о томъ происшествіи . . . мое изумленіе . . . не я . . . — Вѣроломной! ты обманываешь землю, Небо, Небо, которое раздробилъ тебя своимъ громомъ! . . . Я читаю въ мрачныхъ изгибахъ адевой своей души: она изображается на лицѣ моемъ, она обнаруживается мое пресупленіе . . . ты убійца моего сына!

Гарсиасъ все еще подтверждаетъ, что онъ не винованъ, какъ Комъ вдругъ бросается къ постели, онъ

(2) При сихъ словахъ всякой можетъ себя представить, что видитъ и слышитъ жестокаго Кайна, убійцу Авелова

крикаетъ занавѣсъ: — Посмотри, чудовище! посмотри: теперь еще осмѣлился заператься . . . сія кровь стремится къ тебѣ, обвиняетъ тебя, вопіетъ — вопіетъ, что братъ безчеловѣчной . . .

Гарсиасъ (3) при всей своей неусмиримости, пораженный смѣломъ зрѣлищемъ, не могъ снести его: онъ повергается къ ногамъ виновника своихъ дней. — Такъ — я произвелъ . . . Я пролилъ кровь . . . угрызения меня терзали . . . я у ногъ вашихъ . . . Комъ тогда, восплащенный чрезвычайнымъ, сильнымъ бѣшенствомъ, уснаряется съ ужаснымъ воплемъ на убійцу, схватываетъ книжалъ, которымъ пораженъ его сынъ . . . —

(3) Волъ какъ сильно дѣйствуетъ воззрѣніе на умерщвленнаго! Мало находилось пресупниковъ, которые не признавались бы въ подобныхъ случаяхъ; для сего Правосудіе не безъ причины употребляетъ сія увещанія, какъ самое лучшее средство исторгать истину у пресупниковъ: трудно, очень трудно скрыть свои чувства. Гарсиасъ служилъ ему достопамятнымъ; примѣромъ.

и Гаргасъ неускаетъ дыханіе подъ
ошеческою рукою

Съ сей минуны Комъ приводишь
себѣ на память Ореста, преданнаго
Фуріямъ; лишаешься ума, плачешь,
кричишь; его черноги, копорые про-
бѣгаешъ онъ великими шагами, на-
полняючися только плачевными сими
словами, безпрестанно позипоряемы-
ми: *о злополучной отецъ, злополуч-
ной отецъ!* . . . Вокорѣ прибѣгаешъ его
супруга, мать сихъ двухъ моло-
дыхъ Князей; узнаешъ съ ужасомъ
печальное происшествіе; нищегно
сваишия привеситъ въ чувство он-
чальнаго своего супруга; — она сама
падаешъ жернивою горести . . . еще по-
ний ударъ поражаетъ Кома! — Сей
нещасливый отецъ, въ продолженіе
нѣсколькихъ лѣтъ, казалось жилъ
дан того только, чтобы сносить
всѣ ужасы непрерывной смерти; на-
конецъ, возсылая мольбы къ небу,
кончалъ существованіе.

М. П.

1850 года,

Августа 8 числа.

КРАСОТЫ СТЕРНА.

Жлица.

А! — такъ ны былъ однажды влю-
бленъ, *Тримъ?* сказалъ дядя
мой *Товій* улыбаясь. — И! — Ваше
Благородіе, по самыя уши! опивчалъ
Капралъ. Пожалуста скажи, когда?
гдѣ? — и какъ это было? Я ни
слова объ этомъ никогда не слыжалъ
до сихъ поръ, молвилъ дядя мой
Товій. — Смѣю сказать, опивчалъ
Тримъ, что всякой мальчишка
барабанщичей, всякой сержантской
сынъ въ полку знали объ этомъ. —
Ну, такъ миѣ ужъ и подавну пора —
примолвилъ дядя мой *Товій*.

Ваше Благородіе съ горестью
можете припомнить о совершенномъ
разбитіи и побѣдѣ нашего лагеря и
арміи на сраженіи при *Танденъ*,
Часть. VII No. 104. 55

всякой изъ насъ былъ оставленъ своей судьбѣ; и есшлыбъ не полки *Судгаловъ*, *Ломлессъ*, и *Галлессъ*, которые прикрывали ретраду чрезъ *Мурскитенской* мостъ — по и самъ Король Вильямъ чупьли бы усилъ спаснись чрезъ него; — вы сами знаете, Ваше Благородіе, какъ его со всѣхъ сторонъ иѣснили. —

Великой смершной! вскричалъ дядя мой Товій, пришедши въ энтузіазмъ — шенерь ужъ какъ все погибло — еще вижу, какъ онъ скаченъ въ моихъ глазахъ. Капралъ, на лѣвомъ флангѣ, спараснся переправить съ собою оснашокъ Англинской конницы, подкрѣпнншь правой — и ежели шолько еще возможно, сорвать лавры съ головы *Люксалбургской*; — вижу, какъ онъ, съ киснью своего шарфа, шолько лишь опорваннаго пулею, оживляетъ новою бодростью бѣдной *Галлессъ* полкъ — скаченъ вдоль шеренги — возвращаенся назадъ, и поручаетъ *Копти* надъ нимъ команду. — Храброй, подлинно храброй! вскричалъ дядя мой Товій; онъ доспонтъ лавроваго еѣн-

ца. — Такъ же точно по "дѣламъ", какъ воръ висѣлицы! вскричалъ Тримъ. —

Дядя мой Товій зналъ просподушіе Капралово; — а шобы шакое сравненіе никакъ не было ему по мысли. — Капралъ не подумавши выболннулъ — ворошнншь было не лзя — и шакъ дѣланъ спало не чего, какъ шолько продолжатъ.

Число раненыхъ было чрезвычайно, и никшо не могъ думать ни о чемъ другомъ, какъ шолько о собственномъ своемъ спасеніи. — Между тѣмъ однакожъ *Галлать* очень искусно убрался съ своею иѣхопою, возразилъ дядя мой *Товій*. Но я былъ оставленъ на полѣ сраженія, опѣчалъ Капралъ. Ты былъ оснавленъ, бѣдной *Тримъ*! подхватилъ дядя мой *Товій*. — Такъ, чшо ужъ на другой день въ полдни размѣнили меня и положили на шельгу съ 13ю или 14ю другими ранеными, чшобъ опшезнть въ гошпншалъ. — Боль въ моемъ колѣнѣ, продолжалъ Капралъ, сама по себѣ была жестока, а шѣсноша въ шельгѣ и худая дорога

съ ухабами — еще гораздо болѣе умножали мое мученіе; — на всякомъ шагу была смерть моя, такъ чини испекши весь кровью, будучи кинутъ безъ призражня, и чувствуя еще припадокъ лихорадки — (бѣдной! бѣдной! молвилъ дядя мой Товій) я всего этого вмѣстѣ не былъ въ силахъ перенести, Ваше Благородіе.

Телѣга наша, которая была послѣдняя въ ряду, остановилась у одной крестьянской избы — и здѣсь по началу я жалованься на нестерпимую боль молодой женщиной. Мнѣ помогли водки, и эта женщина, вынувши изъ кармана спиртъ, накапала на сахаръ, и видя, что это меня оживляетъ, подала мнѣ въ другой и третій разъ. — Я рассказывалъ ей, Ваше Благородіе, про свою боль, что она такъ нестерпима для меня, что я лучше бы согласился лечь въ постель (оборотясь при сихъ словахъ лицомъ къ стѣнѣ, которая стояла въ углу избы) — и умереть, нежели ѣхать далѣе. — Какъ она повела меня къ стѣнѣ постели, то я упалъ въ обморокъ на ея

рукахъ. — Она имѣла самую добрую душу, сказалъ Капитанъ, утирая слезы. — Ваше Благородіе изволите услышать. —

Я думалъ, что любовь самая веселая вещь, молвилъ дядя мой Товій.

Иногда, Ваше Благородіе, это самая суріозная вещь въ свѣтѣ!

По убѣжденію молодой женщины шелъга съ ранеными уѣхала безъ меня; она увѣрида ихъ, что я ни минуны живъ не останусь, какъ скоро положатъ меня на шелъгу; и такъ когда я опамитовался, то нашелъ себя въ тихой и спокойной хижинѣ, въ которой никого не было, кромѣ молодой женщины, крестьянина и его жены. Меня положили поперегъ кровати въ углу избы, а раненую мою ногу на скамейку; молодая женщина сидѣла возлѣ меня, и прикладывала одною рукою узелокъ своего платка, намоченной уксусомъ, къ моему носу, а другою поширала мой виски. —

Сперва счелъ я ее за дочь этого крестьянина (потому что это

былъ не итракиръ), и отдалъ ей кошелекъ съ 18 ю флоринами, которые бѣдной мой братъ *Толь* (при сихъ словахъ *Триль* утиралъ глаза) переслалъ мнѣ въ госпиталецъ черезъ одного рекрута передъ самымъ своимъ отбѣдомъ въ *Лиссабонъ*.

Молодая женщина кликнула старика и его жену въ избу, чинобъ показать имъ деньги, и шѣмъ здѣлать мнѣ кредитъ въ посели и другихъ мѣлочахъ, которые мнѣ понадобятся, пока буду я въ соспоянн отираившися въ госпиталецъ. — Хорошо, сказала она завязывая кошелекъ, я буду у тебя казначея; но какъ одного этого дѣла мало, но я буду вмѣстѣ и швоею прислужницею. По голосу, съ какимъ она это сказала, и по ея одбвнню, которое началъ я разсмаприванъ приспальнѣе — спалъ я думаю, что эта молодая женщина не могла быть дочь кресньянина. Она была въ черномъ до самыхъ пяиъ; волосы спрянаны были подъ баписиновою косынкою, завязанною апереди головы, такъ точно, какъ льваешъ у эпѣхъ монастырокъ, Ваше

Благородіе, которыхъ было много въ *Фландри*, какъ Ваше Благородіе вѣдомы, и которыхъ выходяиъ свободно. — По швоимъ разсказамъ, *Триль*, сказалъ дядя мой *Товій*, я вижу, что это была молодая бѣлица, которыхъ нигдѣ не льзя найши, кромѣ *Гиттанскихъ Мидердамъ* — выключая *Амстердамъ* — и онѣ отпичающися онѣ монахинѣ шѣмъ, что выходяиъ изъ монастыря, какъ скоро пожелаюиъ за мужъ; онѣ посѣцаюиъ больныхъ и прислуживаюиъ имъ по своему чинположенію; — желалъ бы ядѣ моеей стороны, чинобъ онѣ лучше дѣлали это по добродушню.

Молодая бѣлица, продолжалъ Капралъ, лишь только успѣла молвить это слово: „буду швоею прислужницею“, но въ шуже минушу скоро поворошилаъ, чинобъ приняиъся за дѣло и приговориши кое-что для меня, и въ самое короткое время — хопя оно мнѣ и долгимъ показалось — принесла фланель ипр. ипр. Дѣлавши припарку къ моему колѣну около двухъ часовъ, и подавши мнѣ шарелку кашицы на ужинъ — она по-

желала мнѣ спокойной ночи, и обѣщала прийти ко мнѣ поуину рано; — она пожелала мнѣ, Ваше Благородіе, чего не можно было ожидать. — Лихорадка моя сильно умножилась ночью; образъ ея производилъ вниуть меня жеспокое волненіе — я всякую минуту дѣлилъ свѣтъ на двое, чипобѣ ондань ей половину — и всякую минуту съ сожалѣніемъ вспоминалъ, чипо у меня кромѣ снабзика и 18 флориновъ не чего было раздѣлить съ нею, — цѣлую ночь прекрасная бѣлица мечпалась мнѣ; она, какъ Ангелъ, синопилъ возлѣ моей кровати, опідериваеплъ занавѣсь и подаетл мнѣ спирпы. — Я пробудился ошл сихъ грезъ съ приходомъ въ уреченное время, и она подала мнѣ ихъ въ самомъ дѣлѣ. Да и подлинно она почти не опходила ошл меня; и я такъ привыклъ получатл жизнь изъ рукъ ея, чипо бывало сердце у меня замреплъ, и я поблѣднѣю, какъ она выходилъ изъ горницы. — Любовь, Ваше Благородіе, въ эпомъ случаѣ почно какъ война; и солдатл, которой уцѣлѣл цѣлыя при недѣлк

до самой полуночи въ субботу — можепл пораженл быпл въ сердце въ воскресенъе поуину: — такл это и здѣсь случилось, Ваше Благородіе, недалеко съ шоо разницею, — чипо я елѣбился ошл воскресенъе по полуднѣ, вдругл, какл разл — и эпал любовь, Ваше Благородіе, обрушилась на меня какл бомба — коншорая едва дала мнѣ время перекрестинься.

Мнѣ казалось, *Триплъ*, сказалл мой дядя *Товій*, чипо человекл никогда не можепл такл скоропосижно влюбинься.

Можепл, Ваше Благородіе, коли ошл готовл любить, ошлчалл *Триплъ*.

Пожалустпа, молвилл дядя мой, *Товій*, расскажи мнѣ, какл это все случилось? —

Со всею охотою, Ваше Благородіе, ошлчалл Капралл, поклонившись. — Я изблгнулл, продолжалл Капралл, во все это время ошл разл любви, и дошелл — было ужл до самого конца эпной главы, есплди бы не сужено мнѣ было иначе. — Судьбл своей проппивинься не лзя. Это было въ воскресенъе по полудни,

какъ я докладывалъ Вашему Благо-
родію. Спширичокъ съ своею женою,
куда - то ошлучились; — около хужи-
ны все шакъ умолкло, шакъ было
шихо, какъ въ полночь. —

Довольно шого, что не было ниже
ушки на дворъ, — когда пришла навъ-
спинь меня прекрасная *блшица*.

Рана моя подживала, и шло уже
къ шому, чтошбъ мнѣ выздоравли-
вать; — вся инфламация прошла съ
нѣкотораго времени, но за нею по-
слѣдовалъ внизу и шверху моего ко-
лѣна шаккой нестерпимой зудъ, что
я не могъ свести глазъ цѣлую шу
ночь. — Дай - ка мнѣ посмошрѣшь,
сказала она, спшищи на колѣни на
полу параллельно съ моимъ колѣ-
номъ. — Бенадобно немпожко пошерень,
сказала *блшица*; потомъ накрывши ее
одѣломъ, она начала переднимъ паль-
цомъ своей правой руки шерень вни-
зу моего колѣна — води его по взадъ,
по впередъ по краю фланели, коно-
рою обвязана была перевязка.

Черезъ шипъ или шесень минутъ
я почувспвовалъ скорошпшижно ко-
нецъ и шпорого ея пальца, и вдругъ

онъ спалъ тѣсно соединенъ съ пер-
вымъ; между шѣмъ она все продол-
жала шерень шакимъ образомъ все
вокругъ вокругъ, довольно долго;
шущь - то пришло мнѣ въ голову,
что я долженъ влюбшться. — Я по-
краснѣлъ, когда увидѣлъ, какая была
у нее бѣлая рука; — никогда, Ваше
Благородіе, никогда не увижу я ша-
кой бѣлой руки, пока живъ. —

Молодая *блшица*, продолжалъ Ка-
пранъ, примѣшвшши, что мнѣ очень
помогало это шрение черезъ нѣ-
сколько времени онъ двухъ паль-
цовъ, начала шерень еще шреши, —
а шамъ мало по малу присоединшлся
и четвершой, и напослѣдокъ спала
она шерень всею рукою; я ужъ бо-
лѣ ни слова не молвлю, Ваше Благо-
родіе объ этой рукѣ — но она была
мягче аншасу.

Пожалуста, Тримъ, выхпалш
ее сколько хочешь, сказалъ дядя мой
Товш; я буду слушашъ швою по-
вѣсть съ большимъ удовольспвиемъ. —
Капранъ благодарилъ своего команди-
ра онъ шшшата сердца; но не имѣя
ничего болѣе сказашь объ рукахъ сво-

ей *бланицы*, какъ развѣ шожетъ, что и прежде — онѣ приснувши къ самому произведенному онѣ этой руки впечатлѣнію.

Прекрасная *бланица*, сказалъ Капралъ, продолжала тереть всею рукою внизу колѣна до тѣхъ поръ, пока я не побоялся, чтобъ она не успала онѣ своей услужливости. — „Я бы сто разъ долѣе еще терла, сказала она, ради любви Христовой.“ И какъ она продолжала тереть — я чудотворилъ Ваше Благородіе изъ подъ руки ея разливающимся нѣчто во всемъ часнымъ моихъ соснавовѣ.

Чѣмъ долѣе она терла, и чѣмъ далѣе захватывала рукою — тѣмъ больше распространился огонь по моимъ жиламъ — пока наконецъ, онѣ двухъ или трехъ пошираневѣ, далѣе всѣхъ прежнихъ — спросилъ моя возрасла до вынншей степени. — Я схватилъ ея руку — и шупилъ, подхватилъ дядя мой *Тосій*, шиприжалъ ее къ своимъ губамъ, *Триль*, и сказалъ ей рѣчь.

Такъ ли шочно кончились амуры Капраловы, какъ дядя мой заклю-

чалъ — до того нѣтъ нужды; довольно, что любовь сія содержавшѣ въ себѣ сущность всего того, что сказано во всѣхъ романахъ, какіе шолько были писаны онѣ начала свѣта.

Тр. Шелди, Саст. IV, гл. 45.

(*Продолженіе впрѣдѣ.*)

44.

МОЙ ТУАЛЕТЪ.

Отрывокъ.

Признаюсь, къ вишѣ моей передъ великимъ Бюффонемъ (*), что я скучаю за шуделомъ, — и между тѣмъ, какъ *зодчій* волосъ моихъ занимается внѣшнимъ украшеніемъ головы моей, я занимаюсь внушрннимъ ея украшеніемъ — то есть, чишаю. — Подымая глаза онѣ времени до времени, я вижу въ зеркалѣ, что зодчій мой заглядываетъ въ книжку, которая въ рукахъ у меня. — Зная грамотнѣ, онѣ любовнышествовалъ, что я чишаю; но честно сухая мина его говоритъ мнѣ, что любовнышество его нищепно! — книжка часно не Руская,

(*) Известно, что Бюффонъ любилъ сидѣть за шуделомъ.

Какъ поправилось мнѣ, въ этой же главѣ, слѣдующее мѣсто!

„Дорогой камень въ глазахъ моихъ, — говоритъ проникательный, дальновидный, глубокомысленный Мерсе — „если печать моральной неуклончивости. Онъ ожесточаетъ, кажутся, существо, которое украшается пыльнымъ его блескомъ. — Когда я вижу женщину, у которой на рукѣ цѣпа двухъ хорошихъ деревьевъ, но эта рука не возбуждаетъ болѣе желанія моего поцѣловать ее. Но мужчина, украшенный бриллиантами, похищая украшеніе зно у женщины, заставляя меня удалиться отъ него съ сильнѣйшимъ операциею. — Все зно маленькіе блестящіе камышки, которыми сколько и не славился, есть истинная эмблема жестокой души и хладнаго эгоизма. „

Такая глава очень кстати была при шулетѣ. -- Я не подвергался однакожъ справедливому суду Автора-Философа, не имѣя ни бриллиантовъ, ни эгоизма!

К. П. Ш. — въ.

КРАСОТЫ СТЕРНА.

(Продолженіе.)

МАРЬЯ.

Послышались мнѣ самыя пріятныя шоны; я шончасъ опустилъ переднее стекло у карены, чпобъ вслушаться лучше. — Марья играетъ, сказаъ мнѣ почтарь, прамѣтя, чпо я высунулъ. — Бѣдная *Марья!* продолжалъ онъ (наклоняя въ сторону, чпобъ дать мнѣ видѣть ее, попому чпо онъ былъ въ прямой линіи между нами); она сидитъ на скамьѣ и наигрываетъ на флейтѣ свои вечерніе канины, съ козочкою возлѣ себя.

Молодой парень произнесъ сіи слова такимъ голосомъ, съ такимъ взглядомъ, сообразнымъ чувствительному сердцу, чпо я въ шуже минушу далъ себѣ обѣщаніе подарить ему *гешертъ* на водку, какъ скоро приѣду въ *Мулинъ*.

Часть VII. No. 103.

34

А кто такая бѣдная *Марья*? спросилъ я. — Дѣвушка, любимая во всемъ нашемъ околоткѣ, обѣ конпорой все сожалѣютъ, опивчалъ почпартъ. Три года назадъ тому, какъ подъ солнцемъ не лъзя было найти такой прекрасной, такой остроумной, и любезной дѣвушки; *Марья* стоила лучшей участи, нежели чтобы бракъ ея запрещенъ былъ по инпригамъ сельскаго Пастора, конпорой долженъ былъ о немъ обнародованъ.

Онъ хотѣлъ было продолжать, какъ *Марья*, конпорая нѣсколько промолчала, поднесла свою флейшу къ губамъ, и начала снова арію, — оныя нѣже самыя тоны, но еще въ десятихъ разѣ пріяниѣ; это ея вечерніе канни Богородицѣ, сказалъ молодой человекъ; но кно ея выучилъ играть ихъ, и какъ она доспала эту флейшу — никакно этого не знаетъ; думать надобно, что Богъ помогалъ ей въ томъ и другомъ; по-тому что съ тѣхъ поръ, какъ она помѣшалась въ умъ, кажется это одно шолько ей утѣшеніе: — флейша

никогда не выходитъ изъ ея рукъ, и она играетъ на ней эти канни и день и ночь.

Почпартъ рассказывалъ это съ такою скромностію, съ такимъ природнымъ красорѣціемъ, что мнѣ казалось я распознавалъ въ чертахъ лица его нѣчто выше его соспоянія; и конечно бы спросилъ обѣ немъ подробнѣе, если бы бѣдная *Марья* на ту пору не заняла всего меня совершенно. Между тѣмъ мы подѣхали къ самому тому мѣсту, гдѣ сидѣла *Марья*; на ней была тонкая бѣлая кофточка, волосы (кромѣ двухъ локоновъ) все были подобраны подъ шелковую сѣточку, на конпорой было нѣсколько маеличныхъ листиковъ, переплетенныхъ по своему, немножко спирально, на одну сторону. — Она была прелестна; и никогда не чувствовалъ я такой глубокой болѣзни сердца истинно честнаго, какъ въ сію минушу, когда ее увидѣлъ.

Ахъ! помилуй ее Богъ! Бѣдная дѣвушка! сказалъ почпартъ; сколько обѣденъ ибли въ разныхъ при-

ходскихъ церквахъ, и по монастырямъ окружнымъ за нее, — по все напрасно! Мы еще имѣемъ надежду, когда она приходивъ въ чувство на нѣсколько минути, что Богородица возвративъ ей наконецъ прежній разумъ; но ея родители, которые лучше ее знаютъ, совѣмъ въ этомъ опчаялись, и думаютъ, что она лишлась навсегда своего разсудка. —

Какъ почтварь говорилъ это, *Марья* играла такъ меланхолически, такъ ибжно, такъ жалобно, что я выскочилъ изъ карены ушннать ее, и усѣлся между ею и козочкою, прежде нежели онамяновался опъ моего воспора. — *Марья* посмотрѣла нѣсколько минути пристально на меня, и по томъ на свою козу; — по томъ на меня, по томъ оянь на козу, и такъ далѣе попеременно. —

Ну, *Марьюшка!* сказалъ я ей крошко, какое ны находивъ сходство?

Заклинаю чисносердечнаго чипателя повѣрить мнѣ, что я единственно по самому смиренному

убжденію, какой завръ бываетъ человекъ — заблалъ такой вопросъ; и что я бы не хотѣлъ проронить такую шулку не умѣла предъ почтеннымъ лицомъ нещасія, когдабъ удоспоивали меня всею оспрошено ума, какую *Рабле* распроширивъ. — Однакожъ признаюсь, что сердце мое меня въ томъ укоряло, и что я сколько мучился одною о семъ мыслию, что покаяся хранивъ правила мудрости, и произнесивъ только важныя изреченія во весь оспннокъ дней моихъ, — и никогда — никогда не вмѣшивая въ разговоры никакой замысловатости ни съ мушциною, ни съ женщиною, ни съ ребенкомъ, во все аина моей жизни.

Но что касается до того, чтообъ писавъ для нихъ безсмыслицу, — по думаю, на это есть исключеніе; — однакожъ я сіе оспавляю для свѣта.

Проси, *Марья!* — прости, бѣдная безщасная дѣвушка! Моживъ бывъ когда ибудь — но не шеперь — я услышу иво горесии изъ собственныхъ успъ ивоихъ — Но я

обманулся; она тотчасъ взяла флейту, и рассказывала мнѣ на ней такую повѣсть о своихъ злополучіяхъ, чпо я вспадъ, и пошелъ косными и неровными шагами къ своей каретѣ. —

Гр. Шенди, Частв. IV. гл. 83.

МАРЬЯ.

Му л и н ъ.

Я никогда еще до сихъ поръ не чувствовалъ ни подъ какимъ другимъ видомъ такого разоренія изобилію. — Путешествованіе черезъ *Бурбонскую* страну, приливишнюю часть Франціи, въ самую жаркую пору собиранія винограда, когда Напура разливаешь богатые дары свои въ ибдра каждаго, и когда всѣхъ взоры въ веселіи просираношея — путешествованіе, когда на всякомъ шагу музыка бьетъ такъ *шрудюлюбно*, и всѣ его дѣли съ радостнымъ поужесствомъ собираютъ виноградныя кѣши — пробѣжашъ

страны съ моими чувствованіями, измѣняющимися мгновенно, и воспаляющимися при каждой группѣ предо мною — и когда каждая наполнена приключеніями. —

Боже мой! эпо бы могло наполнить дванцать помовѣ, — но ахъ! у меня оспалось только нѣсколько спраничекъ, чпобъ помѣстишь на нихъ все эпо, а половина и изъ нихъ должна бытъ оспавлена для бѣдной *Марси*, которую другъ мой Шенди вспрѣшилъ близъ *Мулина*.

Повѣсть, которую онъ рассказывалъ объ эпой помѣшанной дѣвушкѣ, не мало тронула меня при ея чтеніи; но когда дохалъ я до соседственнаго мѣста, гдѣ она жила, по повѣсти споль спльно возобновилась въ моихъ мысляхъ, чпо я никакъ не могъ противиться побужденію, влекшему меня поворотишь въ спорону на полмили отъ дороги, гдѣ жили ея родители, чпобъ отъ нихъ объ ней развѣдать. —

Эпо похоже на рыцаря печальнаго ордена — бханъ исканъ меланхолическихъ приключеній; — но я не

знаю, опѣ что это происходитъ; только никогда я столько совершенно не удивлялся, что есть во мнѣ душа, какъ въ это время, когда запытаюсь въ такія приключенія. Мать, старушка, открыла двери; ея взгляды сказали мнѣ всю исторію, прежде нежели она открыла ротъ; — она лишилась своего мужа, онъ замѣтилъ предъ симъ умеръ, сказала она, съ печали, что *Марья* помѣшалась. — Сперва было боязнь я, продолжала она, что опѣ этого бѣдная дѣвка и послѣдняго смысла не лишилась, но напрасно она не много пришла въ себя; — однакожъ все не могу я успокоиться. — — — Бѣдная моя дочка, молвила она всхлипывая, вѣрно бродитъ гдѣ нибудь около дороги. — — — Какъ помню пульсъ мой бьется, когда я пишу это! — И опѣ что *Лафлеръ*, конпорато сердце наспросто кажется для одной радости, для раза утиралъ себѣ глаза кулакомъ — когда старушка стаяла и рассказывала? Я велѣлъ почтмарю поворочить на большую дорогу. — Когда мы опѣехали

на подмили опѣ *Мулина*, на маленькомъ переѣздѣ черезъ дорогу, идущемъ къ лѣсокъ, сидѣла бѣдная *Маша* подъ пологомъ; — локонь ея лежалъ на колѣняхъ, а голова наклонилась на одну сторону ея ладони; — у подошвы дерева протекалъ ручеекъ.

Я приказалъ почтмарю воротиться съ кареного въ *Мулина*, а *Лафлеру* поспараться обѣ ужинѣ — самому же мнѣ хотѣлось ишкомъ прилечь за ними.

Она была въ бѣломъ платьѣ, почти такъ, какъ описалъ ее мой пріятель, съ нною только разницею, что волосы у нее были распущены, а не спрятаны, какъ прежде, подъ шелковую свѣчку; — она прибавила ноже къ своей кофточкѣ бѣдно-зеленую ленту, которая вѣла у нее черезъ плечо до самаго лифа, и на которой была повѣшена ея флейта. Коза ея вѣрно ей такъ же помѣшалась, какъ и ея любовникъ, и она взяла себѣ вмѣсто козы себачку, которую держала на шнурѣ, привязанномъ къ своему поясу. Какъ я

посматривалъ на ея собачку, она потянула ее къ себѣ за шнурокъ — „Ты не покидай меня, *Силвинка!*“, сказала она. Я посмотрѣлъ въ глаза *Марю*, и примѣнилъ, что она больше думала о своемъ ошцѣ, нежели о своемъ любовникѣ, или о своей козочкѣ; поному что когда она это произнесла, по слезы капнулись по ея щекамъ.

Я сбавъ поручь съ нею, и *Маря* позволила мнѣ утеретьъ моимъ платкомъ ея слезы, когда онѣ капнулись. Я омочалъ его и своимъ и ея слезами — и моими ошань и ошань ея, — и когда я это дѣлалъ, то чувствовалъ внутри себя такія неопредѣленныя движенія, копорыхъ не лзя изяснить никакимъ сопряженіемъ маперіи и движенія. —

Я швердъ въ шомъ, что имѣю душу; и всѣ книги, копорыми машеріалисты заразили свѣтъ, не могушь меня увѣрить въ прошивномъ. —

Когда *Маря* пришла нѣсколько въ себя, то спросалъ я у нее, не припомнилъ ли она шото блѣднаго сухощавата чловѣка, копорой за два года передъ симъ сидѣлъ между ея

и ея козою? — Она отвѣчала, что она была въ ту пору очень смѣшана; однакожъ помнилъ это по двумъ причинамъ: — первое, что при всей ея дурношѣ она примѣшила, что эшошъ чловѣкъ жалѣлъ обѣ ней; другое, что коза ея унесла его платокъ, и за эту покражу она ее побяла. — Я вымыла эшошъ платокъ, сказала она, въ ручейкѣ, и съ шѣхъ поръ есегда ношу въ карманѣ, чтообъ отдашь ему, въ случаѣ ешнли когда нибудь ошань съ нимъ увижусь; — что, примодвила она, онѣ почти мнѣ и общалъ. Сказавъ это, вынула она платокъ изъ кармана и показала мнѣ; онѣ былъ завернутъ чисто въ два виноградные листка, и обмотанъ винограднымъ же ускомъ. — Развязавши увидѣлъ я S (*), назначенной на одномъ уголкѣ.

Съ шого времени, говорила она мнѣ, путешествовала она до самаго *Рила* — ходила около церкви св. *Петра* — возвратилась назадъ — сыскала себѣ дорогу черезъ *Алпійскія горы* — про-
 (*), Слово, съ котораго начинается въ Англискомъ *Schandy, Stern.*

шла всю *Ломбардию* безъ денегъ, — и все каменныя дороги въ *Савойю* безъ башмаковъ, и какъ она все это вытерпѣла, какъ она перенесла это, сама разсказать не умѣла; — но Богъ заключилъ *Марья*, укрощающъ бурю для осприженнаго агнца.

Подлинно осприженнаго, и даже до живова! сказалъ я; и естли бы ты была въ моей описаніи, гдѣ у меня есть маленькой уголокъ, я принялъ бы тебя, зберегъ бы тебя; ты бы вкушала со мною хлѣбъ насущной, ты бы пила изъ одной чашы со мною, я бы ласкалъ твою *Славянку*; — естли бы ты занемогла — либо заблудилась гдѣ нибудь — я бы пошелъ за тобою, привелъ бы тебя домой; — когда бы солнце закатилось, я спалъ бы читая свои молитвы, а послѣ того и ты бы проиграла свою вечернюю пѣснь *Богородицъ* на своей флейнѣ, — и виміамъ жерновъ моей пѣмѣ не меньше бы проникнулъ небеса, ошъ того, что онъ бы восходилъ вмѣстѣ съ виміамомъ сокрушеннаго сердца. —

Природа вся во мнѣ распаяла, когда я произносилъ сіи слова; и

Марья примѣшивъ, какъ я внималъ планокъ изъ кармана, что онъ былъ очень мокръ и не годился ушивать — хотѣла было пойти вымыть его въ ручейкѣ. — Гдѣ жъ ты высушишь его, *Марюшка?* сказалъ я. — Я его высушу у своего сердца, молвила она — мнѣ это будетъ пріятно.

Развѣ твое сердце, *Марюшка*, и досихъ поръ такъ горячо? спросилъ я. —

Струна, до которой я допронулся, опоздалась всѣми ея злополучіями; — она посмотрѣла приспально и съ нѣкоторымъ смущеніемъ мнѣ въ лицо; но помѣ, не говоря ни слова, взяла свою флейну, и начала играть свой кантъ *Богородицъ*. — Струна до которой я допронулся, переснала звѣнѣть. — Черезъ минушу или двѣ *Марья* пришла въ себя — уронила свою флейшу — и вспала.

Куда жъ ты хочешь пойти, *Марюшка?* спросилъ я. — Въ *Мулинь*, отвѣчала она. — Пойдемъ, сказалъ я, вмѣстѣ. — *Марья* взяла меня подъ руку — понустила сурокъ, чтобъ собачка могла бѣжать за нами — и мы такимъ образомъ вошли въ *Мулинь*.

Хотя я и ненавижу кланяться и здороваясь на публичныхъ мѣстахъ, но когда взошли мы на площадь — я остановился, чтобы взглянуть въ послѣдній разъ на *Марю* и просипнись съ нею

Маря хотя не велика ростомъ, однакожъ была изъ первыхъ прекрасныхъ фигуръ; — печаль оплывала ея взоры чѣмъ-то едва ли земнымъ; но она все была женщина — и въ ней было такъ много всего того, чего сердце желаетъ, чего глазъ ищетъ въ женщинѣ, что если бы когданибудь могло изгладиться въ ея памяти худое впечатлѣнiе, или черныя *Элизы* въ моей: то она бы не только вкушала со мною хлѣбъ насущный и пила изъ одной чашки, но *Маря* покоилась бы на груди моей, и была мнѣ вмѣсто дочери.

Прости — жалкая, несчастная дѣвушка! — Приѣмливое иелей, кои состраданельной иноземецъ, пробѣжая по этой дорогѣ, низдеишь на раны твои! — Существо, двоекратно пораженное тобой, единое шокмо можетъ уврачевать сѣ язвы на всю вѣчность. —

Чувств. Путеш.

ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

— Любезная Чувствительность! источникъ неисчерпаемый всего, что есть дорого въ нашихъ удовольствiяхъ, и многоцѣнно въ нашихъ огорченiяхъ! — ты гнешь пиво его справедельца на соломенномъ ложѣ — и ты возвышаешь его до небесъ. — Вѣчный ключъ нашихъ чувствований! — здѣсь изображаю тебя — и твою — по „*Божественная сила движется внутри меня*“ — не то что иногда въ скучныхъ и болѣзненныхъ минушахъ *душа моя опросергается на самую себя, и трелещетъ при мысли о разрушенiи*“ — одно напыщенiе словъ! — но то самое, когда я чувствую инокорья великодушныя удовольствiя, инокорья великодушныя заботы превыше самого себя. — Все происходитъ отъ тебя, великое — великое хранилище чувствъ (sensorium) цѣлаго свѣта! болѣющая и тогда, когда единый власъ съ главы упадетъ въотдаленнѣйшихъ степяхъ твоего иворенiя. — Тронутый ею *Евгеній* приходитъ къ одру мое-

му, когда я изнемогаю; — слышаешь мои жалобы на припадки, и обвиняешь время, что оно расширило его нервы — Частю вселяешься ты въ душу самаго просиатаго поселянина; онъ переходитъ холодныя горы — ссыкаешьъ расперзаннаго агнца изъ чужаго спада, — въ сію минушу вижу я его склонившаго голову на посохъ, съ самымъ жалосплавнымъ видомъ взирающаго на него. — Ахъ еслилибъ я нѣсколько пришелъ раньше! — Бѣдной испекаешьъ кровью — сто доброе сердце обливаешьъ кровью вмѣстѣ съ агнцемъ. —

Миръ тебѣ, великодушный папырь! — я вижу, какъ ты удаленъ съ вздыханіемъ; — но шесъ удовольствіе перевѣситъ его: — ибо блаженна на хижина, въ которой ты обитаешь! — блаженъ пошъ, кто раздѣляетъ ее съ шобою — и блаженны агницы, вокругъ тебѣ веселящіяся!

Свост. Путеш.

ЖЕЛАНІЕ СПОКОЙСТВІЯ.

Изъ сочиненій Г. Клейста.

Ручей, по камешкамъ бѣгушій
Прозрачной быспрою струей,
Когда швой шумъ, ко сну влекушій,
Услышу въ радости моей? —
Блаженъ, кто при водахъ сребристыхъ
На берегахъ тихихъ шѣвистыхъ
Внимаешь шидъ поющихъ гласъ! —
А я, хоть мѣшъ снхъ удаленный,
Хощъ всюду бѣдшвомъ окруженный,
Но мысляю о тебѣ всякъ часъ.

О прелести луговъ опрадныхъ,
Полянки межъ густыхъ древесъ!
Мракъ рощей и лѣсовъ прохладныхъ,
Лазурной чистыхъ сводъ небесъ!
О прудъ среди долины злачной,
Гдѣ часто я въ струѣ прозрачной
Часть. VII №. 104. 35

Багряной зрѣлъ Авроры видъ,
Цвѣтны росой окропленны,
Лучами солнца озаренны!
Вашъ блескъ опъ глазъ моихъ сокрытъ.

О ты, что прежде съ шумомъ громкимъ,
Въ шѣни, подъ сводомъ изъ кипкией,
Въ дубравѣ, повноренемъ звонкимъ
Звучало пѣсни гласъ моей;
Въ восторгѣ сидя гдѣ великомъ,
Вывады Дорису часнымъ канкомъ,
И былъ опзыкомъ вохнненъ —
Видай днесь, Эхо, раздвывая,
Не ужь ли, бѣдснвами пинкяеъ,
Спокойснва я вѣкъ лишенъ?

Тобою прежде наслаждался
Среди моихъ спокойныхъ дней,
Въ сладчайшей радости пинался
Восторгами души моей;
Все мнѣ прѣяность измѣало,
Все взоръ и слухъ мой восхндало,
А днесь лишенъ я снхъ опрадъ.
Тамъ зрѣлъ поля, лѣса густые,
А здѣсь удары смерти злые —
Грозный разрушенемъ адъ.

Какъ вихрь съ ужаснымъ ревомъ воетъ,
И пыль буншуя вверхъ крушнпъ,
Лучъ солнца мрачной нучей кроетъ,
Снрѣпы ужасы ролнпъ;
Поля песками засыпаны,
Еъ окреспснша губнпъ, ломаетъ

Кустарникъ и дремучій лѣсъ:
Такъ опъ руки враговъ сурвнхъ
Вездъ слѣды губнпелснвъ новыхъ,
Дымъ черной всходнпъ до небесъ.

Лука и ннвы подавляютъ,
И разоряютъ перпоградъ;
Древа съ плодами помагаютъ,
И льютъ вездъ свнрѣпснва ядъ.
Младая, пѣжная супруга
Въ любезнаго днесь виднпъ друга
Вонзенный смертоносный мечъ;
Въ послѣднй разъ его лобзаютъ,
Слезой шрупъ хладный обмываютъ,
Снсннанемъ прерыва я рѣчь . . .

Роднпелъ, въ ужасъ погруженный,
Младенца за собой веднпъ;
О плодъ, къ ванаснямъ порожденный!
Почню узрѣлъ ты солнца свѣтъ?
Вдругъ вули съ свнсномъ прилешаютъ,
На еѣкъ ихъ очи закрываюпъ,
Нещасныхъ длей пресѣкши ннпъ,
Сеснра о бранъ шамъ рыдаетъ,
Здѣсь мать при дѣтяхъ жизнь кончаепъ,
Враги спремнтся всѣхъ губнпъ.

Снрѣпснвомъ вѣпра разъяренный
Когда буншуеъ океанъ,
Лешнпъ чрезъ брега уснрашенны,
Погнбелью греза странамъ;
Безнльны всѣ къ спасеню средства,
Ошвлечъ ничню не можетъ бѣдснва,

Пучина всюду власнь беретъ :
 Такъ огонь праву въ лугахъ снѣдаетъ,
 Дубравы въ пенель превращаетъ,
 Губитъ плоды сноль многихъ лѣтъ.

Подобно какъ со тверди звѣздной
 Падетъ безчисленность кометъ,
 И мрачную хаоса безднью,
 Разрушивши, творитъ сей свѣтъ :
 Такъ бомбы, смерть въ себѣ посящи,
 Всемъсильный прелетъ, страхъ шверджи,
 Сквозь воздухъ пламенны падушъ ;
 Свирѣисшвомъ гибель причиняютъ,
 Ломаютъ, жгутъ и разрушаютъ,
 Тѣла на мѣлки часни рвутъ.

Плоды художества и знанья,
 Чѣмъ сноль Коринѣвъ прославленъ былъ,
 Великолѣпны, пышны зданья,
 Гдѣ вкусъ изящности находилъ,
 Пылаютъ, тлѣютъ, уладаютъ,
 Людей собою подавляютъ,
 И землю тяжесью прясуютъ ;
 Вопль, крикъ и стоны раздаются,
 Повсюду жалобы несунся,
 Повсюду ужасы живуиъ.

Земля, тѣлами покровенна,
 Лѣтся кровь изъ свѣжихъ ранъ ;
 Рука, широкшвомъ ополченна,
 Терзаетъ жишелей сихъ шприаъ,
 Валииъ столбами дымъ згущенный ;
 Народъ, опчаянный, смущенный,

Пожаръ гасить стараясь, мретъ.
 Кого огонь не пожирасъ,
 Тотъ нуль свирѣисшвомъ исчезаетъ ;
 Пошады ишъ опъ люныхъ ѡбдъ.

Подкопъ, селишрой начиненный,
 Земля кремнисто идро рветъ ;
 Ударъ, симъ звукомъ причиненный,
 Сердца дальнѣйшихъ горъ прясетъ.
 Дрожитъ, шрепететъ вся Природа,
 Лешитъ изъ бездны смерть народа,
 Поля, долины, и лѣса
 Помосиъ горящихъ шруповъ кроетъ ...
 Такъ вихрь огня въ Везувии воешъ,
 И мететъ камни въ небеса.

Хоть Фебъ лучи свои скрываетъ,
 Хоть шшелется пещная штъь,
 Но пламя мрачность освѣщаетъ,
 И прешворяетъ въ ясный день ;
 Повсюду блѣдный ужасъ шетъ,
 Твердь неба рдится и багрѣетъ,
 Опъ жара съ кровель мѣдъ течетъ (*).
 Швистъ ядеръ, пуль, и огонь ревушій
 Являютъ адъ и шаршаръ сушій,
 Луны и звѣздъ мрачнися свѣтъ.

О Марсъ, богъ браней вредоносныхъ !
 Доколь крови смершныхъ шечъ ?
 И безъ швонхъ ударовъ злосшныхъ
 Себъ мы въ грудь воззаемъ мечъ.

(*) Въ Германіи многія публичныя зда-
 нія покрышы мѣдью.

Страстей подъ игомъ въздыхаемъ,
 Другъ друга въ злобѣ угибнаемъ,
 Врагами мы спремимся быти.
 Насъ гордость въ рабство заключаетъ;
 Скупой богатства собираетъ,
 Могуція ему вредитъ.

Судья, прибыткомъ ослѣпленный,
 Всѣми истинны кривитъ;
 Обманъ, лукавствомъ ухищренный,
 Лицею дружеска прикривъ;
 Блескъ злата истыря прельщаетъ (*):
 Грѣхи за деньги онъ продаетъ
 И послѣ смерти рай сулитъ.
 Съ коварствомъ зависъ водворилась,
 Порокомъ общимъ учинилась,
 Лъснелу повсюду входъ открытъ.

Таланты ближнихъ осуждаемъ,
 И ихъ стараемся затмить;
 Свои лишь спрасни выхваляемъ,
 Дабы для всѣхъ примѣромъ быти.
 Въ глаза кто хвалишь и лобзаетъ,
 Злобно клеветаша дерзаетъ,
 Въ число разумныхъ шовъ включенъ;
 Кто жь правду говоритъ умбепъ
 И о порокахъ сожалѣетъ,
 Тотъ всѣми изгнанъ и презрѣтъ.

(*) Здѣсь Авторъ разумѣетъ Папскую индугенцію.

Когда блестящими лучами
 Тебя Фортуна озаритъ,
 Тогда ты окруженъ друзьями
 И будешь славою покрытъ;
 Когда же блескъ ея затмится,
 Къ тебѣ почтенье истребится,
 Оставленъ будешь ты отъ всѣхъ.
 Великой душѣ не увываешь,
 Толпу глумовъ сихъ презираешь;
 Но въ обществѣ рожился смѣхъ.

Хоть кто въ слѣдъ мудрости стремится
 Онъ предразсудковъ удался,
 Опасаясь онъ честности боится,
 Спрасней въ пучину погружась:
 Но онъ примѣровъ разраженныхъ
 Злой роскоши порабощенныхъ
 Въ порокъ неволью онъ впадешъ;
 Какъ въ быстри воды погруженный,
 И силъ, и помощи лишенный,
 Плынешъ, куда рѣка влечетъ.

Вездѣ напасти мы встрѣчая,
 Живемъ средь горестей и бѣдъ!
 Я, часно слезы проливая,
 На сей въ шокъзираю свѣтъ.
 Въ уныньѣ духъ мой погруженный,
 Порочной жизнью усрашенный
 Былъ добродѣтельнымъ великъ.
 Но младость очи осушаетъ,
 И огонь сей въ сердце пошумаетъ —
 Къ блаженству смертнымъ путь со-
 крытъ.

Къ прибытку алчность ощущая,
 Пускайтесь въ грозный океанъ!
 Жемчугъ на днѣ искапъ желая,
 Идише купно смерти памѣ;
 Въ горахъ пещеры вырываютъ,
 Блесняще задно доставайте,
 Богачествомъ покупайте честь,
 Чшобъ въ безпокойствахъ невсечасныхъ,
 И заключеніяхъ ужасныхъ
 Неудачно дни свои провесьте.

Сооружайте пышны зданья,
 Чшобъ въ нѣгахъ, въ роскошахъ дышать;
 Изящностью Индійскихъ шкани
 Старайтесь дома украшать;
 Ликуйте въ пиршествахъ вседневныхъ,
 На ложахъ спите позлащенныхъ,
 И послѣ смерти на гробахъ
 Поставьте мраморы столбами,
 Вы зрите пышность предъ очами,
 А я зрю — камень, землю, прахъ.

Геройствомъ суетнымъ пылайте,
 Свирѣсивуйте повсюду вновь;
 Въ поляхъ широкѣхъ проливайте
 Мечемъ людей невинныхъ кровь,
 Чшобъ имя ваше прославляясь
 И съ жизнью не пресѣкаясь,
 Могло въ подсолнечной грѣбѣть; —
 Но можетъ ли воображенье
 Вамъ дать споль сладко утѣшенье,
 Какъ будете вы въ гробѣ шлѣть?

Почто прельщаетесь напрасно
 Скоропреходной сей пищею?
 Почпо вы споль влюблены страстно
 Въ порокъ, покрытый красотою? . . .
 Хотя я шастіемъ превращнымъ
 Не здѣланъ сильнымъ, громкимъ, знат-
 нымъ,

Но жребіемъ блаженъ своимъ!!
 Спокойствие меня прельщаетъ,
 А все, что пышностью блискаетъ,
 Предоспаваю я другимъ.

Явился възору испещренный
 Луга цѣвшущей муравой,
 Гдѣ горы, холмы возвышенны
 Своей гордяща красотою;
 Гдѣ всѣ печали забывая,
 Одну пріятность ощущая,
 Пшпаль мой духъ восшоргомъ симъ,
 Въ шѣни древесной прохладѣлся,
 Ручья журчаньемъ восхищался,
 А не пескомъ его зланнымъ.

Съ предметомъ милымъ разлученный,
 Стена любовникъ слезы льешь;
 Въ печаль жестоку погруженный,
 Онъ ненавидитъ цѣлой свѣшъ,
 Разсудка голосу не внемлеть,
 Ошчаянье его объемлетъ;
 Разлуки тяжесть онъ неся,
 Унынїемъ себя питаетъ,
 Охотно гореснь умножаетъ,
 Бѣжитъ въ дремучіе лѣса. —

Такъ я весело въздыхаю,
 Луга, и рощей мрачна шибь!
 Я васъ всегда воспоминаю.
 Придешь ли сей желанный день,
 Чпобѣ къ вамъ ошѣ мѣстѣ сихъ пре-
 селившись,

И видомъ вашимъ наслаждаюсь,
 Покой съ ошрадой я вкусилаъ,
 И во предѣлахъ безмятежныхъ,
 Въ обьянкахъ *Дарисы* нѣжныхъ
 На вѣкъ глаза мои закрылаъ!

Переводъ съ Нѣмецкаго Г. Кле.

Казалъ.

47

П Ъ С Н Я.

Я въ деревнѣ утѣшаюсь,
 И живу щасливыйъ всѣхъ;
 Вижу рощу — восхищаюсь!
 Вижу поле — тѣму утѣхъ!

Въ садѣ иду, когда скучаю,
 И спѣшу по томѣ къ рѣкѣ;
 Пѣснямъ пѣночки внимаю,
 Какъ щебечешъ вдалекѣ.

Пѣсни пѣночки ровняю
 Съ милымъ, нѣжнымъ голоскомъ . . .
 Ими душу я питаю
 Какъ бы пихимъ въперкомъ.

Я сажусь подъ тѣнь отъ зноя,
 Забывая вѣдой свѣтъ.
 Любимѣ другъ меня мой, Хлоя;
 Мнѣ ея дороже пѣпѣ.

Мнѣ не нужны ни богатства,
 Не прельщаюсь я мечтой;
 Мнѣ въ деревнѣ всѣ пріятства,
 Ешьли Милая со мной.

Кн. Ку — 62.

Село Кунь Лингя.

КЪ БАРАШКУ.

Пастушка нѣкогда барашечка любила:
 Изъ рукъ своихъ его поила и кор-
 мила;
 Барашекъ былъ любимъ, и былъ барашекъ
 радъ —
 За что противенъ спалъ? — За то, что
 сталъ рогатъ.

Кн. Ку — 62.

КРЕМЕНЕЦЬКИЙ МУЗЕЙ
 Кременецький музей
 Дня

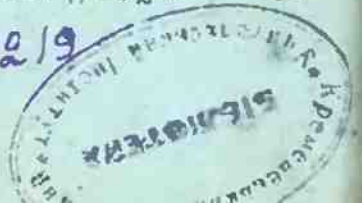
О Г Л А В Л Е Н І Е

Седьмой Части.

Стран.

1	Гимнъ чепыремъ временамъ года.	- - -	3
2	Гимнъ уединенію.	- - -	10
3	Единобсѣдованіе Елисаветы Рове.	- - -	13
4	Стихи въ честь Томсона.	- - -	15
5	Всеробщая молитва Высочайшему Богу.	- - -	17
6	Мессія, — Эклога.	- - -	20
7	Ода Пріорова.	- - -	26
8	Вѣнокъ.	- - -	33
9	Сверьбъ.	- - -	36
10	Скорбь.	- - -	38
11	Серена, нравоучительная по- вѣсть	- - -	49
12	Черпъ изъ Милтоновой Поэмы.	- - -	62
13	Великодушная дѣвица.	- - -	64
14	Единобсѣдованіе.	- - -	65
15	Бедламъ, Агапской анекдотъ.	- - -	71
16	Къ В. В. Над — ской.	- - -	77
17	Жлабиде съшованіе дѣвицы.	- - -	81

10219

Бібліотека Тернопільського
 національного педагогічного
 університету ім. В. Гнатюка

29219